

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

- США И КНР В РЕГИОНЕ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА:
РЕАКЦИЯ НЬЮ-ДЕЛИ
- ИДЕЙНАЯ БОРЬБА МЕЖДУ РОССИЕЙ
И СОЕДИНЁННЫМИ ШТАТАМИ
- ПРЕТЕНЗИИ КАНАДЫ НА КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ШЕЛЬФ
В АРКТИКЕ
- ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫБОРЫ В КОНГРЕСС 2022 ГОДА
И АФРОАМЕРИКАНСКОЕ СООБЩЕСТВО
- «МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» И АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА
В ОТНОШЕНИИ КНР
- «РУССКАЯ» ГРУППА В СОВЕТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
АДМИНИСТРАЦИИ БАЙДЕНА
- ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ
ИЗБИРАТЕЛЕЙ В США

9 • 2023

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2023

№ 9 (645)

Сентябрь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

*Журнал издаётся под руководством
Отделения глобальных проблем и международных
отношений РАН*

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия);
Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); А.В. Коробков (Государственный
университет Среднего Теннесси, Нашвилл, США); К.И. Косачёв (Совет Федерации
Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия);
Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия);
В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов
(Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия);
А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ,
Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО,
Москва, Россия); Н.А. Шведова (ИСКРАН, Москва, Россия); Т. Грэм (Ассоциация
Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук,
Шанхай, КНР); П. Дуткевич (Карлтонский университет, Оттава, Канада); Дж. С. Дюрран
(Мемориальный университет Ньюфаундленда, Сент-Джонс, Канада); Т. Ротнем
(Государственный университет в Кеннесо, Кеннесо, США); Н. Симотомаи (Университет
Хосэй, Токио, Япония); А. Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США);
К. Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония); Хон Ван Сук (Университет
внешнеполитических исследований Ханкук, Сеул, Республика Корея).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2023

© Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, 2023

© Редколлегия журнала «США & Канада» (составитель), 2023

Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2023

No. 9 (645)

September

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Korobkov (Middle Tennessee State University, Nashville, USA); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Piotr Dutkiewicz (Carleton University, Ottawa, Canada), John Stuart Durrant (Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada), Thomas Rotnem (Kennesaw State University, Kennesaw, USA) Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan), Hon Wan Suk (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Arbatov U.S. and Canada Institute
(ISKRAN), 2023

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2023

Содержание

2023, № 9 (645)

- Батюк В.И.** Идеологическая борьба в российско-американских отношениях 5
Заманпулов Д.М. Американские подходы к посткризисному мироустройству 20

Геополитика

- Куприянов А.В.** Присутствие США и КНР в регионе Индийского океана: взгляд из Нью-Дели 32
Володин Д.А. Претензии Канады на континентальный шельф в Арктике 46

Под куполом Капитолия

- Воробьёв Д.Н.** Значение промежуточных выборов в Конгресс США 2022 года для афроамериканского сообщества 61
Черных М.А. Тенденции испаноязычных избирателей: сдвиг в сторону Республиканской партии? 74

Внутренняя политика

- Акимов Ю.Г.** "Коалиция будущее Квебека" у власти: автономизм, национализм и прагматизм 87

Внешнеполитический механизм США

- Захарова М.С.** Влияние аналитических центров на северокорейскую политику США 100
Минаев М.В. «Русская» группа в аппарате СНБ администрации Джозефа Байдена (2021–2022 гг.) 113
Информация для авторов 127

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается. Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2023, No. 9 (645)

Batyuk, V.I. Ideological Struggle in Russian-American Relations..... 5

Zamanapulov, D.M. American Approaches to the Post-Crisis World Order..... 20

Geopolitics

Kupriyanov, A.V. The United States and China in the Indian Ocean:
A View from New Delhi..... 32

Volodin, D.A. Canada's Claim to the Continental Shelf in the Arctic..... 46

On the Capitol Hill

Vorobiev, D.N. Significance of the 2022 United States Midterm Elections
for the African American Community..... 61

Chernykh, M.A. Trends of Hispanic Voters:
a Shift towards the Republican Party?..... 74

Domestic Politics

Akimov, Yu.G. Coalition Avenir Québec's Politics:
Autonomism, Nationalism and Pragmatism..... 87

U.S. Foreign Policy Mechanism

Zakharova, M.S. The Influence of Think Tanks on the U.S. Policy
toward North Korea..... 100

Minaev, M.V. Southeast Asia in the Context of the Rivalry
between the USA and China..... 113

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023090018

EDN: KFQULU

Идеологическая борьба в российско-американских отношениях

В.И. Батюк

Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова

Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ВШЭ).

Российская Федерация, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17.

Researcher ID: O-9977-2015 Scopus Author ID: 54883750900 РИНЦ ID: 74138

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1838-8616> e-mail: ctas@inbox.ru

Резюме. Вопреки надеждам на поступательное и конструктивное развитие российско-американских отношений после краха биполярного мира и прекращения идеологической конфронтации между марксизмом-ленинизмом и либеральным капитализмом, США и РФ в настоящее время фактически находятся в состоянии новой холодной войны. Хотя и Соединённые Штаты, и Российская Федерация являются в настоящее время капиталистическими государствами, между ними идёт непримиримая идеологическая борьба, где российский буржуазный национализм сталкивается с американским либеральным глобализмом. Новая разрядка в российско-американских отношениях возможна лишь после снижения накала этого идеологического противоборства.

Ключевые слова: идеология, национальные интересы, демократия, авторитаризм, политический реализм

Для цитирования: Батюк В.И. Идеологическая борьба в российско-американских отношениях. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53(9): 5-19. DOI: 10.31857/S2686673023090018 EDN: KFQULU

Ideological Struggle in Russian-American Relations

Vladimir I. Batyuk

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Higher School of Economics.

17 Malaya Ordynka Ulitsa, Moscow, Russian Federation.

Researcher ID: O-9977-2015 Scopus Author ID: 54883750900 РИНЦ ID: 74138

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1838-8616> e-mail: ctas@inbox.ru

Abstract. Contrary to the hopes for the progressive and constructive development of Russian-American relations after the collapse of the bipolar world and the end of the ideological confrontation between Marxism-Leninism and liberal capitalism, the United States and the Russian Federation are currently in a state of a new "cold war". Although both the United States and the Russian Federation are currently capitalist states, there is an irreconcilable ideological struggle between them, where Russian bourgeois nationalism collides with American liberal globalism. A new detente in Russian-American relations is possible only after reducing the intensity of this ideological confrontation.

Keywords. Ideology, national interests, democracy, authoritarianism, political realism

For citation: Batyuk, V.I. Ideological Struggle in Russian-American Relations. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2023; 53(9):5-19. DOI: 10.31857/S2686673023090018 EDN: KFUQLU

ВВЕДЕНИЕ

В данном исследовании автор рассматривает идеологию как систему взглядов на мир, отражающую интересы различных социальных групп, включая нации. Существует обширная литература, посвящённая идеологии и её роли в системе общественных отношений [Кара-Мурза С.Г., 2002]; [Яковлев А.И., 2001]; [Mises L. von., 1996]. Как пишет российский исследователь И. Кузнецов, «идеология – система руководящих принципов организации жизни. Уже на этапе внедрения идеология становится частью общественного сознания» [14].

Роль идеологии в силу целого комплекса причин – и прежде всего в результате колоссального роста участия широких народных масс в мировой политике – существенно возросла в XX веке. И идеологическая борьба была очень важным составным компонентом советско-американских отношений в период «холодной войны» конца 1940-х – конца 1980-х годов. Именно тогда в сознании представителей и правящих кругов двух «сверхдержав», и в экспертном сообществе утвердилось представление о том, что «настоящая» идеологическая борьба возможна только между «капиталистами» и «коммунистами», которые выражают интересы «антагонистических классов».

Вот почему крах так называемого «социалистического лагеря» и развал СССР на завершающем этапе холодной войны был воспринят и политиками, и экспертами как окончание идеологического противостояния. 30 лет тому назад ни на Востоке, ни на Западе не было и тени сомнений в том, что при всех различиях между бывшими «первым» и «вторым» мирами идеологическая борьба между ними закончилась раз и навсегда.

Вот что утверждал в начале 1991 г. А.Н. Яковлев, один из «прорабов перестройки» и ближайший соратник М.С. Горбачёва: «Решающая перемена последних лет – это признание общечивилизационного начала в деятельности человека на планете. Признание безусловного нравственного приоритета единых общечеловеческих ценностей. Признание равноправного и демократического характера отношений между странами и народами, необходимости укрепления в них правового, а не силового начала. Крайне важно, то, что эти тенденции воплощаются в конкретные преобразования как в мировой системе, так и во многих ситуациях внутреннего обновления стран и общественных систем» [17: 310].

На Западе также не было недостатка в завышенных ожиданиях от наступающего нового миропорядка, свидетельство чему огромная популярность в конце 1980-х – начале 1990-х годов статьи Ф. Фукуямы «Достигли ли мы конца истории», в которой провозглашается наступление нового, бесконфликтного мира, основанного на принципах экономического и политического либерализма. «Исчезновение марксизма-ленинизма сначала в Китае, а затем в Советском Союзе будет означать крах его как жизнеспособной идеологии, имеющей всемирно-историческое значение... Её гибель будет одновременно

означать расширение "общего рынка" в международных отношениях и снизит вероятность серьёзного межгосударственного конфликта» [Фукуяма Ф., 1990].

Увы, ожидания того, что идеологическая борьба навсегда отправится на свалку истории, не оправдались. Российско-американские отношения в наши дни в решающей степени определяются идеологическим противостоянием между двумя нашими странами – хотя ни в Москве, ни в Вашингтоне никто вроде бы не собирается строить «коммунизм». В чём же причина возобновления идеологической борьбы между такими стопроцентно капиталистическими (в настоящее время) странами, как Россия и Америка?

АМЕРИКАНСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Американская идеология – как и идеология любой страны – несёт печать её исторического развития. Американская нация родилась в огне национально-освободительной революции – и именно отсюда мессианские черты в современной американской идеологии. Как писал крупнейший советский и российский исследователь американской идеологии Ю.А. Замошкин, «чтобы лучше понять источники внутренней силы глобально-гегемонистской идеологии в США, надо учесть следующий факт. Те, кто выступали глашатаями этой идеологии, широко и постоянно использовали общие мыслительные схемы и понятийный аппарат, характерные для *первоначального* и наиболее прочно укорененного в массовом сознании США *общедемократического варианта «миссионерской» идеологии*. Они объявляли экспансионистские, антикоммунистические и антисоветские акции «необходимым средством» реализации и защиты общедемократических идеалов, сформулированных в Декларации независимости» [Замошкин Ю.А., 1984: 106].

Другой российский исследователь американской идеологии Е.А. Иуков также обратил внимание на американский мессианизм и миф об американской исключительности, которые стали важнейшим компонентом американской идеологии: «Американская исключительность: наша страна исключительна: город на холме, пример миру... Наша история, наша культура, экономическая и политическая система позволяют нам как нации играть ведущую роль в нашем полушарии и в мире в целом, помогая через наш пример через иностранную помощь посредством дипломатии и, при необходимости, путём военного вмешательства продвинуть мир вперед к миру и процветанию. Благожелательная мировая держава: на мировой арене американское правительство, работающее со своими союзниками по НАТО, а также с блоком демократий в Организации Объединённых Наций, является доброжелательной силой, посвящённой миру во всем мире, экономическому развитию и процветанию для всех, а также демократии по всему миру» [Иуков Е.А., 2018: 386].

«Оборотная сторона американского патриотизма – искренняя, временами слепая и пугающая убежденность в том, что предназначение Соединённых Штатов – не только “служить примером миру”, но и действительно “помогать” ему прийти в соответствие с американскими представлениями о добре и зле, – пишет российский эксперт-международник А.Д. Богатуров. – Для американца типична незамутнённая вера в то, что его представления хороши для всех, по-

сколькx отражают превосходство американского опыта и успех благоденствующего общества США. Стремление “обратить в демократию” против воли обрашаемых (в Ираке и Афганистане) – болезненная черта американского мировосприятия. Ирония по этому поводу вызывает в Америке недоумение или холодную отстранённость» [Богатуров А.Д., 2004].

Американские провалы в ходе «бесконечных войн» на Ближнем и Среднем Востоке не изменили, однако, американских представлений об американской «исключительности» и «лидерстве». Как указывается в утверждённой президентом Дж. Байденом в октябре 2022 г. Стратегии национальной безопасности США (СНБ-2022), «Соединённые Штаты остаются ведущей мировой державой. Наша экономика, наше население, наши инновации и наша военная мощь продолжают расти, часто опережая показатели других крупных стран. Присущие нам национальные сильные стороны – изобретательность, креативность, стойкость и решительность американского народа; наши ценности, разнообразие и демократические институты; наше технологическое лидерство и экономический динамизм; а также наш дипломатический корпус, специалисты по развитию, разведывательное сообщество и наши вооружённые силы – остаются непревзойдёнными... Идея о том, что мы должны конкурировать с крупнейшими автократическими державами за формирование международного порядка, пользуется широкой поддержкой, которая является двухпартийной внутри страны и углубляется за рубежом» [7: 7]. Разумеется, такого рода идеология внешней политики создаёт серьёзные проблемы в отношениях Америки с великими державами, способными обеспечить свою самостоятельность на международной арене. Уже в годы первой холодной войны это обстоятельство крайне затрудняло выстраивание конструктивного советско-американского диалога. По словам Ю.А. Замошкина, «/американская/ идеология требовала относиться к СССР не как к важнейшему элементу объективной системы международных отношений, не как к суверенной и мощной державе, с которой нельзя не считаться, необходимо мирно сосуществовать и даже выгодно сотрудничать во многих областях, но лишь как к символу и активному носителю всеобщего “зла”, как к постоянной и непосредственной “угрозе” безопасности США и разнообразным американским интересам во всех регионах мира» [Замошкин Ю.А., 1984: 107].

Окончание холодной войны было воспринято американскими правящими кругами как торжество американской идеологии и образа жизни, как подтверждение права Соединённых Штатов на гегемонию в мире. По мнению одного из авторитетнейших американских экспертов-международников, Дж. Миршаймера, в 1990-е годы большинство представителей американской политико-академической элиты «верили, что окончание холодной войны коренным образом изменило международную политику и что новый, постнациональный порядок пришёл на смену реалистической логике... Соединённые Штаты были не только “незаменимой нацией” как выразилась госсекретарь Мадлен Олбрайт; они также были доброжелательным гегемоном» [Mearshimer J., 2014].

Соответственно, любые попытки любого государства отстаивать свои национальные интересы, отличные от американских, воспринимались и воспринимаются в Соединённых Штатах как идеологический вызов американским «ценностям», как ещё одно проявление непримиримых идеологических противоречий

между «демократией» и «авторитаризмом». Идеологическая борьба не допускает каких-либо компромиссов, и нарастание идеологических противоречий в российско-американских и американо-китайских отношениях неуклонно ведёт к обострению этих отношений – и это несмотря на то, что в XXI веке и Америка, и Китай, и Россия являются капиталистическими государствами.

Такая заидеологизированная внешняя политика, однако, создаёт немалые международные проблемы для самих Соединённых Штатов. Так, доминирование идеологического подхода в американской внешней политике ведёт, как уже было сказано, к ухудшению отношений между США, с одной стороны, и КНР и РФ – с другой. Политика, которая исходит из презумпции непримиримой враждебности между «демократической» Америкой и «авторитарными» Россией и Китаем, не может не подталкивать Москву и Пекин к взаимному сближению (тем более что последние сумели уладить свои идеологические разногласия ещё на завершающем этапе первой холодной войны). Российско-китайский альянс является серьёзнейшим вызовом американским интересам на международной арене, однако, для того чтобы расколоть этот альянс американская сторона должна отбросить свой идеологический подход к международным делам, вернуться к *Realpolitik* в духе Никсона и Киссинджера и пойти на серьёзные уступки либо китайцам, либо (скорее всего) русским, чтобы убедить последних в том, что дружба с Америкой выгоднее для Москвы, чем квазисоюз с Китаем. Увы, любое американо-российское сближение (например, по украинскому вопросу) вызовет массовое осуждение со стороны американского истеблишмента как попытка умиротворения «кровавого путинского режима» [Вебер Ю., Крикович А., 2016].

Наконец – и это главное – идеология американского гегемонизма сталкивается с серьёзным кризисом. Как полагает профессор ВШЭ Д.В. Сулов, идеология американской исключительности «зашла в тупик уже во второй половине 2000-х годов, и с тех пор США находились в глубоком внешнеполитическом кризисе, который заключался в том, что мир «вдруг» перестал развиваться в соответствии с американскими идеологическими установками. Россия и Китай отказывались трансформироваться и интегрироваться в американский миропорядок на правах младших игроков, а попытки демократизации Ирака, Афганистана и Ближнего Востока в целом проваливались. Распространить америкоцентричный миропорядок на всю международную систему очевидно не удавалось, и сам этот порядок постепенно начал трещать по швам». И в этих условиях, по мнению Д.В. Сулова, «от попыток универсализации америкоцентричного миропорядка США перешли к его консолидации и обороне... Внешняя политика США ни в коем случае не становится менее идеологизированной. Из средства экспансии либеральная идеология в её новейшей леволиберальной форме превращается в инструмент консолидации «коллективного Запада», определения «свой – чужой» и раскалывания международного сообщества на противостоящие блоки» [16].

Е.А. Иуков также полагает, что можно говорить о наличии реального кризиса в современной американской идеологии: «Существовавшая более 70 лет идеологическая структура постепенно была подорвана и разрушена действиями самой политической элитой США» [Иуков Е.А., 2018: 390].

То, что американская внешняя политика сталкивается с серьёзными идеологическими вызовами, вынуждены признать и многие влиятельные представители американского истеблишмента. Как отметил духовный вождь американского неоконсерватизма Р. Кейган, «сегодня авторитаризм стал величайшим вызовом, стоящим перед либерально-демократическим миром: вызовом идеологическим, а также стратегическим... Либеральные демократии переоценили вызов коммунизма и недооценили вызов традиционного авторитаризма» [9].

РОССИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Банкротство марксистско-ленинской идеологии стало очевидно всем мыслящим людям задолго до краха Советского Союза. Отсюда – попытка М.С. Горбачёва и его сторонников отказаться от этой идеологии во имя так называемых «общечеловеческих ценностей». Вот что писал советский лидер в своей книге «Перестройка для нашей страны и для всего мира»: «Человечество должно признать жизненную необходимость приоритета общечеловеческого как главного императива эпохи... Ядром нового мышления является признание приоритета общечеловеческих ценностей и ещё точнее – выживания человечества... Появился объективный предел для классовой конфронтации на международной арене: это угроза всеуничтожения» [1: 149-150].

Но, отказавшись от марксизма-ленинизма (что имело роковые последствия для Советского Союза, который был типичной идеократией), Горбачёв не стал выдвигать какую-то альтернативную идеологию на замену обанкротившейся коммунистической идеологии, предпочтя так называемую «деидеологизацию» советской внешней политики. «Горбачёв полагал, что его мессианская идея нового политического мышления, общечеловеческих ценностей будет поддержана и другими странами, а он будет влиять на формирование нового миропорядка, который будет основываться на справедливости, демократии, всеобщем примирении и согласии, - отметил российский исследователь М.Ф. Польшов. - Находясь в плену собственной увлеченности и эмоциональной реакции части зарубежной общественности и государственных деятелей, генсек считал, что к перестройке перейдут и другие страны» [Польшов М.Ф., 2012: 86-87].

Крах горбачёвской внешней и внутренней политики не мог не вызвать ответной реакции в виде попыток реидеологизации внешней политики России. По мнению действительного члена Академии военных наук О.А. Белькова, «в современной России реидеологизаторская тенденция выражена весьма отчетливо. Она находит отражение и в поисках «национальной идеи», и в стремлении построить национальное патриотическое государство, и в желании приобщить страну к достижениям мировой цивилизации» [12]. Из вышеприведенного высказывания О.А. Белькова видно, что реидеологизация в России идет по разным направлениям – с одной стороны, видно стремление построить «национальное патриотическое государство», а с другой – наблюдается желание «приобщить страну к достижениям мировой цивилизации». Действительно, до сих пор в российских политико-академических кругах, а также среди широкой общественности

идут дискуссии о том, какой должна быть современная российская идеология и, соответственно, идеология внешней политики России.

В свою очередь профессор МГИМО И.А. Зевелёв с огорчением констатирует, что «горбачёвская картина мира кардинально отличается от популярного сегодня великодержавного национализма. Внешняя политика России, особенно после 2014 г., выглядит как возвращение на хорошо знакомые рельсы, уложенные много веков назад, после наивных попыток Горбачёва, а затем и Ельцина, проложить новые пути по целине. Сегодня многие политики, государственные и общественные деятели всячески подчеркивают преемственность многовековой российской истории... Внешняя политика, соответствующая непреходящему статусу Великой Державы, стала важнейшим компонентом конструирования национальной идентичности... С точки зрения теории международных отношений, сегодня главное противоречие – не между реализмом и либерализмом, а между национализмом и универсализмом» [Зевелёв И.А., 2018].

Некоторые мыслители призывают реанимировать в той или иной форме почивший в бозе марксизм-ленинизм. Как полагает П. Киле, «социалистическая идеология, безусловно более прогрессивная и человечная, чем буржуазная, может явиться духовной основой единства народов России, с равноправием и братством народов при всех различиях их этнической и конфессиональной принадлежности. Это единство было реальностью в СССР. Это единство необходимо для мира и процветания народов РФ» [Киле П., 2006].

Некоторые эксперты, описывая новую идеологию «прекрасной России будущего», провозглашают что-то вроде тоста «за все хорошее». Вот что пишет, например, В. Кузнецов в своей книге «Идеология развития России»: «Основными смыслами новой народной идеологии становятся законность, благополучие, образование и безопасность, которые образовали ядро объединяющей идеологии» [Кузнецов В., 2010: 434]. А вот что пишет об этом Г. Малинецкий: «Какова формула идеологии, консолидирующей Россию? Формула идеологии «Совесьть – Соборность – Будущее». Строительство прекрасной страны для счастливых людей – это большой проект мира России XXI века, не менее важный, чем Атомный и Космический проекты для XX века. Именно успех этого проекта определит место России в мире и истинный смысл её идеологии». [15].

Нам представляется, однако, что верх в дискуссии о современной российской идеологии берет **российский национализм**. В своей получившей широкую известность книге «Национальная идея России» крупнейший российский этнограф академик В.А. Тишков пишет: «В стране *произошёл поразительный прорыв от советско-ностальгической идентичности к общероссийскому самосознанию и патриотизму*, явный поворот от межэтнических напряженностей и региональной разобщенности к общероссийской солидарности и гражданскому согласию. Действительно, путь нового нацистроительства далеко не пройден, он переживает паузы и даже моменты попятного движения. Но это не должно обескураживать сторонников российского национального проекта» (курсив авт. – В.Б.) [Тишков В.А., 2021: 7]. Автор особо подчеркивает, что надежды глобалистов на исчезновение национальных государств и формирование некой общечеловеческой общности – не оправдались: «Наша позиция заключается в том, что на *нынешнем го-*

ризонте эволюции человеческих сообществ нет более значимой и всеохватной социальной коалиции людей, чем национальные государства. Именно nation-states обеспечивают важнейшие экзистенциальные потребности и права современного человека: от территориально-ресурсного и организационно-хозяйственного жизнеобеспечения до устройства и поддержания социальных институтов, правовых норм общежития, воспитания, просвещения и окультуривания населения через поддерживаемыми государством системы. Государства обеспечивают гражданскую солидарность, предотвращают конфликты и насилие, защищают от внешних угроз и глобальных вызовов» (курсив авт. – В.Б.) [Тишков В.А., 2021: 31].

Российский национальный проект формулируется как некая антитеза западному леволиберальному глобализму. По словам депутата Госдумы О.А. Матвейчева, для России поиск национальной идеи – как формулы того, что отличает нашу, российскую цивилизацию от других – становится не отвлеченной абстракцией, а насущной необходимостью: «Мы говорим о том, что мир многополярен в том числе и в культуре, языки, на которых мыслят и воспринимают мир народы – разнообразны, философские подходы и парадигмы – разнообразны. А нас пытаются нивелировать всевозможной политкорректностью, «культурой отмены» и многими другими вещами. Все это для нас совершенно неприемлемо» [13].

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Таким образом, мы видим, что в XXI веке вернулось идеологическое противоборство между Москвой и Вашингтоном – только теперь уже в форме противостояния российского национализма и американского либерального глобализма. Ирония истории состоит в том, что в идеологической сфере Москва и Вашингтон за последние несколько десятилетий поменялись местами. В годы холодной войны именно Советская Россия выступала радикальной революционной силой. Теперь же мы стали свидетелями удивительной метаморфозы: Российская Федерация стала консервативной страной, ревнительницей Realpolitik, международного права и стабильности, – ну, а Соединённые Штаты превратились в, если воспользоваться штампом советской пропаганды, «главную революционную силу современности», которая стремится изменить мир по своему образцу и подобию, неся свободу и демократию на своих штыхах. [Батюк В.И., 2018; 276-290].

Как пишет руководитель департамента международных отношений Высшей школы экономики А.В. Лукин, «в отличие от Запада, после конца холодной войны с удвоенной скоростью двигавшегося в сторону идеократии, Россия, наоборот, из тоталитарной идеократии превращалась в обычное, нормальное государство. Термин «обычное» здесь означает, что таких неидеократических государств, не старающихся навязывать свою модель другим, не считающих ее общественным идеалом и венцом социальной эволюции, а просто решающих насущные, практические проблемы – большинство в мире» [Лукин А.В., 2016: 54].

В этих условиях, в силу целого комплекса внутривнутриполитических и идеологических причин Вашингтон не готов к нормальному диалогу с российской стороной. Нынешняя американская правящая элита воспринимает окружающий мир через призму непримиримой идеологической борьбы между «демократией» и «авторитаризмом».

Как подчеркнул президент США Дж. Байден в предисловии к «Временному стратегическому руководству по национальной безопасности» (*Interim National Security Strategic Guidance*), «я полагаю, что мы находимся в эпицентре исторических и фундаментальных дебатов о будущем направлении развития нашего мира. Есть те, кто утверждает, что, учитывая все проблемы, с которыми мы сталкиваемся, автократия – лучший путь вперёд. И есть те, кто понимает, что демократия необходима для решения всех проблем нашего меняющегося мира. Я твёрдо верю, что демократия – это ключ к свободе, процветанию, миру и достоинству. Сейчас мы должны продемонстрировать – с ясностью, которая рассеивает любые сомнения, – что демократия всё ещё может принести пользу нашему народу и людям во всём мире» [6: 3].

Нельзя не отметить в этой связи, что, судя по этим словам американского президента, в Вашингтоне больше не считают глобальную победу либеральной демократии чем-то само собой разумеющимся. Видимо, американский «триумфализм» 1990-х годов, когда формирование американоцентричного миропорядка считалось неизбежным, сменился иными настроениями. Существует немало примет того, что западная либерально-глобалистская элита гораздо серьёзнее воспринимает идеологический вызов со стороны Москвы, чем это было во времена первой холодной войны.

Следует отметить в этой связи, что истерическая реакция западного истеблишмента на «вмешательство Москвы» во внутреннюю политику своих стран существенно отличается от реакции правящих кругов США и их союзников на советскую пропаганду в годы первой холодной войны. Несмотря на то, что советская пропагандистская машина была одной из самых мощных в мире, её влияние на умы и сердца людей было ничтожно (особенно в последние годы существования так называемого «развитого социализма»). Мало кто на Западе слушал «Радио Москвы», а вот «вражьи голоса» стали серьёзным вызовом для руководства СССР и его союзников по «социалистическому лагерю» [11: 27-34].

В настоящее время, однако, соотношение идеологических сил выглядит явно не в пользу либерального глобалистского капитализма: его теснит буржуазный национализм. Так, по словам профессора Чикагского университета Дж. Миршаймера, «национализм – это чрезвычайно мощная политическая идеология. Она вращается вокруг разделения мира на самые разные нации, которые являются огромными социальными единицами, каждая из которых имеет свою собственную культуру. Практически каждый народ предпочёл бы иметь своё собственное государство, хотя не все могут. Тем не менее, мы живём в мире, населённом почти исключительно национальными государствами, что означает, что либерализм должен сосуществовать с национализмом. Либеральные государства также являются национальными государствами. Нет никаких сомнений в том, что либерализм и национализм могут сосуществовать, но, когда они сталкиваются, национализм почти всегда побеждает» [Mearsheimer J., 2018].

ВОЗМОЖНА ЛИ НОВАЯ РАЗРЯДКА В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ?

Взаимоотношения между Москвой и Вашингтоном слишком важны и для наших двух стран, и для всего международного сообщества, чтобы эти взаимоотношения можно было бы просто аннулировать на том основании, что они не

соответствуют чьим-то «принципам» или «идеалам». Рано или поздно вторая холодная война должна смениться второй разрядкой.

Опыт истории советско-американских отношений показывает, что и «первая» разрядка рубежа 1960–1970-х годов, и «горбачёвская» разрядка второй половины 1980-х стали возможными только в условиях ослабления идеологического противостояния между СССР и США. Советско-американская разрядка 1970-х стала возможной только после того, как и в США, и в СССР, хотя и по разным причинам, ослаб сверхдержавный мессианизм. Так, к концу 1960-х годов в американском обществе под влиянием поражения во Вьетнаме американская «глобальная миссия» была поставлена под вопрос [10: 676]. Одновременно и в Советском Союзе происходил постепенный отказ от марксистско-ленинских идеологических догм [Арбатов Г.А., 1991: 178-218]. В свою очередь советско-американская идеологическая борьба была ослаблена во второй половине 1980-х годов под влиянием горбачёвского «нового мышления».

Сейчас, однако, перспективы снижения накала российско-американского идеологического противостояния не просматриваются. Более того, есть основания полагать, что эта борьба может даже обостриться, приобретя гораздо более жёсткие формы, чем даже во времена первой холодной войны.

Так, в последнее время в американских кругах активно обсуждается вопрос о необходимости расчленения России. 23 июня 2022 г. американская Комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе («Хельсинкская комиссия» США) провела в Вашингтоне брифинг под названием «Декolonизировать Россию. Моральный и стратегический императив». Как указывалось в анонсе брифинга, «варварская война России на Украине — а до этого в Сирии, Ливии, Грузии и Чечне — обнажила злобный имперский характер Российской Федерации перед всем миром. Её агрессия также является катализатором давно назревшего разговора о внутренней империи России, учитывая господство Москвы над многими коренными нерусскими народами и жестокие меры, которые Кремль принял для подавления их национального самовыражения и самоопределения. В настоящее время ведутся серьёзные и противоречивые дискуссии о том, как считаться с фундаментальным империализмом России и необходимостью «деколонизации» России, чтобы она стала жизнеспособным участником европейской безопасности и стабильности» [5].

Следует отметить в этой связи, что, хотя Хельсинкская комиссия позиционирует себя как «независимая» структура, она была создана по решению Конгресса США и является органом американского правительства, а сопредседателем комиссии является С. Коэн — член Палаты представителей от штата Теннесси (демократ). Выступая на брифинге, конгрессмен Коэн заявил, что русские «в сущности, колонизировали свою собственную страну» и Россия «не является нацией в строгом смысле этого слова» [8].

Данный брифинг — далеко не единственный пример того, что в американской политике на российском направлении постепенно происходит серьёзный сдвиг. Убедившись в несостоятельности расчётов на «смену режима» в России, американская политико-академическая элита в настоящее время рассматривает другой вариант решения «русского вопроса» — распад России и её ликвидация в качестве суверенного единого государства.

Характерными в этом смысле являются статьи неоконсервативного активиста Ш. Мишеля, опубликованные в таких влиятельных изданиях, как журнал «Атлантик» и газета «Уолл-стрит джорнел». В этих статьях Мишель доказывает, что «до тех пор, пока московская империя не будет свергнута, /Евразийский/ регион – и весь мир – не будут в безопасности. И Россия тоже. Европа останется нестабильной, а украинцы, русские и все колонизированные народы, вынужденные сражаться за Кремль, будут продолжать умирать... Россия развязала величайшую войну, которую мир видел за последние десятилетия, и всё это на службе империи. Чтобы избежать риска дальнейших войн и бессмысленного кровопролития, Кремль должен потерять ту империю, которую он всё ещё сохраняет. Проект деколонизации России должен быть, наконец, завершён» [Michel С., 2022].

Не приходится сомневаться в том, что, если подобные взгляды в американских правящих кругах возобладают – ни о какой российско-американской «разрядке», ни в какой обозримой перспективе речи быть не может. Хотелось бы напомнить в этой связи, что, например, американо-китайская разрядка началась в 1972 г. с того, что Вашингтон начал проводить политику «одного Китая». Сама концепция «деколонизации России», очевидно, предполагает, что будет множество России вместо одной – и тогда диалог с Москвой становится для Соединённых Штатов совершенно бессмысленным.

Столь же негативные последствия для нормализации российско-американских отношений могло бы иметь и решение Вашингтона провозгласить Россию страной-спонсором международного терроризма (что предлагают сделать такие влиятельные американские политики, как член Палаты представителей Н. Пелоси и сенатор Л. Грэм [3]. И 27 июля 2022 г. сенат Конгресса США большинством голосов одобрил соответствующую резолюцию [4].

Как заявил в этой связи директор Департамента Северной Америки МИД РФ А.Н. Дарчиев, если «данная резолюция будет реализована, это будет означать пересечение Вашингтоном точки невозврата с самым серьёзным сопутствующим ущербом для двусторонних дипотношений вплоть до понижения их уровня и даже разрыва. Американская сторона предупреждена» [2].

Судя по всему, такого рода экстремистские взгляды не стали пока доминирующими в американской политике на российском направлении. Так, в том разделе СНВ-2022, который посвящён России, говорится, что «Америка сохраняет заинтересованность в сохранении стратегической стабильности и развитии более обширной, прозрачной и поддающейся проверке инфраструктуры контроля над вооружениями для успеха нового договора по СНВ и в восстановлении европейских механизмов безопасности, которые из-за действий России пришли в упадок. Наконец, Соединённые Штаты будут поддерживать и развивать прагматичные способы взаимодействия для решения вопросов, по которым сотрудничество с Россией может быть взаимовыгодным. Соединённые Штаты уважают российский народ и его вклад в науку, культуру и конструктивные двусторонние отношения на протяжении многих десятилетий. Несмотря на стратегический просчёт российского правительства при нападении на Украину, именно российский народ будет определять будущее России как крупной державы, способной вновь играть конструктивную роль в международных делах. Соединённые Штаты будут при-

ветствовать такое будущее, а тем временем продолжают противодействовать агрессии, совершаемой российским правительством» [7: 26-27].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, идеологическая борьба в российско-американских отношениях завела эти отношения в тупик, выход из которого не просматривается. Опыт советско/российско-американских отношений показывает, что только снижение накала идеологической борьбы, возвращение Москвы и Вашингтона к *Realpolitik* может вывести эти отношения из тупика.

В настоящее время, однако, в американских правящих кругах продолжают придерживаться той точки зрения, что порядок и стабильность в мире могут возникнуть лишь на основе общей системы ценностей, в основе которой – западные представления о либеральной демократии. Попытки же националистов защитить национальные интересы их стран воспринимаются в США как «нарушение миропорядка, основанного на правилах». Как считают многие представители американского истеблишмента, между «либеральными демократиями» и «авторитарными режимами» неизбежно будут нарастать разногласия. В этих условиях любой, даже самый выгодный для Запада компромисс с его незападными оппонентами неизбежно будет восприниматься среди западного мейнстрима как поправка либеральных и демократических ценностей и принципов.

Российско-американские отношения, однако, слишком важны и для наших двух стран, и для всего международного сообщества, чтобы эти отношения можно было просто аннигилировать. Без конструктивного диалога между двумя державами невозможно решить важнейшие проблемы, с которыми сталкивается человечество – от предотвращения термоядерной катастрофы до экологии. Рано или поздно политико-академическая элита США будет вынуждена признать эту аксиому.

ИСТОЧНИКИ

1. Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, 1988. – 271 с.
2. МИД РФ: США раскручивают маховик «визовой войны» против россиян. ТАСС. 13 августа 2022 г. Available at: <https://tass.ru/interviews/15461765> (accessed 01.09.2022).
3. Badow D. Is Russia a State Sponsor of Terrorism? *The American Conservative*. Aug 11, 2022. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/is-russia-a-state-sponsor-of-terror/> (accessed 31.08.2022).
4. Calling on the Secretary of State to Designate the Russian Federation as a State Sponsor of Terrorism; Congressional Record Vol. 168, No. 125 (Senate - July 27, 2022). Available at: <https://www.congress.gov/congressional-record/volume-168/issue-125/senate-section/article/S3736-3> (accessed 15.08.2022).
5. Decolonizing Russia. A Moral and Strategic Imperative. Thursday, June 23, 2022. Washington, D.C. United States. Commission on Security and Cooperation in Europe. U.S. Helsinki Commission. Available at: <https://www.csce.gov/international-impact/events/decolonizing-russia> (accessed 11.07.2022).
6. Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. President Joseph R. Biden, Jr. – 23 p.

7. National Security Strategy. October 2022. White House, Washington. – 48 p.
8. Norton B. US gov't body plots to break up Russia in name of 'decolonization'. *Multipolarista*. 2022-06-23. Available at: <https://multipolarista.com/2022/06/23/us-government-decolonize-russia/> (accessed 11.07.2022).
9. Kagan R. The Strongmen Strike Back. *Washington Post*. March 14, 2019. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/opinions/wp/2019/03/14/feature/the-strongmen-strike-back> (accessed 11.07.2022).
10. Kissinger H. 1994. *Diplomacy*. – New York: Simon and Schuster, 1994. – 912 p.
11. Батюк В.И. 2020. Новая холодная война. *Дипломатическая служба*. № 1, 2020. С. 27-34.
12. Бельков О.А. 2021. Деидеологизация: мировой тренд или конъюнктурный неологизм? *Российское военно-историческое общество. История. РФ*. 20.05.2021. Available at: <https://histrf.ru/magazine/article/deideologizaciya-mirovoy-trend-ili-konyunktturnyy-neologizm> (accessed 11.07.2022).
13. Волкова Д. 2022. В столкновении с Западом рождается национальная идея России. *Взгляд*. 27 мая 2022. Available at: <https://vz.ru/society/2022/5/27/1160311.html> (accessed 11.07.2022).
14. Кузнецов И. 2014. К вопросу об интерпретации понятия «идеология». *Русская народная линия*. 30.12.2014. Available at: https://ruskline.ru/analitika/2014/12/30/k_voprosu_ob_interpretacii_ponyatiya_ideologiya (accessed 01.09.2022).
15. Малинецкий Г. Стратегия и идеология России. *Авторский блог*. 12.03.2021. Available at: https://zavtra.ru/blogs/xxi_vek_strategiya_i_ideologiya_rossii (accessed 01.09.2022).
16. Суслов Д. 2021. Новая парадигма внешней политики США и отношения с Россией. *Валдай. Международный дискуссионный клуб*. 17.11.2021. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novaya-paradigma-vneshney-politiki-ssha> (accessed 31.08.2022).
17. Яковлев А.Н. 1991. Муки прочтения бытия. *Перестройка: надежды и реальности*. М.: Новости, 1991. 364 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арбатов Г.А. 1991. Затянувшееся выздоровление (1953-1985 гг.) М.: Международные отношения, 1991. 402 с.
- Батюк В.И. 2018. Российско-американские отношения: между идеализмом и реализмом / Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России. М.: Международные отношения, 2018. С. 276-290.
- Богатуров А.Д. 2004. Истоки американского поведения. *Россия в глобальной политике*. № 6, Ноябрь - Декабрь 2004. Available at: https://globalaffairs.ru/number/n_4204 (accessed 15.08.2022).
- Вебер Ю., Крикович А. 2016. Измотать и пересидеть. Истоки американского поведения в отношении России. *Россия в глобальной политике*. № 2, 2016. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Izmotat-i-peresidet-18030> (accessed 10.03.2020).
- Замощкин Ю.А. 1984. Идеология и внешняя политика. *Современная внешняя политика США. В двух томах. Том первый*. М.: Наука, 1984. С. 95-120.

Зевелёв И.А. 2018. Снова воспоминание о будущем. *Россия в глобальной политике*. 07.12.2018. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/snova-vozpominanie-o-budushhem/> (accessed 10.03.2020).

Иуков Е.А. 2018. Современный кризис американской идеологии. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2018. Т. 7. № 2(23). С. 385-390.

Кара-Мурза С.Г. 2002. Идеология и мать её наука. – М.: Алгоритм, 2002. 253 с.

Киле П. 2006. Идеология РФ в XXI веке. *Информационно-аналитический журнал «Политическое образование»*. 3 апреля 2006 года. Available at: <http://lawinrussia.ru/content/ideologiya-rf-v-xxi-veke> (accessed 15.08.2022).

Кузнецов В. 2010. Идеология развития России. – М.: Книга и бизнес, 2010. 500 с.

Лукин А.В. 2016. Новая международная идеократия и Россия. *Сравнительная политика и геополитика*. № 1(22), 2016. – С. 41-57.

Польнов М.Ф. 2012. «Новое политическое мышление»: возникновение и основные идеи. *Общество, среда, развитие*. 2012. № 1. С. 84-89.

Тишков В.А. 2021. Национальная идея России. – М.: АСТ, 2021. 416 с.

Фукуяма Ф. Конец истории? «Вопросы философии», 1990. № 3, с.134-148.

Яковлев А.И. 2001. Государственная идеология. – Калуга: Облиздат, 2001. 315 с.

REFERENCES

Arbatov, G.A. 1991. Zatianuvsheesia vyzdorovlenie (1953-1985) [Prolonged recovery (1953-1985)] (In Russ.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. – 402 p.

Batyuk, V.I. 2018. Rossiisko-amerikanskie otnosheniia: mezhdru idealizmom i realizmom [Russian-American Relations: Between Idealism and Realism] (In Russ.). *Novye mezhdunarodnye otnosheniia: osnovnye tendentsii i vyzovy dlia Rossii* [New International Relations: Major Trends and Challenges for Russia] (In Russ.). – Moscow: Mezhdunarodnyje otnosheniia. – P. 276-290.

Bogaturov, A.D. 2004. Istoki amerikanskogo povedeniia [Sources of American Conduct] (In Russ.). *Russia in Global Affairs*. No. 6. Available at: https://globalaffairs.ru/number/n_4204 (accessed 15.08.2022).

Veber, Yu., Krikovich, A. 2016. Izmotat I peresidet. Istoki amerikanskogo povedeniia v otnoshenii Rossii [Wear out and sit out. The origins of American behavior towards Russia] (In Russ.). *Russia in Global Affairs*. No. 2. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Izmotat-i-peresidet-18030> (accessed 10.03.2020).

Zamoshkin, Yu.A. 1984. Ideologija i vneshniaia politika SShA. [Ideology and foreign policy] (In Russ.). In two volumes. Volume one. – Moscow: Nauka. – P. 95-120.

Zevelev, I. 2018. Snova vozpominanie o buduschem. [Again the memory of the future] (In Russ.). *Russia in Global Affairs*. 07.12.2018. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/snova-vozpominanie-o-budushhem/> (accessed 10.03.2020).

Iukov, E.A. 2018. Sovremennij krizis amerikanskoj ideologii [The modern crisis of American ideology] (In Russ.). *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. Vol. 7, N. 2 (23). – P. 385-390.

Kara-Murza, S.G. 2002. Ideologija i mat' ee nauka [Ideology and its mother science] (In Russ.). – Moscow: Algoritm. 253 p.

Kile, P. 2006. Ideologiya RF v XXI veke [Ideology of the Russian Federation in the XXI century] (In Russ.). *Informatsionno-analiticheskii zhurnal "Politicheskoe obrazovanie"*. April 3. Available at: <http://lawinrussia.ru/content/ideologiya-rf-v-xxi-veke> (accessed 15.08.2022).

Kuznetsov, V. 2010. Ideologiya razvitiia Rossii [Ideology of Russia's development] (In Russ.). Moscow: Kniga i biznes, 2010. – 500 p.

Lukin, A.V. 2016. Novaia mezhdunrodnaia ideokratiia i Rossiia [The New International Ideocracy and Russia] (In Russ.). *Sravnitel'naia politika i geopolitika*. No. 1. P. 41-57.

Polynov, M.F. 2012. "Novoe politicheskoe myshlenie": vzniknovenie i osnovnye idei ["New Political thinking": emergence and main ideas] (In Russ.). *Society, Environment, Development*. No. 1. P. 84-89.

Tishkov, V.A. 2021. Natsional'naia ideia Rossii [The national Idea of Russia] (In Russ.). Moscow: AST. 416 p.

Fukuyama, F. 1990. Konets Istorii [The End of History?] (In Russ., Translated from English) *Voprosy Filosofii*. No. 3, p. 134-148.

Yakovlev, A.I. 2001. Gosudarstvennaia ideologiya [State ideology] (In Russ.). Kaluga: Oblitizdat. 315 p.

Mearsheimer, J. 2018. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. *The National Interest*. October 5. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/great-delusion-liberal-dreams-and-international-realities-32737> (accessed 10.03.2020).

Mearshimer, J. 2014. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. *Foreign Affairs*. September/October. Available at: <http://www.foreignaffairs.com/articles/141769/john-j-mearsheimer/why-the-ukraine-crisis-is-the-wests-fault> (accessed 10.03.2020).

Michel, C. 2022. Decolonize Russia. *The Atlantic*. May 27. Available at: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/05/russia-putin-colonization-ukraine-chechnya/639428/> (accessed 01.09.2022).

von Mises, L. 1996. Human Action. A Treatise on Economics. Fourth Revised Edition. San Francisco: Fox & Wilkes. xix, 927 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БАТЮК Владимир Игоревич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3. Профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (ВШЭ). Российская Федерация, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17.

Vladimir I. BATYUK, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher.

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khleby per., Moscow 121069, Russian Federation.

Professor, Higher School of Economics.

17 Malaya Ordynka St., Moscow, 119017, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 22.12.2022 / Received 22.12.2022.

Поступила после рецензирования 20.01.2023 / Revised 20.01.2023.

Статья принята к публикации 23.01.2023 / Accepted 23.01.2023.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S268667302309002X

EDN: KFSOEW

Американские подходы к посткризисному мироустройству

Д.М. Заманапулов

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Scopus Author ID: 57218933652 РИНЦ ID: 1041917

ORCID: 0000-0003-3682-1241 e-mail: dz750@mail.ru

Резюме: В статье предпринята попытка проанализировать американские подходы к построению миропорядка, который бы отвечал интересам Вашингтона в посткризисную эпоху. Согласно действующей Стратегии национальной безопасности США (2022 г.), современный миропорядок характеризуется резким обострением противоречий между США и такими странами, как Россия, Китай и Иран, при этом каждый из указанных центров силы имеет своё видение справедливого международного порядка, что порождает энергию конфликта и приводит к применению силы ниже уровня открытых боевых действий. После краткого исторического экскурса о причинах настоящего кризиса автор переходит к исследованию американского видения международной системы, затем анализирует стратегию, при помощи которой США будут стремиться обеспечить посткризисное урегулирование на своих условиях. В статье обосновываются выводы о причинах современного кризиса; о стратегии США, которая позволит Вашингтону решить стоящие перед ним задачи на современном этапе; об американских подходах к посткризисному мироустройству.

Ключевые слова: США, мироустройство, стабильность, безопасность, стратегия

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Заманапулов Д.М. Американские подходы к посткризисному мироустройству на современном этапе. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53 (9): 20–31. DOI: 10.31857/S268667302309002X EDN: KFSOEW

American Approaches to the Post-Crisis World Order

Democrit M. Zamanapulov

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID: 57218933652 РИНЦ ID: 1041917

ORCID: 0000-0003-3682-1241 e-mail: dz750@mail.ru

Abstract: The article attempts to analyze American approaches to building a world order that would meet the interests of Washington in the post-crisis era. According to the current US

National Security Strategy (2022), the modern world order is characterized by a sharp escalation of contradictions between the US and countries such as Russia, China and Iran, while each of these centers of power has its own vision of a just international order, which generates the energy of conflict and leads to the use of force below the level of open hostilities. After a brief historical digression about the causes of the current crisis, the author proceeds to the study of the American vision of the international system, then analyzes the strategy by which the United States will seek to ensure a post-crisis settlement on its own terms. The article substantiates the conclusions about the causes of the current crisis; about the US strategy that will allow Washington to solve the tasks facing it at the present stage; about American approaches to the post-crisis world order.

Keywords: USA, world order, stability, security, strategy

Acknowledgment: The article was prepared within the project "Post-Crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2020-783).

For citation: Zamanapulov, D.M. American Approaches to the Post-Crisis World Order. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53(9): 20-31. DOI: 10.31857/S268667302309002X EDN: KFSOEW

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, каждая война оканчивается миром и каждый конфликт заканчивается урегулированием, что является необходимым условием нормального функционирования системы международных отношений. Анализ крупнейших военных конфликтов с начала Контрреформации вплоть до окончания холодной войны в XX веке показывает, что все они оканчивались созывом крупных дипломатических конгрессов, которые вырабатывали «правила игры» для поведения государств на международной арене в новых условиях и определяли миропорядок для жизни последующих поколений.

Окончание Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), наиболее длительного конфликта в истории Европы, сопровождалось установлением Вестфальской системы международных отношений с чётким определением статуса государств и алгоритма применения ими силы в отношении друг друга. Завершение эпохи Наполеоновских войн (1803–1815 гг.) было сопряжено с работой Венского конгресса стран-победительниц, который ввёл в международные отношения понятие великих держав и выработал систему баланса сил в Европе. Это позволило избежать крупных военных конфликтов вплоть до начала Первой мировой войны (1914–1918 гг.), когда система сдержек и противовесов австрийского дипломата, князя Клеменса фон Меттерниха потерпела крах в результате действий германского милитаризма, остановив который смогли лишь совместные действия стран Антанты и поддержавших их в последний момент Соединённых Штатов. Победа союзников в войне привела к попытке создания системы коллективной безопасности на конференции в Версале, которая, как показали дальнейшие события, потерпела неудачу, во-первых, в силу того, что Конгресс США пресёк попытку президента Вудро Вильсона выйти за рамки традиционных американских стратегических императивов изоляционизма и не ратифицировал Версальский договор, и, во-вторых,

вследствие того, что разные страны воспринимали угрозы по-разному. К примеру, то, что являлось угрозой для Болгарии, не являлось угрозой для Бельгии и т.д. В конце концов, указанные сложности, а также кабальные условия для проигравших стран, и прежде всего Германии, сделали возможным развязывание ею Второй мировой войны – самого ужасного конфликта в истории человечества.

В свою очередь, крах гитлеровской Германии поделил мир на две сферы влияния, ответственность за которые несли США и СССР. Соглашения, принятые сторонами в рамках конференций в Ялте и Потсдаме, позволили Вашингтону и Москве создать прочную систему управления внешнеполитическими процессами, протекающими в глобальном масштабе. Лидеры США и СССР могли путём телефонных переговоров между Белым домом и Кремлём остановить очередной арабо-израильский конфликт или урегулировать вопрос гуманитарной безопасности в Африке и Центральной Америке. Несмотря на жёсткое военно-политическое противостояние на начальной стадии холодной войны, стороны демонстрировали лояльность друг к другу в вопросах, связанных с контролем над поведением своих союзников в том или ином лагере.

Примером совместных действий США и СССР может служить Суэцкий кризис, когда Вашингтон и Москва осудили действия Великобритании, Франции и Израиля [Крыжко Л.А., 2022: 86]. Данная позиция США объяснялась необходимостью пресечения односторонних действий союзников в будущем, что находило полнейшую поддержку со стороны СССР.

США, в свою очередь, ограничились формальными действиями во время Венгерского кризиса 1956 г. [7: 552] и чехословацких событий в 1968 г., когда СССР «наводил порядок» в своём военно-политическом лагере. Тем самым сверхдержавы демонстрировали стремление сохранить существующий статус-кво и не допустить возникновения ситуации, которая могла бы привести существующий миропорядок к точке бифуркации. Во многом такой подход позволил сторонам избежать прямого военного столкновения и исключить повторение сценария Карибского кризиса, когда мир был поставлен на грань ядерного конфликта. Метафорически международную систему периода холодной войны можно уподобить мосту, где США и СССР выступали в роли оснований, на которых держался фундамент международной безопасности.

Эта система сохранялась до тех пор, пока сверхдержавы проявляли разумную сдержанность и не предпринимали дорогостоящих внешнеполитических авантюр наподобие Вьетнамской или Афганской войн, которые подвергали существующую систему «турбулентности» и влекли к излишнему перенапряжению сил, что со времён Римской империи становилось основным фактором крушения держав.

ПРИЧИНА СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА

Во многом современный кризис стал следствием того, что после окончания холодной войны и распада Советского Союза мировым сообществом не была организована работа очередного конгресса (как это имело место после окончания крупных конфликтов прошлого), который бы выработал новую систему, позволяющую построить новый, более адекватный, отвечающий реалиям XXI века мир.

Тем самым, «мост» международной безопасности потерял одну из своих несущих «опор» в лице Советского Союза, что привело к «качелям» и неустойчивости современного миропорядка. Система, характеризующаяся высокой степенью контроля над внешнеполитическими процессами периода холодной войны, была уничтожена, а новой создано не было. Пространство безопасности, которое ранее находилось в зоне ответственности СССР, переформатировалось, по меткому выражению Збигнева Бжезинского, в зону больших «евразийских Балкан» [5: 151], ареал нестабильности и тревожности, который подпитывался экономическим крахом и вызовами международного терроризма. Наряду с этим распад Советского Союза, обладавшего передовыми военными технологиями, ядерной триадой и крупнейшей в мире сухопутной армией, в противостоянии, в котором не было сделано ни одного выстрела, породило в российском обществе концепцию предательства и привело к циркуляции идей реваншизма.

Как известно, человечество может строить своё будущее только на фундаменте истории; данное правило подтвердилось и в случае с США, поведение которых на международной арене в период после окончания холодной войны определялось достижением сиюминутных задач национальной безопасности. Вместо того чтобы преследовать общемировые интересы, выраженные в необходимости разработки новой архитектуры безопасности, Соединённые Штаты, как и другие державы прошлого, стали преследовать узконациональные цели. Так, довольно скоро Вашингтон поддержал желание некоторых восточноевропейских стран, в том числе бывших советских республик, вступить в блок НАТО, хотя понимал, что данный шаг не вызовет понимания со стороны Москвы.

Несмотря на это, следует заметить, что во взаимоотношениях с Россией в тот период США проявляли и рациональные подходы, которые отвечали интересам международной безопасности. Так, Вашингтон проявил конструктивный подход в вопросе передачи Москве ядерных ракет из бывших советских республик – Украины, Белоруссии и Казахстана. На наш взгляд, данную позитивную роль следовало бы поддержать усилиями западного мира по укреплению зарождающихся в России демократических механизмов и институтов, что могло бы сделать современный мир более безопасным, однако этот подход уступил место более приоритетным для США целям по удержанию за собой роли единственной сверхдержавы, определяющей повестку в международной жизни. Как отмечалось выше, последнее является объективным процессом, основанным на эгоистичном преследовании государствами своих интересов. В этой связи уместно привести замечание Зб. Бжезинского о том, что русские обманывались в части того, что они будут признаны американцами в качестве равноправных партнёров по решению вопросов в Европе, так как им предстояло пройти долгий путь в сфере построения демократического общества и более мощной экономики [5: 143]. Такое поведение Соединённых Штатов было воспринято российскими элитами как свидетельство двуличности Запада, подстегнуло реваншизм и обосновало необходимость противостояния американской линии, прежде всего в бывших советских республиках.

Расширение блока НАТО и позиция США, заключающаяся в том, что от них в этом вопросе якобы ничего не зависит, потеряла свою состоятельность с началом военной операции против Югославии и дальнейшим спорным решением о

признании независимости Косово, что в отдалённой перспективе привело к признанию независимости Абхазии и Южной Осетии со стороны России. Нужно сказать, что данный процесс привёл в России к дебатам о необходимости разработки новой концепции противостояния США. В частности, в российском политологическом дискурсе появилась концепция многополярности и евразийства, что стало основой строительства Россией новых структур взаимодействия с союзниками в лице военного блока – Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Наряду с этим Москва, воспользовавшись подъёмом своей экономики на фоне нефтяного бума начала нулевых, перешла к перевооружению своей армии и расширению своего влияния в других регионах мира.

Украинские события 2014 г. стали наиболее непримиримым столкновением интересов России и США со времени Югославского кризиса. Во многом это объясняется важным геополитическим значением Украины как для России, так и для США. Для Москвы Украина, которая обладает богатыми экономическими и людскими ресурсами, была своего рода «жемчужиной в короне» СССР; она является воротами в Европу, контроль над которыми позволит проецировать своё влияние в другие важные для России регионы, прежде всего Приднестровье, а в отдалённой перспективе – на славянский Балканский полуостров. Наряду с этим необходимость союзной Украины для России определяется и культурно-историческими факторами, поскольку именно там берёт начало зарождение российской цивилизации с её болями и надеждами, мощью и слабостью, а Киев воспринимается многими россиянами как «мать городов русских».

В свою очередь, украинская политика США определяется чисто геополитическими соображениями, выражающимися в необходимости пресечения имперских амбиций России и в отдалённой перспективе – к построению стратегического бастиона на Украине с целью дальнейшего влияния на политические, экономические, социальные процессы, протекающие в России. Представляется, что идеальной для США была бы ситуация, при которой в Кремле находилось правительство, которое было бы не против присоединиться к процессу борьбы с главным противником Вашингтона – Китаем.

Последний является для Соединённых Штатов основным стратегическим противником, что отражено в Стратегии национальной безопасности США. Обладая передовой экономикой, крупными людскими ресурсами, первым в мире золотовалютным запасом и крупным прорывом в сфере высокоточных технологий, Китай с начала нулевых годов перешёл к модернизации своей армии и чётко заявил о своём намерении вернуть утраченные земли под свой контроль.

Пекин также стал реализовывать собственный геополитический проект, получивший название «Один пояс – один путь», призванный надёжно соединить экономику Поднебесной с экономиками других стран Евразии, что делает «потопление китайского корабля» более проблематичным и, несомненно, вызовет протест заинтересованных сторон.

До определённого времени политика Китая рассматривалась в США как вторичная по отношению к необходимости удовлетворения экономической повестки со стороны действующих президентских администраций. Однако данная

линия была пересмотрена в период президентства Дональда Трампа, когда экономическая повестка пошла вразрез с необходимостью обеспечения долгосрочных интересов США в Восточной и Юго-Восточной Азии. Примечательно, что китайская политика администрации Д. Трампа была одной из немногих программ, которая получила своё дальнейшее развитие с приходом в Белый дом Джоозефа Байдена. В этой связи визит спикера Палаты представителей Нэнси Пелоси на Тайвань в августе 2022 г. стал чётким сигналом Пекину.

Другим проблемным регионом для США является Ближний Восток, где экспансионистский проект Ирана, позволивший Тегерану упрочить своё влияние в Ираке, Ливане, Сирии и Йемене, подрывает внешнеполитическую линию США. На данном направлении в январе 2020 г. США осуществили беспрецедентную операцию по ликвидации командующего службы «Аль-Кудс» генерала Касема Сулеймани, который во многом был главным проводником успешной стратегии Ирана по построению так называемой «Шиитской дуги». В целом иранская политика Д. Трампа также получила преемственность в повестке Дж. Байдена. Так, действующий американский президент одобрил переезд американского посольства в Иерусалим и поддерживает действия Израиля в Сирии, где ВВС Армии обороны Израиля наносят постоянные ракетные удары по иранской инфраструктуре и аффилированным с Тегераном прокси-силам.

Таким образом, проблемными регионами для построения проамериканского миропорядка является Европа, где Россия перешла к активным действиям, Восточная Азия, где Китай продолжает накопление и модернизацию своих вооружённых сил, и Ближний Восток, где Иран ведёт прокси-войны в ряде стран.

СТРАТЕГИЯ США ПО ПРОТИВОБОРСТВУ С КОНКУРИРУЮЩИМИ ДЕРЖАВАМИ

Как отмечалось выше, в соответствии с действующей Стратегией национальной безопасности [4], американское оборонное сообщество переориентировалось с контртеррористических миссий, которые доминировали на протяжении более десяти лет, на новый акцент, направленный на конкуренцию с почти равными по силе противниками. В американских доктринальных документах, а именно Стратегии национальной обороны (*National Defense Strategy*), указывается, что «долгосрочное стратегическое соперничество с Китаем и Россией является главным приоритетом» для Министерства обороны США [1]. Наряду с этим отмечается, что данное соперничество будет проходить ниже порога открытой конфронтации [1]. Поскольку данные державы обладают ядерным оружием, это предполагает наличие особых инструментов в силовом механизме государства, способных действовать в таких условиях.

Ведение боевых действий ниже порога открытого военного столкновения является прерогативой Сил специальных операций (далее – ССО). Концепция ССО предполагает наличие различных подходов в деле ведения противоборства ниже порога открытой военной конфронтации. ССО США имеют передовые возможности в области проведения информационных и психологических операций, нетрадиционных боевых действий, ведения разведки и контрразведки [2].

Указанные методы являются надёжными средствами сдерживания конкурентов США. Следует сказать, что десятилетие войн с международным терроризмом отодвинули на второй план изначальную функцию ССО, которые были созданы в период холодной войны как инструмент сдерживания СССР. По этой причине на данной стадии развития нового витка конкуренции между великими державами, и прежде всего между США и Россией, целесообразно предположить, что США обратятся к начальной модели построения ССО как механизма сдерживания стратегического конкурента.

Сегодня ССО активно используются США как дополнительный фактор сдерживания путём развёртывания компонентов американского спецназа вблизи границ Российской Федерации. Структуры ССО, отвечающие за ведение информационных и психологических операций, и личный состав, специализирующийся на подготовке Вооружённых сил Украины (ВСУ) по программам нетрадиционных военных действий, налагают значительные издержки на российские войска, выполняющие специальную военную операцию на Украине.

Следует сказать, что конкурентная среда противоборства США с Россией, Китаем и Ираном чрезвычайно широкая и охватывает почти все виды деятельности, за исключением прямого военного конфликта. Данная среда включает в себя проведение информационных и психологических операций, оказание военной помощи, направленной на обеспечение безопасности союзников США.

Согласно аналитическому докладу «РЭНД», основная конкуренция между США и их соперниками будет проходить в трёх средах:

- 1) устойчивая (стационарная) конкурентная среда;
- 2) динамичная среда;
- 3) информационная среда [3].

Устойчивая среда типична для ведения стратегической конкуренции. В этих условиях акторы стремятся защищать и продвигать свои интересы, не приближаясь к открытому военному конфликту. Большой пакет экономических санкций в отношении России, принятый по инициативе США после начала украинских событий 2014 г., является наглядным примером противоборства в стационарной среде. Следует сказать, что деятельность по сотрудничеству в области безопасности является одним из наиболее часто используемых инструментов конкуренции в этой среде. Наличие НАТО и системы двусторонних военных договоров США с такими странами, как Израиль, Япония и Южная Корея, способных создать потенциал к ведению нетрадиционных боевых действий в случае агрессии, уже само по себе является сдерживающим фактором, парализующим свободу стратегического манёвра противника и ведущим к обеспечению широких внешнеполитических целей США.

Особенности противоборства в *динамичной среде*, которую также называют «серой зоной», характеризуются переходом от состояния мира к обострению ситуации, однако ещё не перешедшей к полномасштабным военным действиям между США и их конкурентом. Наиболее частым способом ведения противоборства в данной среде является прокси-война. Примером такого конфликта служат боевые действия на Украине, где США и их союзники оказывают поддержку ВСУ. По мере обострения конкуренции в рамках такого конфликта становится

востребованным целый ряд инструментов, использование которых в стационарной среде невозможно в силу высокого риска для безопасности США. Эти инструменты включают в себя такие виды операций, как создание сил сопротивления, способных бороться с вражеской армией в случае вторжения или свергнуть существующий политический режим, если цели политики США состоят в том, чтобы заменить правительство страны.

Следующим методом ведения противоборства в динамичной среде является предоставление военной помощи союзникам США. Существуют три категории помощи иностранным правительствам: это непрямая поддержка (когда поддержка осуществляется тайно, через третьи страны), небоевая прямая поддержка (когда армия США оказывает помощь в обучении и подготовке вооружённых сил союзника) и боевая прямая поддержка (когда силы США и их союзника проводят совместные либо интегрированные операции или когда силы США действуют вместо сил союзника).

Следует сказать, что в зависимости от целей, стоящих перед США, возможно как использование одного из перечисленных видов оказания помощи, так и их комбинированное использование.

Противоборство в *информационной среде* заключается в оказании влияния на противника путём воздействия на его систему принятия решений. Особенность данной среды заключается в том, что операции, проводимые в ней, являются непрерывными и непосредственно влияют на результаты операций в стационарной и динамичной средах.

Таким образом, главной целью вышеперечисленных методов является нанесение военного или политического поражения конкурентам США в проблемных для Вашингтона регионах мира, где на настоящем этапе протекает процесс перераспределения силы между США и их стратегическими конкурентами.

ПОСТКРИЗИСНОЕ МИРОУСТРОЙСТВО

Предполагается, что, если Соединённым Штатам удастся эффективно противостоять России, Китаю и Ирану, главной задачей для Вашингтона будет построение такого мироустройства, которое будет обеспечивать сохранение за Соединёнными Штатами статуса единственной сверхдержавы. Несмотря на то, что Дж. Байден с приходом в Белый дом избрал концепцию минимизации затрат, что выразилось в выводе американских войск, размещённых в Афганистане, начало российской СВО на Украине заставило действующую администрацию пересмотреть свои подходы в данном вопросе.

Европа продолжает оставаться для США наиболее важным регионом мира, поскольку именно там расположены основные военно-политические и экономические активы Вашингтона. Особое внимание к ней со стороны американских стратегов обусловлено и тем, что именно там были развязаны две мировые войны, вынудившие США вступить в полномасштабные боевые действия.

Безусловно, американцы стремятся видеть Европу очищенной от влияния какой-либо другой силы. Данная линия проводится с момента распада СССР и находит живой отклик в действиях каждой вновь избранной администрации в

США. Наш мир во многом является европоцентричным, именно поэтому доминирование в регионе, который традиционно являлся важнейшим узлом человеческой истории, является приоритетной задачей для Соединённых Штатов. Посткризисное устройство Европы в видении США должно отражать интересы Вашингтона, что может быть выражено в обеспечении своей победы на Украине с дальнейшим процессом укрепления блока НАТО. Введение экономических санкций против России, не имеющих аналогов в истории, а также выделение крупной военной помощи Киеву, в том числе наступательных вооружений, свидетельствует о намерении США нанести России поражение на поле боя. Однако возможна и ситуация, при которой США будут стремиться оказывать Киеву лишь дозированную поддержку, способную значительно ослабить Россию с целью решения более широких стратегических задач. Так, представляется, что «управление» украинским конфликтом позволит США добиться уступок от России в вопросе Китая, который, согласно действующим доктринальным документам, является для Вашингтона более опасным противником, чем Москва.

В любом случае украинский кризис предоставил США возможность, аналогичную афганской войне, которая может привести к значительным стратегическим сдвигам в пользу Вашингтона. В случае, если американское руководство будет способно выработать действенную военно-политическую стратегию, способную нанести Москве поражение на Украине без прямого военного столкновения с ней, США надолго обеспечат в Европе своё доминирование, так как других соперников у Вашингтона в регионе не предвидится, по крайней мере в течение жизни двух последующих поколений.

Наряду с этим, важным для США в европейской политике будет противодействие амбициям таких стран, как Германия и Франция. Первая является экономическим «тягачом» региона и обладает всеми возможностями к выработке независимой от США повестки дня. В случае поражения России в украинском кризисе Берлин в награду за свою поддержку Киева, безусловно, выкажет желание вернуть себе исконно прусские земли, находящиеся ныне под контролем Москвы (Калининградская область). В этом случае Соединённым Штатам необходимо будет сдерживать желание Германии, так как это может привести к чрезмерному усилению Берлина с перспективой подрыва доверия между союзниками США, поскольку такие действия, безусловно, вызовут озабоченность у таких стран, как Польша. США необходимо будет сохранить своё военное присутствие на территории Германии и активно привлекать её к своим внешнеполитическим проектам в других регионах, что в краткосрочной перспективе позволит расплыть силы Берлина и вместе с тем эмитировать значимость Германии в международных делах.

В отношениях с Францией (с её комплексами, связанными с проблемой возвращения былого величия) Соединённые Штаты, по всей видимости, будут стремиться сдерживать её инициативы по созданию независимых от Вашингтона объединённых европейских вооружённых сил и постараются более активно привлечь её к решению задач, стоящих перед США в Африке и на Ближнем Востоке.

Успешное для США посткризисное урегулирование в Восточной и Юго-Восточной Азии будет зависеть от способности американской дипломатии привлечь Китай к участию в многосторонних переговорах с целью выработки

конструктивного подхода в решении вопросов, связанных с территориальными претензиями Пекина к своим соседям и проблематике Северной Кореи. В случае если Китай будет сохранять агрессивную линию в этом вопросе, США перейдут к усилению своего военного присутствия в данном регионе. Система двусторонних связей США с Японией, Южной Кореей и Тайванем будет укреплена, а возможно, и интегрирована в блок НАТО, который демонстрирует тенденцию к превращению в глобальную структуру. К этому процессу в перспективе могут быть подключены Австралия и Новая Зеландия в рамках блока АНЗЮС и третьи страны, в том числе и Россия, которая, по мнению Вашингтона, будет вынуждена искать пространство для своей интеграции в мировую систему на новых условиях. В этом случае на Китай будет оказываться беспрецедентное давление, с которым он ещё не сталкивался.

В целом, Китай демонстрирует гораздо более успешную стратегию, чем в своё время использовал Советский Союз. Переход к рыночной экономике с элементами государственного контроля над наиболее важными секторами и активные инвестиции в высокие технологии и образование позволили Пекину создать надёжные драйверы экономического роста и избежать международной изоляции. Думается, что в случае, если Китаю удастся успешно реализовать свой геостратегически проект «Один пояс – один путь», на мировую повестку дня будет поставлен вопрос о появлении новой сверхдержавы, и Соединённым Штатам придётся пересмотреть свою стратегию по противодействию Китаю, поскольку его экономика будет крепко связана с экономиками стран, поддержавших инициативу «Один пояс – один путь».

В любом случае американо-китайское противостояние, по всей видимости, будет определять облик XXI века, и его исход во многом скажется на облике не только Азиатского региона, но и Большого Ближнего Востока и Африки. Ближний Восток традиционно выступает в качестве наиболее взрывоопасного региона мира, где применение насилия для решения тех или иных внутривнутриполитических и внешнеполитических задач является нормой. Учитывая важное значение Ближнего Востока в силу его богатых нефтяных ресурсов, США активно вовлечены в жизнь этого региона с 1955 г., когда в рамках развития «доктрины Трумэна» был создан военно-политический блок СЕНТО, который прекратил своё существование в 1979 г., когда Исламская революция в Иране выбила страну из данной структуры. С тех пор Иран остаётся наиболее опасным для американского миропорядка игроком в регионе.

Выстояв в кровопролитной войне с Ираком (1979–1989 гг.), режим аятолл сумел извлечь стратегические выгоды из американской интервенции в регион, расширив своё влияние на страны Леванта и Йемен, и существенно продвинуться в вопросе создания ядерного оружия и средств его доставки. Вашингтон из года в год проводит политическую линию по международной изоляции Тегерана путём принятия расширенных экономических санкций. Некоторые положительные сдвиги в ирано-американских отношениях, имевшие место в период президентства Б. Обамы, были сведены на нет администрацией Д. Трампа, который вывел Соединённые Штаты из ядерной сделки. Убийство в январе 2020 г.

высокопоставленного иранского генерала К. Сулеймани ознаменовало собой наивысшую точку напряжения между странами.

На настоящем этапе США продолжают жёсткое сдерживание Ирана путём оказания всесторонней помощи Израилю и проведения линии на установление дружеских отношений между Иерусалимом и суннитскими монархиями региона по принципу «Враг моего врага – мой друг». Учитывая тот факт, что Тегеран рассматривает получение ядерного оружия как основной гарант своей безопасности, уместно предположить, что это может привести к нанесению по его ядерным объектам ракетных ударов со стороны Израиля или совместно с США, что в перспективе может привести к большой войне. В этом случае США будут вынуждены вступить в полномасштабную войну. Однако более предпочтительно для США использовать против Ирана активное сдерживание путём ужесточения экономических санкций с надеждой, что чрезмерное давление на иранское общество способствует падению режима аятолл. В таком случае посткризисное мироустройство для США в данном регионе должно основываться на необходимости установления в Тегеране прозападного правительства с перспективой расширения южного фланга сдерживания России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из проведённого исследования, подходы США к посткризисному мироустройству будут основываться на необходимости победы над своими стратегическими соперниками путём продолжения противоборства в «серых зонах» ниже уровня открытой военной конфронтации. В случае с Ираном открытая война возможна, если Тегеран подойдёт достаточно близко к получению ядерного оружия. В настоящее время в США нет соответствующей современным условиям целостной стратегической доктрины, которая бы могла помочь Вашингтону одержать победу во всех трёх указанных проблемных регионах. Однако несмотря на это, США способны демонстрировать элементы глобального управления посредством таких наднациональных систем, как НАТО и двусторонние договоры о безопасности. Для успешного противодействия России, Китаю и Ирану Соединённые Штаты должны консолидировать ресурсы своих союзников и эффективно использовать их.

Таким образом, подходы Вашингтона к посткризисному мироустройству будут основываться прежде всего на силе, которая, как известно, является наиболее универсальным средством для достижения государственного интереса, который на данной стадии заключается для США в сохранении за собой статуса единственной сверхдержавы. Чтобы добиться этой цели, Соединённые Штаты должны одержать победу на трёх вышеперечисленных стратегических фронтах [7].

ИСТОЧНИКИ

1. Summary of the National Defense Strategy of the United States of America: Sharpening the American Military's Competitive Edge. Department of Defense. Washington, D.C., 2018.

2. U.S. Army Training and Doctrine Command (TRADOC), *The U.S. Army in Multi-Domain Operations 2028*, Fort Eustis, Va., TRADOC Pamphlet 525-3-1, December 6, 2018.

3. Watts, S., Zeigler, S., Jackson, K. *Countering Russia the Role of Special Operations Forces in Strategic Competition*. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA412-1.html (accessed 12.05.2023).

4. Biden-Harris Administration's National Security Strategy Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 15.05.2023).

5. Бжезинский Зб. 2010. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения. 2010. 256 с.

6. Бжезинский Зб. 2023. План игры. Геополитическая борьба США с СССР. М.: Родина. 2023. 304 с.

7. Киссинджер Г. 2021. Дипломатия. М.: АСТ. 2021. 896 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Крыжко Л.А. Формирование позиции США в отношении военной операции против Египта накануне Суэцкого кризиса 1956 года. *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*. 2022. № 1(74). С. 86–94.

REFERENCES

Kryzhko, L.A. *Formirovanie pozitsii SShA v otnoshenii voennoi operatsii protiv Egipta nakanune Suetskogo krizisa 1956 goda*. [Formation of the US position regarding the military operation against Egypt on the eve of the Suez crisis of 1956] (In Russ.) *The Bulletin of RSU named after S.A. Esenin*. 2022. No.1(74). P. 86-94.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗАМАНАПУЛОВ Демокрит Малхазович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела военно-политических исследований, Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Democrit M. ZAMANAPULOV, Candidate of Sciences (History), Researcher of the Department of Military and Political Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 24.05.2023 / Received 24.05.2023.

Поступила после рецензирования 15.06.2023 / Revised 15.06.2023.

Статья принята к публикации 16.06.2023 / Accepted 16.06.2023.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673023090031

EDN: KFXHBM

Присутствие США и КНР в регионе Индийского океана: взгляд из Нью-Дели

А. В. Куприянов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23.

Researcher ID: AAN-5094-2020 Scopus ID: 57221702621 РИНЦ ID: 899117

ORCID: 0000-0002-9041-6514 e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Резюме: Статья посвящена анализу отношения индийских политических, экономических, военных элит, экспертного сообщества и городского среднего класса к присутствию США и КНР в регионе Индийского океана. Автор рассматривает историю этого присутствия и его восприятие в американском, китайском и индийском общественно-политическом дискурсе и приходит к выводу о том, что Китай представляется политическим элитам Индии удобным противником, недостаточно сильным, чтобы представлять экзистенциальную угрозу. Особое внимание уделяется феномену «обратной секьюритизации».

Ключевые слова: Индия, Китай, Индийский океан, секьюритизация, дискурс

Для цитирования: Куприянов А.В. Присутствие США и КНР в регионе Индийском океане: взгляд из Нью-Дели. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53(9):32-45. DOI: 10.31857/S2686673023090031 EDN: KFXHBM

The United States and China in the Indian Ocean: A View from New Delhi

Alexey V. Kupriyanov

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences.*

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Researcher ID: AAN-5094-2020 Scopus ID: 57221702621 РИНЦ ID: 899117

ORCID: 0000-0002-9041-6514 e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the attitude of the Indian ruling class and social groups serving it to the presence of China and the United States in the Indian Ocean. The history of this presence, its perception in Chinese, Indian and American discourse is considered. The author believes that for India's elites, China appears to be a "convenient rival" as a source of constant existential fear that will never turn into reality. This fear, however, affects Indian society so strongly that it itself becomes the subject of securitization.

Keywords: India, China, Indian Ocean, securitization, discourse

For citation: Kupriyanov, A.V. The United States and China in the Indian Ocean: A View from New Delhi. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53(9):32-45. DOI: 10.31857/S2686673023090031 EDN: KFXHBM

ВВЕДЕНИЕ

«Так как маршрут, проходящий через Индийский океан, является наиболее важным из четырёх китайских морских торговых путей (остальные три ведут на восток Тихого океана, в Арктику и в Атлантику соответственно), так как на него приходится 40% китайской внешней торговли и 80% всего китайского импорта, то естественно, что китайское правительство полагает Индийский океан и Малаккский пролив ключевым элементом «Морского шёлкового пути XXI» века – инициативы, предложенной Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. Чтобы гарантировать, что плавание по Морскому шёлковому пути останется безопасным и беспрепятственным, Китаю необходимо наращивать своё присутствие в Индийском океане, гарантировать взаимосвязь между Индийским и Тихим океанами, разрешив в то же время Малаккскую дилемму, чтобы обеспечить безопасный и свободный проход в Индийский океан» [Li Jiancheng. 2017: 484-485].

«Китаю предстоит решать собственные трудные задачи, распространяя морское влияние по всему Индийскому океану. Китай отнюдь не обязательно станет врагом США. Но, если Америка не сумеет найти общего языка с миллиардами людей, населяющих индоокеанские побережья (а многие из этих людей – мусульмане), американскую мощь не станут рассматривать как желанную. Помните: желанность вашей власти – залог державного успеха» [Kaplan, R.D. 2010: 322].

Две этих цитаты, принадлежащие перу известных экспертов, китайского и американского, демонстрируют, насколько важное значение Пекин и Вашингтон придают региону Индийского океана. Во время холодной войны Индийский океан оставался важным, но второстепенным по сравнению с Северной Атлантикой и западной частью Тихого океана театром. В новом раунде борьбы за мировую гегемонию его роль кардинально меняется. Хотя ключевым театром станет, очевидно, Тихий океан, омывающий берега и Китая, и США, зависимость китайской экономики от поставок углеводородов и других ресурсов из стран Залива и Африки и от бесперебойного функционирования маршрута экспорта готовых товаров в Европу означает, что США могут полностью или частично подорвать экономическое и военное могущество КНР при помощи расширения зоны противостояния на регион Индийского океана.

Второй важный фактор – рост могущества Индии. В годы холодной войны Индия и в экономическом, и в военном смысле значительно уступала враждующим сверхдержавам. Вершина индийской внешнеполитической деятельности этого периода – создание вместе с рядом других развивающихся стран Движения неприсоединения, которое косвенно влияло на ход холодной войны. Сейчас же Индия – пятая экономика мира, её вооружённые силы – вторые в Азии, причём особое внимание уделяется развитию военно-морской составляющей. Из всех стран, берега которых омывает Индийский океан, Индия обладает самым мощным флотом: в его состав входят 2 авианосца, 18 ПЛ (в том числе 2 РПКСН), 23 эсминца и фрегата. Эти силы опираются на сеть

военно-морских баз, портов двойного назначения, верфей, радарных станций, аэродромов базовой авиации, позиций ракет берегового базирования. Под управлением ВМС находится укрепленная Андаманская позиция, блокирующая возможный прорыв неприятельской эскадры через Малаккский пролив. Хотя ВМС Индии по числу кораблей и боевому потенциалу уступают ВМС НОАК и ВМС США, они могут частично или полностью нивелировать эту разницу благодаря преимуществам позиции.

Таким образом, для исхода нынешнего американо-китайского противостояния позиция Индии имеет ключевое значение. Если Вашингтону удастся добиться её присоединения к антикитайскому альянсу, это существенно осложнит внешнеполитическую и внешнеэкономическую ситуацию для КНР и в перспективе может привести к замедлению темпов развития китайской экономики и вооруженному конфликту между Индией и Китаем. Если Пекин сможет обеспечить дружественный нейтралитет Нью-Дели, то США лишатся важного потенциального рычага давления на Китай. Учитывая, что Москва после начала специальной военной операции на Украине в определённом смысле также оказалась участником этого противостояния, а также заявленное в российских концептуальных стратегических документах стремление активизировать политику в регионе Тихого и Индийского океанов, позиция Индии приобретает важное значение и для России.

ПРИСУТВИЕ США И КИТАЯ В РЕГИОНЕ ДО 1947 г.

История китайского присутствия в регионе Индийского океана насчитывает минимум 3 тыс. лет. В основном оно было торговым: китайские купцы по маршруту, связывающему южные китайские порты с Красным морем. Как правило, эти плавания ограничивались восточной частью Индийского океана: существующий в регионе режим муссонов не позволяет тихоходным парусным судам преодолеть за сезон путь из Китая в Египет и обратно. Именно благодаря специфике муссонного климата возникли и процветали перевалочные пункты в Малаккском проливе, на южном побережье Индии и Аравийского полуострова.

Со временем благодаря распространению арабского влияния в регионе, образованию новых торговых сетей, частичной исламизации Юго-Восточной Азии, район деятельности китайских купцов еще больше сократился: они были вытеснены из Индийского океана арабским и индийским купцам. Ситуация не изменилась и после прихода европейцев, постепенно взявших под контроль трансокеанскую торговлю. Тем не менее, память о присутствии в регионе китайских купцов в настоящее время играет важную роль в историко-культурном обосновании интеграционных проектов КНР, таких как «Морской шёлковый путь XXI века», который трактуется как возрождение древних практик, пришедших в упадок из-за империалистической политики колониальных держав.

Той же цели служат и апелляции к путешествиям Чжэн Хэ в 1405-1433 годах – единственному организованному государством китайскому предприятию в регионе. Несмотря на его масштабность и произведенное им впечатление, оно оказалось разовой акцией: после смерти Чжэн Хэ и восшествия на престол императора Чжу Цичжэня плавания подобного рода прекратились. В современном китайском дискурсе внимание

акцентируется в основном на культурных и торговых аспектах плавания Чжэн Хэ: указывается, что его путешествия обогатили культуру как Китая, так и местных народов, и способствовали установлению взаимовыгодных торговых связей, и проводится прямая параллель между путешествиями Чжэн Хэ и нынешними действиями по формированию «Морского шёлкового пути» и «Пояса и пути» в целом [Гун Инъянь, Лю Хэнью, 2022].

Начало американского присутствия в регионе относится к последней четверти XVIII века. В 1784 г. первое американское торговое судно – «Юнайтед стейтс» (*United States*) из бросило якорь в гавани Пондишерри. В последующие годы американцы при активной помощи французских колониальных властей наращивали торговое присутствие в регионе, пользуясь как коррумпированностью местных чиновников, так и тем, что британское правительство не желало обострять отношения с Америкой. В результате американская торговля с Индией росла быстрыми темпами (так, импорт из Америки в Бенгалию в период с 1795/6 по 1803/4 г. вырос более чем в 5 раз, экспорт – более чем в 3; в Мадрас – более чем в 6 раз) [Furber, H. 1938: 258]. Расцвету американской торговли с Индией положила конец Англо-американская война 1812–1814 гг. Она оказалась значимой и в другом отношении: впервые США бросили вызов выстроенной британцами в Индийском океане системе безопасности. Американский шлюп «Пикок» (*Peacock*) провёл успешное крейсерство в Индийском океане, захватив там четыре торговых судна и 16-пущенный бриг Ост-Индской компании «Наутилус» (*Nautilus*) [Woodman, R. 2002: 326].

После окончания войны торговля США в регионе быстро восстановилась [Johnson R.E. 2015: 3]; её объём рос вплоть до начала Гражданской войны, когда блокада побережья Южных Штатов и действия рейдеров южан, в том числе в Индийском океане, нанесли серьёзный удар по американскому торговому судоходству. Последовавшее восстановление оказалось бурным, но недолгим: серия неурожаев в Индии, подорвавших рост покупательной способности населения, и долговременный упадок американского судостроения, вызванный переходом к железным корпусам, привели к упадку американской торговли с Индией. Если в 1857 г. в Калькутту зашли 167 американских судов, в 1880-ом – только 23. Тем не менее, торговля США, пусть даже на судах под чужими флагами, оставалась значительной: с 1866 по 1880 г. Штаты занимали третье место среди торговых партнёров Индии после Британии и Китая [Misra, P. 1965: 353]. При этом политическая активность США в регионе оставалась достаточно высокой: параллельно с отправкой в колониальные и зависимые владения западных держав консулов, защищавших по возможности интересы американских торговцев, Вашингтон установил контакты со всеми существовавшими на тот момент незападными государствами региона Индийского океана, включая Оманскую империю, Абиссинию, Сиам и Персию, причём в двух последних странах американские граждане в определённые периоды занимали важные должности в руководстве.

Первая мировая война дала толчок американскому торговому судостроению, позволив США вернуться в регион Индийского океана. Это возвращение носило уже принципиально новый характер: США сфокусировались на отстаивании политики «открытых дверей», которая помогла бы американским компаниям закрепиться на ближневосточном нефтяном рынке, поделённом между Британией и

Францией в Сан-Ремо. Если попытка выйти на иранский рынок оказалась безуспешной [Rubin, M. 1995], то в Ираке американскому консорциуму *NEDC (The Neural Engineering Data Consortium, NEDC)* удалось получить долю 23,75% в Турецкой нефтяной компании (*Turkish Petroleum Company*), а компания «Стандард ойл оф Калифорния» (*Standard Oil of California, SoCal*) создала Бахрейнскую нефтяную компанию (*BAPCO*), ставшую монополистом на бахрейнском рынке нефтедобычи. Присутствие американских нефтяных компаний в регионе активно поддерживалось Госдепартаментом, при этом местные элиты рассматривали американцев как альтернативу британцам.

В годы Второй мировой войны логика коалиционных действий потребовала от США разместить в регионе, в первую очередь в Индии, свои войска. За время войны через Индию прошли более 200 тыс. американских военнослужащих. Командование американских сил демонстративно дистанцировалось от действий своих британских союзников по подавлению освободительного движения в Индии, ведя среди индийцев пропаганду американских ценностей и позиционируя США как страну – оплот демократии, сражающуюся за свободу всего мира [Raghavan, S. 2018: 78-118].

Важным фактором стало крушение региональной системы безопасности, выстроенной Британией. Тяжёлые поражения, потеря Малайи и Бирмы и сдача Сингапура подорвали британский авторитет в Юго-Восточной Азии, а подъём освободительного движения в Индии позволили США ускорить переформатирование мировой системы, в которой доминировала Британия. Этот процесс предусматривал проведение политики «открытых дверей», что подразумевало деколонизацию владений европейских держав под предлогом борьбы за свободу и самоопределение народов. Если Франклин Д. Рузвельт больше говорил о необходимости деколонизации, чем предпринимал для этого конкретные шаги, то его преемники столкнулись с необходимостью проводить политику деколонизации в американских интересах, поддерживая в то же время существование колониальных империй, чтобы не допустить образования вакуума силы, которым мог бы воспользоваться Советский Союз или Китай.

Говорить о собственно индийском дискурсе в традиционном понимании в это время не приходится: степень влияния национальных индийских элит на происходящие в стране события была ничтожной. Лишь в 1885 г. был основан Индийский национальный конгресс, функции которого заключались прежде всего в улучшении отдельных моментов в системе британского управления Индией со стороны. Другие течения в среде индийской интеллигенции фокусировались прежде всего на религиозно-культурных вопросах и почти не занимались вопросами внешней политики. Зарубежные группы патриотически настроенной индийской интеллигенции являлись достаточно маргинальными и никак не влияли на дискурс властей Британской Индии.

Это не означало, что индийские национальные элиты не интересовались внешней политикой в принципе. Наоборот, именно в это время формируется отношение индийских интеллектуальных кругов к США и Китаю. Если среди интеллектуалов, близких к британским властям и вращавшихся в их дискурсивном поле, это отношение изначально было опасливо-отрицательным (и США, и

Китай рассматривались как потенциальные противники, которые могут в будущем угрожать безопасности Британской Индии), то среди патриотически настроенной интеллигенции, стремившейся сбросить британское господство, США воспринимались скорее положительно.

На динамику отношения к Китаю, который в глазах индийских интеллектуалов представлял спящим гигантом, пробуждение которого полностью должно изменить Азию и мир, влияло отношение к Японии, воспринимавшейся как образец успешной модернизации. Начало японской агрессии в Китае раскололо ряды индийских интеллектуалов, и к концу войны прокитайские настроения в индийском обществе в целом преобладали.

ВЗГЛЯДЫ ИНДИЙСКОГО РУКОВОДСТВА ПОСЛЕ 1947 г.

В первые годы после получения независимости новое индийское руководство по инерции, стремясь сохранить Индию в составе трансформирующейся Британской империи и находясь под влиянием британских элит, рассматривало Китай и США как потенциальных противников, но вскоре Индия начала проводить всё более независимую политику, и США и КНР стали восприниматься уже как потенциальные партнёры.

В 1950-е годы Джавахарлал Неру и глава МИД Индии Кришна Менон рассматривали Китай как важную опору формирующегося Движения неприсоединения. Однако в 1962 г. территориальный спор в Гималаях перерос в войну, в которой Индия потерпела сокрушительное поражение. В течение последующих десятилетий в рамках национального мифа было сформировано представление о том, что Китай осуществил против Индии немотивированную агрессию и что он является непредсказуемым и опасным соседом. Это представление касалось как поведения Китая на северной границе, так и присутствия в регионе Индийского океана. Рост экономической мощи Китая в первом десятилетии XXI века, приведший к активизации его политики в регионе с целью обеспечить бесперебойное функционирование торговых маршрутов, способствовали укреплению подозрений в отношении намерений КНР.

Траектория индийско-американских отношений была более извилистой: США изначально пытались вынудить Неру принять сторону западного блока в холодной войне и не признавать коммунистический Китай. Визит Неру в США в 1949 г. окончился провалом [Нихамин В.П. 1959: 63–64]. Хотя после начала Корейской войны Индия поддержала в ООН резолюцию с осуждением КНР, нежелание Дели открыто встать на сторону Запада против СССР и КНР не способствовало дальнейшему сближению [Singh, B. 1976: 26]. Начало индийско-китайской войны 1962 г. побудило США оказать Индии всемерную поддержку – вплоть до отправки вооружения и боеприпасов, посылки в регион авианосца «Китти Хок» и дискуссий в американском руководстве о возможности использования против КНР ядерного оружия; но после убийства Кеннеди в отношениях наметился очередной провал после того, как Линдон Джонсон и Никсон сделали ставку на Пакистан. В 1971 г. США поддержали Пакистан и направили в регион АУГ «Энтерпрайз» для демонстрации силы. Это решение оказалось стратегической ошибкой: присутствие американской эскадры не помешало индийцам победоносно завершить войну, а напоминания о попытке интервенции

регулярно используются в аргументации антиамерикански настроенных интеллектуалов в Индии. Некоторое потепление наметилось с приходом в Белый дом администрации Джимми Картера, выразившей готовность к началу переговоров с СССР о сокращении морских вооружений в Индийском океане (*Naval Arms Limitation Talks, NALT*), что объективно было в интересах Индии. Переговоры в итоге провалились из-за разногласий внутри администрации Картера и оппозиции со стороны экспертного сообщества и Сената [Price, T.M. 1981: 35-37]. Сменивший Картера Рейган взял курс на резкое противостояние СССР, стараясь, однако, не антагонизировать Индию.

В целом дискурс Индии в годы холодной войны по отношению как к Китаю, так и к США был достаточно неоднородным. Возможное проникновение КНР в регион беспокоило индийских адмиралов и политиков с середины 1960-х годов. Указывалось, что Китай — страна с большими морскими амбициями, упоминались амбиции военноморского министра Китайской республики Чэнь Шаокуаня, предлагавшего уже после окончания Второй мировой войны построить 12 авианосцев. Даже тогда, когда у КНР не было достаточно сил для отправки в Индийский океан эскадры, индийские аналитики предсказывали дальнейшее ухудшение отношений с КНР, исходя из того, что Пекин поддержит набирающее силу маоистское движение в регионе и попытается нарастить авторитет в странах третьего мира [Kohli, S.N. 1978: 129-130].

Более сложным было отношение к США. С одной стороны, индийское руководство негативно относилось к американскому присутствию и активно критиковало саму концепцию вакуума силы, служившую концептуальной основой наращивания этого присутствия. С другой — официальный Нью-Дели с пониманием относился к стремлению США обезопасить маршрут поставок нефти из Персидского залива и был склонен учитывать при выстраивании отношений с Вашингтоном британский фактор. Но главным было то, что Индия не имела физической возможности противостоять ни присутствию в регионе ВМС США, ни потенциальному появлению ВМС НОАК. Исходя из этого, Индия выдвинула концепцию Индийского океана как зоны мира (*IOZOP*), в которой содержалось требование к нерегиональным державам отказаться от размещения вооружений на островах Индийского океана.

Окончание холодной войны означало, что Индийский океан перестал быть зоной противостояния между двумя блоками. Индия, которая после распада СССР лишилась ключевого союзника, начала постепенное сближение с США. Этот процесс шёл достаточно неровно главным образом из-за непонимания администрацией Клинтона специфики индийской внешней и внутренней политики и регулярных попыток Клинтона критиковать действия официального Нью-Дели. Негативную роль сыграло и возобновление американской помощи Пакистану в 1995 г. В итоге сближение между Нью-Дели и Вашингтоном произошло только на рубеже веков при Дж. Буше-старшем и правительстве Атала Бихари Ваджпай, когда Индия понадобилась Штатам как партнёр по борьбе с исламским терроризмом. Во время премьерства Манмохана Сингха этот процесс ускорился, а с началом американо-китайского противостояния в 2010-х годов Индия превратилась для США в одного из ключевых партнёров по сдерживанию КНР, что привело к участию в многочисленных форматах наподобие «четвёрки» (*Quad*).

Начало нынешнего этапа в дискурсивном восприятии индийскими элитами как КНР, так и США можно отсчитывать от середины первого десятилетия

XXI века. В это время произошли объективные изменения в положении Индии: темпы роста её ВВП достигли 9,6% в год, образовался излишек бюджетных средств. Помимо этого, активно велась пропаганда строительства «большого флота», который должен обеспечить доминирование Нью-Дели в регионе Индийского океана, воспринимающемся как сфера безопасности Индии.

ДИСКУРС ВНЕШНИЙ И ВНУТРЕННИЙ

США и КНР воспринимают Индийский океан как пространство, находящееся вне их зоны контроля, и, тем не менее, критически важное для развития. В их стратегиях и иных программных документах отсутствуют претензии на доминирование в регионе; более того, официальные лица обоих государств постоянно подчёркивают свою заинтересованность в безопасности и стабильности функционирования морских путей.

При этом в Индии китайское и американское присутствие воспринимается на дискурсивном уровне абсолютно по-разному. Это объясняется сложным комплексом причин, опирающихся на исторический опыт, вернее, на национальный миф, утвердившийся в общественно-политическом дискурсе. В рамках этого мифа все элементы раннего присутствия Китая в регионе, включая упомянутые путешествия китайских купцов, не включаются в общую рамку восприятия. Акцент делается на событиях 1962 г., а рост присутствия КНР в регионе трактуется как подготовка к новой войне. Формируется образ китайцев как опасных и непредсказуемых соседей, стремящихся исключительно к расширению своего влияния при помощи наращивания экономического присутствия в регионе, которое воспринимается как вызов индийской безопасности.

Одним из типичных примеров такого рода в регионе Индийского океана является повышенное внимание к случаям «топонимической агрессии», то есть присвоению китайскими научно-исследовательскими судами наименований точкам на морском дне с последующим занесением их в международные реестры. Так, в 2014 г. было присвоено пять таких топонимов [1]. В индийском восприятии эта акция воспринимается через призму китайской «топонимической агрессии» в Южно-Китайском море и подобных же действий в Аруначал-Прадеше.

США, в свою очередь, воспринимаются как перспективный партнёр, сбалансированные отношения с которым должны помочь Индии противостоять росту китайского влияния в регионе. Хотя в СМИ и в выступлениях экспертов регулярно упоминается недружественная позиция США в отношении Индии в годы холодной войны, а в рамках общего политического дискурса подчёркивается, что Нью-Дели не собирается становиться вассалом Вашингтона и намерен и дальше выдерживать дистанцию, которая позволит поддерживать стратегическую автономию, отношение к США в индийском обществе и элитах значительно лучше, чем к КНР. Представляется, что это происходит в силу сплетения интересов элит и представлений среднего класса, сформировавшихся на прошедшие десятилетия.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ

Индийские элиты ещё со времён Неру воспринимают свою страну как великую державу, лишённую западными колонизаторами законного места в мире, и стремятся это место себе вернуть; парадоксальным образом с этим восприятием соседствует восприятие Индии как центральной силы в регионе, сформировавшееся во времена Британского Раджа и унаследованное политическими элитами независимой Индии от бывших колонизаторов [Ogden, Chr. 2017: 39-44].

Китай в этой парадигме играет роль удобного противника. Во-первых, он находится в той же весовой категории, что и Индия: более того, оформление современной политической формы, в которой существует китайское государство, произошла примерно в то же время, что и нынешние формы индийской государственности. Эта «недавность» существования КНР перекликается с тщательно подчёркиваемой в индийском дискурсе «недавностью» присутствия Китая в регионе Индийского океана; тем самым недовольство Индии этим присутствием обретает дополнительный исторический базис.

Во-вторых, само присутствие Китая в регионе, с одной стороны, достаточно заметно, чтобы вызывать беспокойство у социально активных слоёв населения, с другой – не угрожает Индии непосредственно. В силу географических причин китайские военные не могут ни провести крупную военную операцию на границе в Гималаях, ни обеспечить блокаду индийского побережья, при этом визуализация китайского присутствия в публикациях СМИ и экспертных материалах приводит к сильному эмоциональному отклику, способствует формированию представления о том, что Индия буквально окружена китайскими военными базами и точками, где китайские фирмы ведут экономическую деятельность, которая ставится на одну ступень с военным присутствием. Это облегчает для индийских элит секьюритизацию проблемы, если возникнет такая необходимость.

США, с другой стороны, воспринимаются как противник неудобный. Очевидно, что они в состоянии быстро нарастить своё присутствие в любой точке Земли и любой конфликт с ними приведёт к поражению Индии. При этом, по мнению индийских элит, Вашингтон является потенциальным источником технологий и инвестиций, а также способен эффективно поддержать Индию на мировой арене, так как заинтересован в сотрудничестве с Индией по целому ряду направлений – от Афганистана до Китая. При этом индийские элиты, по крайней мере на данном этапе, не намерены втягиваться в противостояние с КНР слишком глубоко: Индия не будет участвовать в антикитайских действиях за пределами Индийского океана, если Китай не спровоцирует её прямой угрозой индийскому судоходству в самом Индийском океане.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ

Китайское экономическое присутствие в регионе, с одной стороны, способствует сохранению темпов роста индийской экономики. Индия импортирует из КНР дешёвую электронику и товары народного потребления, многие индийские

фирмы тесно сотрудничают с китайскими компаниями. С другой – как минимум часть индийских бизнес-элит воспринимает китайские компании как прямых конкурентов. Речь идёт прежде о фирмах, специализирующихся на реализации крупных инфраструктурных проектов, производителях высокотехнологичного оборудования и комплектующих (микроэлектроники, солнечных панелей и т.п.) и компаниях-«единорогах», разрабатывающих программные решения. Регулярные упоминания о «китайской угрозе» помогают им получать поддержку государства и общества, а лозунг «откажись от китайского, покупай отечественное» – расширять товарооборот за счёт патриотически настроенной части населения, прежде всего среднего класса.

Все эти группы, как правило, тесно связаны с американским бизнесом. Часть их сотрудников прошла школу американских бизнес-инкубаторов, компании-«единороги» развиваются в значительной степени благодаря западным инвестициям, индийская IT-промышленность ориентирована на работу с англоязычными странами Запада, в первую очередь с США. Бизнес-кланы Индии владеют активами в западных странах и в целом интегрированы в мировые экономические элиты.

ВОЕННЫЕ ЭЛИТЫ

Наибольшую пользу из позиционирования Китая в качестве перманентного врага уже не первое десятилетие извлекают военные элиты. Накануне войны 1962 г. правительство Неру начало чистку руководства вооружённых сил, постепенно заменяя профессионалов, сделавших карьеру ещё в армии Британской Индии, на «патриотов» во главе с дальним родственником Неру Б.М. Каулем. Однако неумение воевать, которое продемонстрировали политические назначенцы, вынудило политические элиты отказаться от намеченной «чистки» и заключить с военными элитами негласный пакт о взаимном невмешательстве в дела друг друга, который соблюдается до сих пор.

Наличие перманентной и неэкзистенциальной китайской угрозы помогает военным элитам поддерживать высокий статус, подкрепляет их претензии на политическую автономию и оправдывает рост военных расходов, так как вооружённые силы воспринимаются обществом как необходимый институт, требующий адекватного финансирования. Это отношение распространяется и на членов военных элит, принадлежащих к сухопутным войскам и ВВС, и на представителей ВМС, которые в представлении прессы не позволяют Китаю замкнуть «нить жемчуга», состоящую из военно-морской базы в Джибути и ряда торговых портов, вокруг Индии.

ВМС США присутствуют в регионе Индийского океана в гораздо большем масштабе, нежели ВМС НОАК, превосходя китайцев не только по числу одновременно находящихся там кораблей, но и по количеству военно-морских баз (Диего-Гарсия, Бахрейн, Кэмп-Лемонье в Джибути). Но абсолютное превосходство в силах ВМС США над ВМС Индии и стратегия политических элит Индии, нацеленная на партнёрство с Вашингтоном, в принципе исключает любой военный конфликт между Индией и США. Взгляды индийских военных элит на американское присутствие и в принципе стратегию в отношении Индийского океана в целом выразил Г. Кхурана, указав, что Индия в целом полагает, что американское присутствие «соответствует индийским

интересам», так как Индия осознает, что формирование многополярного мира – дело далекого будущего, а американское присутствие в регионе необходимо для поддержания глобальной и региональной безопасности. При этом Индия опасается, что США возможными необдуманными действиями могут создать «гегемонистского впечатления», которое навредит имиджу Индии в регионе и помешает ей использовать свою «мягкую силу» [Holmes, J.R., Winner, A.C., Yoshihara, T. 2009: 121-122].

ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО

Экспертное сообщество Индии выполняет двоякую роль: с одной стороны, интеллектуальной прослойки, обслуживающей элиты, с другой – ретранслятора создаваемых элитами нарративов, которые потребляет общество.

Специфика формирования индийского экспертного сообщества в 1990-х годов, его тесная связь с западными, прежде всего американскими и британскими, коллегами определила повышенную чувствительность индийских интеллектуалов к западным нарративам, которые перерабатываются, насыщаются темами индийской актуальной повестки и интегрируются в дискурс. Типичным примером такого рода может служить концепция «Нити жемчуга», предложенной в своё время американскими экспертами и творчески переработанной индийскими. Иногда, впрочем, экспертное сообщество Индии самостоятельно генерирует идеи, которые затем воспринимаются экспертами других стран – к примеру, концепция Индо-Тихоокеанского региона, предложенная изначально индийскими интеллектуалами, была в конечном счёте подхвачена американскими элитами.

Экспертное сообщество Индии в значительной степени ответственно за поддержание синофобского дискурса. Будучи в то же время связанными с США, большинство экспертов поддерживают сближение с Вашингтоном как возможность противостоять наращиванию влияния Пекина. Эксперты, занимающие резко антиамериканскую позицию, достаточно маргинальны.

К настоящему моменту сложился круг индийских экспертов, которые специализируются на эксплуатации темы сдерживания китайской морской экспансии. Часть их работает в индийских аналитических центрах, часть – в американских или в других странах региона. Ежегодно издаются десятки книг, посвящённых этой теме [Basrur, R., Mukherjee, A., Paul, T.V. 2019]; [Brewster, D., 2018]; [Mukherjee, A., Raja Mohan, C. 2016]. Сложилась своеобразная иерархия, ключевые посты в которой занимает группа индийских [Raja Mohan, C. 2013] и иностранных [Lintner B. 2019] авторов.

ГОРОДСКОЙ СРЕДНИЙ КЛАСС

В концепции Копенгагенской школы безопасности, в рамках которой разрабатывалась теория секьюритизации, общество, как правило, играет роль объекта. Предполагается, что элиты государства, секьюритизируя тот или иной вопрос, воздействуют на общество, вынуждая его одобрять их действия и расширять рамки их полномочий.

Случай Индии демонстрирует ограниченность такой трактовки. Индийское общество, в первую очередь образованный средний класс, десятилетиями пребывая в поле синофобского дискурса, само стало субъектом секьюритизации. Причем секьюритизация, инициируемая этим средним классом, как правило, более иррациональна, чем секьюритизация элит. Движущей силой является набор подсознательных страхов, подпитываемых СМИ, которые транслируют синофобские настроения [Chatterji, R., Ray Chaudhury, A.B. 2022].

Типичным примером такой «секьюритизации снизу» можно считать конфликт в долине реки Галван в мае-июне 2020 г. Столкновение, ставшее результатом цепи роковых случайностей и приведшее к массовым жертвам с индийской стороны, вызвало взрыв патриотических чувств в рядах индийского урбанизированного среднего класса, пребывавшего в состоянии фрустрации после введения ограничительных мер в связи с пандемией ковид-19. Пресса – рупор этого среднего класса – выражала недовольство нерешительными действиями правительства, стремившегося замять конфликт, и требовала от властей занять жёсткую позицию. В результате руководство Индии, опасаясь падения популярности правящей «Бхаратия Джаната парти» среди электората в лучшем случае и социального взрыва – в худшем, вынуждено было перебросить на Линию фактического контроля дополнительные силы и продемонстрировать, что не собирается уступать давлению Китая. Это осложнило ситуацию в двусторонних отношениях, чего правительство Моди пыталось изначально избежать.

Примерно в той же логике освещаются события в регионе Индийского океана. Пресса активно педалирует тему китайских баз в регионе, поддерживая существующий нарратив и добавляя новые подробности. Общество, как следствие, находится в состоянии постоянной фрустрации, воспринимая рост китайского присутствия как перманентную угрозу. Это играет на руку элитам, позволяя им использовать эту фрустрацию в своих интересах, но в то же время таит в себе угрозу, так как рациональные действия элит не успевают за тревогами среднего класса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно резюмировать, что Китай и США, несмотря на несопоставимо разную историю присутствия в регионе Индийского океана с объективной точки зрения, в рамках своей национальной истории и национального мифа присутствуют в регионе примерно одинаковое время. В дискурсе обоих государств Индийский океан воспринимается схожим образом – как нейтральное пространство, где ключевое значение имеет безопасность торговых путей.

При этом в индийском дискурсе в силу исторических, иррациональных психологических и рациональных причин китайское присутствие, в отличие от американского, воспринимается резко негативно. Все элементы, определяющие индийскую внешнюю политику и обслуживающие их социальные группы заинтересованы в расширении связей с США и продолжении противостояния с КНР, которая воспринимается как «удобный противник», достаточно сильный для того, чтобы использоваться в качестве предмета секьюритизации, и в то же время не угрожающий самому существованию Индии как государства.

ИСТОЧНИКИ

1. Patranobis, S. China names undersea features in Indian Ocean, calls it sign of national soft power. *Hindustan Times*, 11.04.2023. Available at: <https://www.hindustantimes.com/india-news/chinese-navy-names-five-seabed-features-in-indian-ocean-after-musical-instruments-takes-total-to-nine-report-101681222061094.html> (accessed 01.06.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гун Инъянь, Лю Хэньу. Ретроспектива исследований китайского «Морского Шёлкового пути». М., СПб, Нестор-История, 2022.
Нихамин В.П. Очерки внешней политики Индии, 1947-1957 гг. Москва: Политиздат, 1959.

REFERENCES

- Basrur, R., Mukherjee, A., Paul, T.V., eds. 2019. *India-China Maritime Competition: The Security Dilemma at Sea*. NY, Routledge. 206 p.
- Breswter, D., ed. 2018. *India and China at Sea: Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean*. New Delhi, Oxford University Press. 348 p.
- Chatterji, R., Ray Chaudhury, A.B. 2022. Indian media's perception of China: A montage of national and regional dailies. *South Asia and China*. Ed. by Adluri Subramanyam Raju. L., NY: Routledge. Pp. 143-159.
- Furber, H. The Beginnings of American Trade with India, 1784-1812. *The New England Quarterly*, Vol. 11, No. 2. Pp. 235-265.
- Gun In"yan', Lyu Khen"u. Retrospektiva issledovaniia kitaiskogo «Morskogo Shelkovogo puti» [A retrospective of Chinese "Maritime Silk Road" studies] (In Russ.) Moscow, Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 2022. 422 P.
- Holmes, J.R., Winner, A.C., Yoshihara, T. 2009. *Indian Naval Strategy in the Twenty-First Century*. London, NY, Routledge. 236 p.
- Johnson R.E. 2015. *Far China Station: The U.S. Navy in Asian Waters, 1800-1898*. Naval Institute Press. 320 p.
- Kaplan, R.D. 2010. *Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power*. NY, Random House. 400 p.
- Kohli S.N. 1978. *Sea Power and the Indian Ocean: With Special Reference to India*. New Delhi: Tata McGraw-Hill. 168 p.
- Li Jiancheng. 2017. Developing China's Indian Ocean strategy: Rationale and prospects. *China Quarterly of International Strategic Studies*, Vol. 3, Iss. 4, Pp. 481-497. doi:10.1142/S2377740017500270
- Lintner, B. 2019. *The Costliest Pearl: China's Struggle for India's Ocean*. C. Hurst & Co.
- Misra, P. 1965. A Century of Indo-American Trade Relation 1783-1881. *Proceedings of the Indian History Congress*. Vol. 27, pp. 351-358.
- Mukherjee, A., Raja Mohan, C., eds. 2016. *India's Naval Strategy and Asian Security*. NY, Routledge. 260 p.
- Nihamin, V.P. Ocherki vneshnei politiki Indii, 1947-1957 gg. [Essays on Indian foreign policy]. (In Russ.) Moscow, Politizdat, 1959. 228 p.
- Ogden, Chr. 2017. *China and India: Asia's Emergent Great Powers*. Cambridge, Polity. 213 p.

Price, T.M. 1981. Soviet-Indian relations and the Indian Ocean as a zone of peace. Thesis. Monterey, California: Naval Postgraduate School. 130 p.

Raghavan, S. 2018. The Most Dangerous Place: A History of the United States in South Asia. Gurgaon: Penguin Books. 453 p.

Raja Mohan, C. 2013. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. New Delhi: Oxford University Press. 329 p.

Rubin, M. 1995. Stumbling through the "open door": the U.S. in Persia and the standard-Sinclair oil dispute, 1920-1925. *Iranian Studies*, Vol. 28, Iss. 3-4, pp. 203-229, DOI: 10.1080/00210869508701836

Singh B. 1976. Indian Foreign Policy: an Analysis. London: Asia Publishing House. 111 p.

Woodman, R. 2002. *The Sea Warriors*. Da Capo Press. 384 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУПРИЯНОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель Центра Индоокеанского региона Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23.

Alexey KUPRIYANOV, Candidate of Sciences (History), Senior research fellow, Head of Centre for Indo-Pacific Region, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 18.06.2023 / Received 18.06.2023.

Статья поступила после рецензирования 27.06.2023 / Revised 27.06.2023.

Статья принята к публикации 28.06.2023 / Accepted 28.06.2023.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023090043

EDN: KFYIYU

Претензии Канады на континентальный шельф в Арктике

Д.А. Володин

Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова

Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Scopus Author ID: 6505811996 ПИИЦ ID: 250126

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4252-24-35> e-mail: dmvldn@gmail.com

Резюме: Канада ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву в 2003 г. и не позднее 2013 г. должна была подать в Комиссию по границам континентального шельфа (КГКШ) научно-технические данные для расширения своего континентального шельфа за пределы 200 миль от побережья. Изначально канадская заявка должна была включать данные и по Атлантическому океану, и по Северному Ледовитому. Однако требование в 2013 г. канадского премьер-министра С. Харпера включить в заявку морское дно на Северном полюсе вынудило канадское правительство разбить заявку на две части: в 2013 г. в КГКШ были представлены данные по внешней границе континентального шельфа Канады в Атлантическом океане, а в 2019 г. – в отношении Северного Ледовитого. В заявке 2019 г. Канада претендовала на район морского дна площадью 1,2 млн километров квадратных, включая и Северный полюс. В декабре 2022 г. Канада представила в КГКШ дополнение к своей заявке 2019 г., в котором ещё больше увеличила свои претензии на континентальный шельф в Арктике, доведя границы своего шельфа до российской исключительной экономической зоны. Увеличение площади спорных участков континентального шельфа между Россией, Канадой и Данией означает, что решающую роль в установлении границ континентального шельфа этих стран в Арктике будут играть соответствующие переговоры этих стран между собой. Одобрение КГКШ в феврале 2023 г. российских претензий в отношении Хребта Ломоносова и поднятия Менделеева-Альфа важно и для Канады, поскольку также узаконивает канадское право претендовать на континентальный шельф в Арктике за пределами 350 миль от своего побережья. Крайнее обострение отношений между Россией и Западом с 2022 г. осложняет раздел континентального шельфа в Арктике между странами региона.

Ключевые слова: Арктика, континентальный шельф Канады; морское право, Комиссия по границам континентального шельфа (КГКШ); принцип равного отстояния

Для цитирования: Володин Д.А. Претензии Канады на континентальный шельф в Арктике // *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53(9): 46-60.

DOI: 10.31857/S2686673023090043

EDN: KFYIYU

Canada's Claim to the Continental Shelf in the Arctic

D.A. Volodin

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebyny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID: 6505811996 ПИИЦ ID: 250126

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4252-24-35> e-mail: dmvldn@gmail.com

Abstract: Canada ratified the UNCLOS in 2003 and thus had to submit scientific and technical data to the Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS) no later than 2013 to extend its continental shelf beyond 200 miles from the coast. Initially the Canadian submission was to include data for both the Atlantic Ocean and the Arctic Ocean. However the requirement in 2013 by Canadian Prime Minister S. Harper to include the seabed at the North Pole in the submission forced the Canadian government to split the submission into two parts: in 2013 data on the outer limit of Canada's continental shelf in the Atlantic Ocean were submitted to the CLCS, and in 2019 – on the Arctic. In the 2019 submission Canada claimed a seabed area of 1.2 million square kilometers, including the North Pole. In December 2022 Canada submitted an addendum to its 2019 proposal to the CLCS, in which it further increased its claims to the continental shelf in the Arctic, bringing the boundaries of its shelf to the Russian exclusive economic zone. The increase in the area of disputed areas of the continental shelf between Russia, Canada and Denmark means that the decisive role in establishing the boundaries of the continental shelf of these countries in the Arctic will be played by the corresponding negotiations between these countries. The February 2023 approval by the CLCS of Russian claims to the Lomonosov Ridge and the Alpha-Mendeleev Rise is important for Canada as well, as it also legitimizes Canada's right to claim the continental shelf in the Arctic beyond 350 miles from its coast. The extreme aggravation of relations between Russia and the West since 2022 complicates the division of the continental shelf in the Arctic between the countries of this region.

Keywords: Arctic; Canada's continental shelf; law of the sea; Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS); equidistance principle

For citation: Volodin, D.A. Canada's Claim to the Continental Shelf in the Arctic. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2023; 53(8):46-60.
DOI: 10.31857/S2686673023090043 EDN: KFYIU

ВВЕДЕНИЕ

Начало процесса по предъявлению государствами прав на континентальный шельф у своего побережья обычно связывают с прокламацией американского президента Г. Трумэна в сентябре 1945 г., в которой было заявлено о принадлежности США природных ресурсов, содержащихся на морском дне и недрах континентального шельфа, прилегающего к американскому её побережью и расположенного под водами открытого моря [18]. Примеру Соединённых Штатов последовал и ряд других государств, а некоторые страны пошли ещё дальше и предъявили права не только на шельф, но и на находящиеся над ним воды.

Несмотря на свою чрезвычайно протяжённую береговую линию, Канада не стала выдвигать односторонние претензии на континентальный шельф у своего побережья и дождалась рассмотрения этого вопроса на созванной в Женеве в 1958 г. Конференции ООН по морскому праву. Среди принятых там документов была и Конвенция о континентальном шельфе, под которым понималась «поверхность и недра морского дна подводных районов, примыкающих к берегу, но находящихся вне зоны территориального моря, до глубины 200 метров, или, за этим пределом, до такого места, до которого глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств этих районов» [1]. Конвенция гарантировала прибрежным государствам суверенные права на разработку естественных

богатств континентального шельфа, к которым были отнесены не только минерально-сырьевые ресурсы, но и живые организмы «сидячих» видов. Уже тогда, в 1958 г., канадские официальные лица подчёркивали важность этого документа для будущей добычи полезных ископаемых на канадском шельфе в Арктике. В частности, вернувшийся из Женевы в конце апреля 1958 г. министр по делам Севера и природных ресурсов Э. Гамильтон говорил, что Конференция признала исключительное право Канады на разработку ресурсов на континентальном шельфе, и что «нефть существует за пределами арктического побережья» [17]. Под таким же углом – расширение территории для добычи полезных ископаемых в Арктике – рассматривала Конвенцию и канадская пресса [4].

Конвенция о континентальном шельфе вступила в силу в 1964 г. и была ратифицирована Канадой в 1970 году. Однако к тому времени возникла необходимость уточнить понятие «континентальный шельф», поскольку развитие технологий глубоководного бурения уже позволяло вести разработку шельфа ниже 200-метровой глубины. Стоит напомнить, что с естественно-научной точки зрения континентальный шельф представляет собой лишь один из трёх элементов подводной окраины материка, располагаясь на глубине в пределах нескольких сотен метров, а остальные два элемента – континентальный склон и континентальный подъём – могут достигать глубины в несколько километров (см. рис. 1). Определение континентального шельфа с точки зрения возможности добывать на нём ресурсы, принятое в Конвенции 1958 г., фактически стирало разницу между этими разными элементами подводной окраины материка. Это полностью устраивало Канаду, позволяя ей добывать ресурсы на всем протяжении материковой окраины. В 1960–1970-е годы, ссылаясь на критерий эксплуатабельности, Министерство энергетики, горнодобывающей промышленности и природных ресурсов выдавало лицензии на разведывательное бурение на всех трёх частях канадской материковой окраины [Buzan B., Middlemiss D. 1977: 17-18; Riddell-Dixon E. 2014: 428].

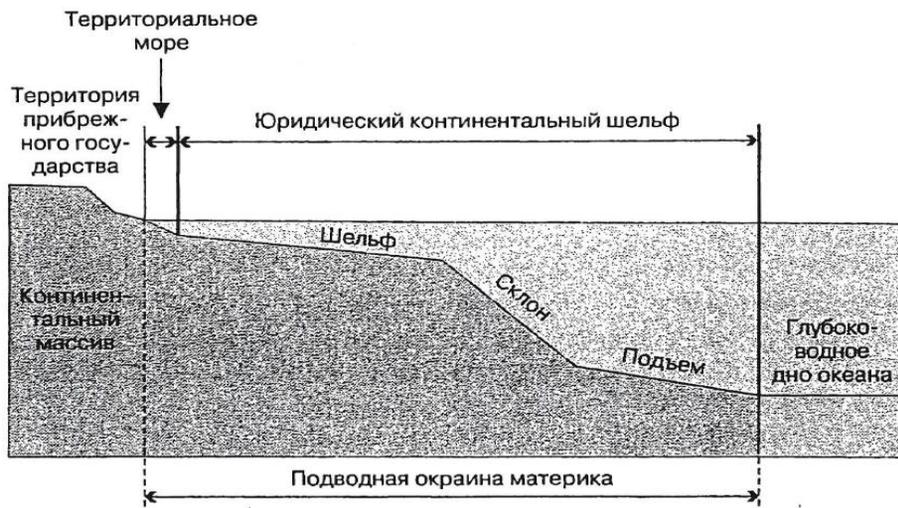
Позицию, что континентальным шельфом в международном праве должна считаться вся подводная материковая окраина Канада отстаивала и в ходе работы III Конференции ООН по морскому праву (1973-1982 гг.) [Beesley A. 1972: 29; 23]. Канада добилась этой цели. Принятая в 1982 г. Конвенция ООН по морскому праву зафиксировала, что «континентальный шельф прибрежного государства включает в себя морское дно и недра подводных районов <...> на всём протяжении его сухопутной территории до внешней границы окраины материка или на расстояние 200 морских миль <...> когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние» [2].

Таким образом, любое прибрежное государство автоматически получало суверенные права на разведку и разработку подводных природных ресурсов в пределах 200 миль от своего побережья. Государство, считавшее, что его шельф простирается на большее расстояние, должно было предоставить соответствующие научные данные в специально созданную Комиссию по границам континентального шельфа (КГКШ). В практическом плане прибрежное государство должно было доказать, что тот или иной участок морского дна за пределами 200-мильной зоны связан с его сухопутной территорией, то есть является либо подводным хребтом (*submarine ridge*), либо подводной возвышенностью (*submarine elevation*).

В 1994 г. Конвенция ООН по морскому праву вступила в силу, однако Канада не спешила с её ратификацией. Существуют различные объяснения этого факта. Так, занимавший различные министерские посты в правительствах Ж. Кретьена и П. Мартина в начале 2000-х годов Б. Грэм главной причиной называл оппозицию властей провинции Ньюфаундленд (с 2001 г. провинция Ньюфаундленд и Лабрадор), которые опасались, что ратификация Конвенции затруднит для Канады защиту её прав на рыболовство на Большой Ньюфаундлендской Банке (*the Grand Banks*) [Graham В. 2016: 333]. В то же время Э. Ридделл-Диксон из Университета Западного Онтарио, ведущий канадский исследователь по проблемам расширения континентального шельфа, указывала на опасение властей, что статьи Конвенции, касающиеся режима Международного района морского дна, возложат на Канаду слишком большие расходы [Riddell-Dixon E. 2014: 434]. Медлительность канадского правительства могла объясняться и положениями Конвенции, которая требовала, чтобы прибрежное государство, заинтересованное в расширении континентального шельфа за пределы 200 миль, представило соответствующие научно-технические данные «не позднее десяти лет со времени вступления в силу Конвенции для этого государства» [2]. Таким образом, ратификация Конвенции сразу запускала счётчик времени для подготовки Канадой заявки для Комиссии по границам континентального шельфа. Учитывая огромную протяжённость береговой линии Канады, излишняя торопливость с ратификацией Конвенции, могла негативно повлиять на качество самой канадской заявки.

Рисунок 1

Юридический континентальный шельф по Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Международное морское право. Отв. ред. С.А. Гуреев. – М.: ИНФРА-М, 2011, с. 149.

Впервые вопрос о расширении континентального шельфа привлёк внимание в Канаде в декабре 1995 г., когда в прессе были опубликованы выдержки из доклада Геологической службы Канады, что страна может претендовать на огромные участки морского дна в Атлантическом и Северном Ледовитом океанах в

соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву. Однако высокопоставленный представитель канадского МИД сразу постарался развеять завышенные ожидания, назвав карты Геологической службы «сугубо гипотетическими» (*just speculative*), и подчеркнул, что потребуются годы исследований, прежде чем правительство будет в состоянии понять, стоит ли вообще подавать заявку на расширение континентального шельфа [14].

Несомненно, важным сигналом для канадских властей стали действия России, которая в декабре 2001 г. первой из всех стран в мире подала заявку в КГКШ на расширение континентального шельфа за пределы 200 миль. Ещё до подачи заявки Россия проводила консультации с другими арктическими странами. В частности, в октябре 2001 г. основные положения российской заявки обсуждались в Москве с представителями США, Норвегии, Канады и Дании. А ещё через месяц с этими же странами, за исключением Норвегии, были проведены дополнительные консультации на эту тему [Казмин Ю.Б. 2010: 30]. Тот факт, что Россия в своей заявке предъявила права на Хребет Ломоносова и Хребет Менделеева в границах своего полярного сектора, напрямую затрагивало и интересы Канады. Хотя Комиссия в своих рекомендациях (27 июля 2002 г.) не утвердила внешние границы континентального шельфа России в Арктике, сославшись на недостаток предоставленных данных, становилось очевидно, что дальнейшее затягивание Оттавы с подготовкой собственной заявки на расширение континентального шельфа приведет к тому, что границы её континентального шельфа в Арктике фактически установят её соседи по региону. Несмотря на то что разграничение континентального шельфа между государствами с противолежащими или смежными побережьями возлагается на сами эти государства, отказ от обращения в КГКШ не только придавал «неокончателюность» самостоятельно установленным границам континентального шельфа, но и ставил такое прибрежное государство в невыгодное положение при делимитации континентального шельфа со своими соседями.

Канада ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву 7 ноября 2003 г. и официально стала её участником месяц спустя. Это означало, что не позднее 6 декабря 2013 г. Канада должна была подать заявку в КГКШ с соответствующими доказательствами на расширение своего континентального шельфа за пределы 200 миль от побережья.

За подготовку канадской заявки отвечали три ведомства: Министерство природных ресурсов; Министерство рыболовства и океанических ресурсов (*Fisheries and Oceans Canada*); Министерство иностранных дел. Министерство природных ресурсов через входящую в него Геологическую службу Канады отвечало за сбор геологических и геофизических данных для оценки толщины осадочных пород в недрах морского дна и предоставление научных данных, что расширенный континентальный шельф Канады является естественным продолжением её сухопутной территории; Министерство рыболовства и океанических ресурсов посредством подконтрольной ему Канадской гидрографической службы занималось сбором батиметрических данных для определения глубин и формы морского дна для установления подножия континентального шельфа и 2500-метровой изобаты; МИД отвечал за международно-правовую составляющую заявки и её дипломатическое сопровождение. В 2004 г. канадское правительство выделило этим

ведомствам для выполнения соответствующих исследований 69 млн долл. (здесь и далее имеются в виду кан. долл. – Д.В.), а затем дополнительно профинансировало эту программу в 2008 г. (40 млн долл.) и 2012–2013 гг. (7,9 млн долл.) [12:3]. При этом было решено отказаться от сбора данных в Тихом океане, где подводная окраина материковой части Канады была настолько узкой, что не позволяла рассчитывать на благоприятный результат. Таким образом, заявка Канады на расширение континентального шельфа должна была включать данные по Атлантическому и Северному Ледовитому океану.

Основная задача, стоявшая перед канадскими специалистами в рамках подготовки «арктической» части заявки, заключалась в том, чтобы доказать, что Хребет Ломоносова и Хребет Менделеева-Альфа являются естественным продолжением сухопутной территории Канады. По словам руководителей Геологической и Гидрографической служб Канады, сбор научных данных в регионе проходил по двум отдельным районам – восточном и западном. В восточной части Канадской Арктики работы были сосредоточены на исследовании находящихся в этом районе Хребта Ломоносова и Хребта Альфа (то есть канадской части Хребта Менделеева-Альфа); в западной – на определении толщины осадочных пород для установления внешней границы континентального шельфа [Verhoef J., Mosher D., Forbes S. 2011: 92-93]. В каждом из этих двух районов у Канады был основной партнёр в сборе научных данных. В Восточной Арктике таким партнёром была Дания, а в Западной – Соединённые Штаты.

Общность интересов Канады и Дании объяснялась тем, что две страны были одинаково заинтересованы в том, чтобы доказать, что Хребет Ломоносова является естественным продолжением Североамериканского континента. Согласно Э. Ридделл-Диксон, между двумя странами была достигнута неформальная договорённость, что канадская заявка не будет включать континентальный шельф к востоку от Хребта Ломоносова, а датская – к западу от него. В рамках этой договорённости Канада также согласилась не претендовать на морское дно на Северном полюсе [Riddell-Dixon E. 2020: 71]. Это позволило канадским и датским исследователям провести в 2006–2009 гг. четыре совместные экспедиции в районе к северу от канадского острова Элсмир и датской Гренландии [12: 12].

В Западной Арктике аналогичную поддержку Канада получила от США. Хотя Соединённые Штаты не являются участником Конвенции ООН по морскому праву и, таким образом, формально не могут подать заявку на расширение своего континентального шельфа, они в течение многих лет проводят изучение морского дна в своём арктическом секторе с тем, чтобы обосновать свои будущие претензии, а также для оспаривания прав других арктических стран. Но проведение исследований в Северном Ледовитом океане настолько сложное и затратное дело, что и Канада, и США считали оправданным такое сотрудничество. Использование двух ледоколов и двух научных команд позволяло распределить обязанности и тем самым ускорить работы. Например, в ходе канадско-американской экспедиции в море Бофорта летом 2009 г. американские специалисты на ледоколе «Хили» осуществляли гидролокационное сканирование в высоком разрешении дна моря Бофорта, а канадские на ледоколе «Луи Сен-Лоран» проводили сейсмические исследования для определения формы морского дна и толщины осадочных пород [15].

В начале 2010-х годов активно стала обсуждаться возможность совместной заявки России, Канады и Дании на расширение континентального шельфа в Арктике. В частности, российский представитель в Комиссии по границам континентального шельфа Ю.Б. Казмин в своей статье (март 2010 г.) считал, что такой вариант позволит трём странам сосредоточиться исключительно на установлении внешней границы своего континентального шельфа, не отвлекаясь на делимитацию спорных участков с двумя другими участниками [Казмин Ю.Б. 2010: 34].

Сама идея совместной заявки этих трёх стран имела определённую логику. С одной стороны, с геологической точки зрения, Хребет Ломоносова простирается от канадского острова Элсмир и датской Гренландии до российских Новосибирских островов. С другой – в тот момент (начало 2010-х годов) наблюдался высокий уровень доверия между арктическими странами, и они стремились работать сообща в решении проблем региона. Важную роль в создании такой благоприятной атмосферы сыграло подписание пятью прибрежными арктическими государствами Илулиссатской декларации (май 2008 г.), в которой они обозначили себя как союзники в сохранении нынешнего правового режима Арктики, и объявленная через год американской администрацией Обамы перезагрузка отношений с Россией.

В то же время у идеи совместной заявки России, Канады и Дании на расширение континентального шельфа в Арктике были и недостатки. Одним из них было то, что такая совместная заявка считалась бы новой и рассматривалась бы в порядке общей очереди. Дело в том, что КГКШ крайне медленно рассматривает заявки, в результате чего постоянно увеличивается время между подачей заявки и началом её рассмотрения. Так, по состоянию на 11 мая 2023 г., в Комиссию ООН по границам континентального шельфа были поданы 93 заявки, а рассмотрение начато лишь в отношении 48 из них [21]. Сильнее всего при таком сценарии пострадала бы Россия, которая первой в мире направила представление в КГКШ, а при совместной заявке оказалась бы в самом конце очереди.

Известный канадский специалист из Университета Британской Колумбии М. Байерс отмечал, что этим трём странам трудно было бы рассчитывать на снижение издержек при подаче совместной заявки, поскольку основные исследования они уже провели, а объединение научных данных собранных в разное время и при помощи различных научных методов было бы весьма сложным и долгим процессом [Byers M. 2013: 113].

В ходе визита министра иностранных дел Канады Л. Кэннона в Москву (сентябрь 2010 г.) в канадской прессе сообщалось, что две страны обсуждают возможность подачи совместной заявки на расширение континентального шельфа в Арктике [9]. Однако интерес канадского руководства к этой идее, видимо, был не слишком сильный, поскольку Л. Кэннон после встречи со своим коллегой С.В. Лавровым, заявил, что Канада представит в Комиссию по границам континентального шельфа научные данные, которые продемонстрируют, что Хребет Ломоносова связан с сухопутной территорией Канады [6].

В марте 2012 г. тема возможного сотрудничества Канады и России по разграничению континентального шельфа в Арктике возникла вновь. На встрече в Москве с канадскими журналистами российский лидер В.В. Путин предложил, чтобы две страны создали совместный научный совет для рассмотрения вопросов,

касающихся суверенитета Арктики, подчеркнув, что «границы континентального шельфа должны определять учёные» [20]. В ответ пресс-секретарь канадского премьер-министра С. Харпера Э. Макдугалл заявил, что Канада готова к сотрудничеству с Россией в определении границ континентального шельфа, однако дальнейшего развития эта тема не получила.

Как уже отмечалось, изначально канадское руководство планировало подать в КГКШ представление, которое включало бы границы расширенного канадского континентального шельфа и в Атлантическом, и в Северном Ледовитом океанах. Однако в начале декабря 2013 г., за считанные дни до наступления крайнего срока для подачи, стало известно, что премьер-министра С. Харпера не устроила скромность заявленных границ канадского континентального шельфа в Арктике, и он поручил подготовить более амбициозную заявку. В частности, Харпер поручил включить в неё морское дно на Северном полюсе [Максимова Д.Д. 2017: 293]; [10]. Таким образом, 6 декабря 2013 г. Канада направила в Комиссию неполную заявку, обосновывавшую лишь расширение границ канадского континентального шельфа в Атлантическом океане. Аналогичные данные в отношении Северного Ледовитого океана канадское правительство пообещало предоставить позднее [Максимова Д.Д. 2017: 294].

Объясняя в январе 2014 г. своё решение включить в канадскую заявку Северный полюс, Харпер ссылаясь на длительную традицию такой точки зрения в стране. По его словам, «канадские правительства предъявляли права на Северный полюс по меньшей мере с 1930-х годов. Поэтому потребовалась бы убедительная причина, чтобы отказаться от этой претензии. Не существует такой убедительной причины. Точка зрения правительства в целом заключается в том, что на данной стадии Канада должна выдвинуть максимально возможную претензию, убедительно и с научными доказательствами (*plausibly and with scientific evidence*). Та информация, которая есть у правительства, указывает на то, что такой подход должен включать Северный полюс» [11].

Однако у такой точки зрения были и критики. Так, М. Байерс подчёркивал, что Северный полюс находится на датской стороне Хребта Ломоносова. Более того, он оставался на датской стороне и при делимитации шельфа по срединной линии, то есть линии, проведённой на равном расстоянии от канадского острова Элсмир и датской Гренландии. Байерс указывал, что именно принцип равного отстояния (*equidistance principle*) предусмотрен в международном праве для делимитации морских пространств. В этой связи он подчёркивал, что «Комиссия по границам континентального шельфа не выносит решений в отношении претензий, оспариваемых другими странами. Такие претензии должны быть урегулированы посредством переговоров или обращением в международный суд, который вновь опирался бы в своём решении на принцип равного отстояния» [8]; [5].

Выбор Харпера в пользу установления максимально возможных границ континентального шельфа в Арктике потребовал проведения дополнительных исследований. В 2014-2015 гг. на это было выделено 78,4 млн долл., что позволило провести три экспедиции в Бассейне Амундсена (*Amundsen Basin*) и Канадском Бассейне (*Canada Basin*).

Помимо потери времени и денег (особенно учитывая как медленно КГКШ рассматривает заявки), решение Харпера предъявить права на дно Северного полюса разрушило неформальную договорённость между Канадой и Данией о разделе континентального шельфа, в рамках которой этот участок должен был достаться Дании. По мнению Э. Ридделл-Диксон, это привело к тому, что датская заявка на континентальный шельф оказалась гораздо более масштабной, чем планировалось изначально. По её словам, до декабря 2013 г. между Данией и её автономией Гренландией существовали разногласия в отношении размеров континентального шельфа, на которые должна претендовать Дания. В то время как гренландские власти настаивали на включении в датскую заявку как можно большей территории, датское правительство выступало за проведение границы по линии равного отстояния. Заявление Харпера о включении Северного полюса в канадскую заявку заставило датское правительство пересмотреть стратегию и принять точку зрения гренландских властей [Riddell-Dixon E. 2017: 223]; [Riddell-Dixon E. 2020: 73].

15 декабря 2014 г. Дания направила в КГКШ частичное представление в отношении границ северного континентального шельфа Гренландии, в котором предъявила претензии на район площадью 895 тыс. кв. км, включая и Северный полюс. Данная заявка выглядела как вызов другим прибрежным арктическим странам, дотягивая границы датского (гренландского) континентального шельфа в Арктике до границ исключительной экономической зоны этих стран.

В мае 2019 г., позже всех прибрежных арктических стран, участников Конвенции ООН по морскому праву, Канада направила в Комиссию частичное представление о границах её континентального шельфа в Арктике. Согласно этой заявке, площадь континентального шельфа Канады за пределами 200-мильной зоны составляла 1,2 млн кв. км. и включала Северный полюс. В канадской заявке отмечалось, что континентальная окраина Канады в Северном Ледовитом океане является частью морфологически единой континентальной окраины, которая включает целый ряд обширных вершин морского дна (*seafloor highs*). Эти вершины «включают Центральное Арктическое Плато (Хребет Ломоносова, Хребет Альфа и Поднятие Менделеева), которое образует подводное продолжение сухопутной территории Канады» [16: 7]. Размеры канадских претензий значительно выросли по сравнению с 2000-ми годами, когда ожидалось, что Канада будет претендовать в Арктике на 750 тыс. кв. км. В то же время эксперты считали канадскую заявку вполне адекватной. В частности, М. Байерс отмечал, что представление, направленное в КГКШ, является «разумным и сдержанным. Оно не включает весь Хребет Ломоносова, а границы канадского континентального шельфа проходят далеко от российской исключительной экономической зоны» [13].

Таким образом, Канада продемонстрировала свою готовность к компромиссу в отношении границ континентального шельфа. Собственно и в самой заявке и в материалах канадского МИД, опубликованных одновременно с ней подчеркивалось, что указанные границы канадского континентального шельфа «не являются политическими границами», и что данный процесс завершится только после делимитации спорных участков с Данией, Россией и Соединёнными Штатами [16: 9].

В начале 2020-х годов ситуация с делимитацией арктического континентального шельфа стала более сложной. Дело в том, что и Россия, и Канада расширили

свои претензии на континентальный шельф в Северном Ледовитом океане. В частности, Россия подала заявку в 2001 г. и дополнила её в 2015 г., в марте 2021 г. представила в КГКШ новое дополнение, которое значительно расширяло её претензии на Хребет Ломоносова, Хребет Альфа и Поднятие Менделеева. Это неизбежно означало увеличение площади спорных участков шельфа с Канадой. Одни канадские эксперты, такие как Р. Хьюберт из Университета Калгари, действительно были недовольны тем, что границы российского континентального шельфа достигли канадского исключительной экономической зоны. В то же время У. Лакенбауэр из Трентского университета (провинция Онтарио) призывал не драматизировать ситуацию, подчёркивая, что «Россия играет по правилам». По его мнению, российское дополнение 2021 г. указывало на приближение окончательных переговоров между Россией, Канадой и Данией по делимитации континентального шельфа в Северном Ледовитом океане [23]. Канада поступила аналогичным образом. В представленном дополнении (декабрь 2022 г.) в отличие от её заявки 2019 г. говорилось не просто о том, что Центральное Арктическое Плато, соединено с сухопутной территорией Канады, но и должно считаться подводной возвышенностью (*submarine elevation*) в том виде, как это понимается ст. 76 Конвенции ООН по морскому праву [3: 7]. Это означало, что Канада может не соблюдать ограничение в 350 миль от берега при установлении границ своего континентального шельфа в Арктике.

Тот факт, что Дания, Россия и Канада расширили свои претензии на континентальный шельф в Арктике, ещё не означает неизбежного конфликта между ними. Важно, что, несмотря на увеличение площади спорных участков шельфа, ни одна из этих стран не стала возражать против подачи заявок другими такими странами. Подготовка и передача ими в КГКШ представлений с максимальными претензиями на континентальный шельф включала консультации со странами, которые могут быть затронуты этой заявкой, причём подчёркивалось, что с этими странами достигнута договорённость, что рекомендации Комиссии в отношении одного государства не наносят ущерба рассмотрению заявки другого государства, а также разграничению континентального шельфа между этими государствами. В частности, Канада при подготовке своей заявки 2019 г. и дополнения к ней 2022 г. проводила консультации с Данией, Россией и Соединёнными Штатами и достигла с ними договорённости, что наличие спорных участков не помешает дальнейшей делимитации континентального шельфа с этими странами.

Более того, рекомендации Комиссии по границам континентального шельфа в феврале 2023 г. в отношении российской заявки, в которой она согласилась с большинством российских претензий, в определённой степени отвечает и интересам Канады. Для Канады крайне важно, что Комиссия признала и Хребет Ломоносова, и Поднятие Менделеева-Альфа «как подводную возвышенность в соответствии со ст. 76 §6 Конвенции ООН по морскому праву» [19: 30, 32]. Таким образом, теперь не только Россия может претендовать на континентальный шельф в Арктике за пределами 350 миль от своего побережья, но и Канада (а в случае Хребта Ломоносова ещё и Дания).

Рисунок 2

Расширение претензий Канады на континентальный шельф в Арктике с 2019 по 2022 гг.

—	Согласованная граница	□	Районы континентального шельфа, включенные в канадскую заявку 2019 г.
- - -	Срединная линия	■	Районы континентального шельфа, добавленные в канадскую заявку 2022 г.
	Спорная морская граница		
○	Северный полюс		

Подготовлено на основе: Canada's Evolving Central Arctic Ocean Submission. Available at: [https://www.durham.ac.uk/media/durham-university/research-/research-centres/ibru-centre-for-borders-research/maps-and-databases/2023-arctic-maps-updated-/Map-5-IBRU-Arctic-map-02-03-23-\(Canadas-evolving-submission-in-the-CAO\).pdf](https://www.durham.ac.uk/media/durham-university/research-/research-centres/ibru-centre-for-borders-research/maps-and-databases/2023-arctic-maps-updated-/Map-5-IBRU-Arctic-map-02-03-23-(Canadas-evolving-submission-in-the-CAO).pdf) (accessed 21.05.2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом рекомендации Комиссии создают условия для начала двусторонних переговоров между Россией, Канадой и Данией по делимитации континентального шельфа в Арктике. Это не означает, что такие переговоры начнутся в самое ближайшее время. Канада и Дания могут посчитать необходимым дождаться рассмотрения Комиссией своих собственных заявок на расширение континентального шельфа в Арктике. С учётом скорости работы Комиссии (в среднем 1-2 заявки в год) канадская заявка, вероятно, начнёт рассматриваться не ранее 2030-х годов и ещё несколько лет пройдёт до вынесения рекомендаций по ней. У Канады нет особой нужды спешить с такими переговорами ещё и потому, что более 90% запасов нефти и газа на арктическом шельфе находится в пределах 200-мильной зоны арктических стран и, таким образом, эти страны уже имеют суверенные права на их разработку и добычу.

На фоне крайнего обострения отношений между Россией и Западом с 2022 г. раздел арктического шельфа между пятью странами региона приобретает для них не столько экономическое, сколько военно-стратегическое значение. Стоит напомнить, что остальные четыре державы помимо России, претендующие на арктический шельф, являются членами НАТО. Именно по морскому дну проходят важнейшие коммуникационные кабели, а также нефте- и газопроводы. Известно также, что в ходе предстоящей модернизации американско-канадского Командования по воздушно-космической обороне Северной Америки (НОРАД) часть элементов его новой системы наблюдения будет размещена на морском дне. Это может превратить дно Северного Ледовитого океана в новую арену противостояния между Россией и Западом и, тем самым, существенно осложнить делимитацию континентального шельфа в Арктике между странами региона.

Военный фактор придаёт специфику и делимитации континентального шельфа в Арктике между Канадой и США. Тот факт, что Соединённые Штаты не ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву и неизвестно когда станут её участником и станут ли вообще, изначально создаёт сложности для Канады в делимитации континентального шельфа с этой страной. Ещё один фактор, который усложняет ситуацию, это спор между ними о прохождении морской границы в море Бофорта, в Северном Ледовитом океане. Канада выступает за продолжение в море сухопутной границы, а США – за проведение границы по принципу равного отстояния. Если Канада соглашается на делимитацию континентального шельфа с Россией и Данией по принципу равного отстояния, то она даёт Соединённым Штатам важный козырь не только на канадско-американских переговорах по делимитации континентального шельфа, но и в споре о прохождении границы в море Бофорта. Что же касается военного фактора, то он, наоборот, улучшает переговорные позиции Канады как в отношении США, так и в отношении России по делимитации континентального шельфа. Важная роль Канады в обеспечении обороны Североамериканского континента через её участие в НОРАД заставляет с Вашингтон учитывать озабоченности Оттавы в отношении сохранения суверенитета страны в Арктике. Это не означает, что США пожертвуют своим континентальным шельфом в пользу Канады, но это предполагает, что Канада при переговорах о

делимитации континентального шельфа с Россией может рассчитывать на поддержку США, поскольку в этом случае увеличение площади канадского континентального шельфа будет отвечать американским интересам безопасности.

ИСТОЧНИКИ

1. Конвенция о Континентальном шельфе. Заключена в Женеве 29 апреля 1958 года. *Ведомости Верховного Совета СССР*, 1964, № 28, Ст. 1136.
2. Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву. Available at: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (accessed 17.05.2023).
3. Addendum to the Partial Submission of Canada to the Commission on the Limits of the Continental Shelf Regarding Its Continental Shelf in the Arctic Ocean. Executive Summary. Government of Canada. 2022. Available at: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/can1_84_2019/cda1eseng.pdf (accessed 18.05.2023).
4. Barkway, M. Arctic Undersea Minerals All Ours in New Doctrine. *The National Post*, 3.05.1958.
5. Byers, M. The North Pole Is a Distraction. *The Globe and Mail*, 20.08.2014.
6. Canada Holds Bilateral Talks with Russia. *DFAIT News Release*, No. 297, 16.09.2010.
7. Canada Marks Major Milestone in Defining Its Continental Shelf in Arctic Ocean. *Department of Global Affairs*. News Release. 23.05.2019.
8. Canada to Make Claim for North Pole. *The Toronto Star*, 10.12.2013.
9. Chase, S. Canada Claims Underwater Arctic Mountain Range. *The Globe and Mail*, 17.09.2010.
10. Chase, S. Harper Orders Redraft of Arctic Claim. *The Globe and Mail*, 4.12.2013.
11. Chase, S. 'We Should Make the Maximum Claim We Can Make'. *The Globe and Mail*, 18.01.2014.
12. Evaluation of Canada's Extended Continental Shelf Program. Final Report. Prepared by the Diplomacy, Trade and Corporate Evaluation Division (PRE). Global Affairs Canada. February 2019. Available at: <https://www.international.gc.ca/gac-amc/assets/pdfs/publications/evaluation/2019/2019-evaluation-ecs-pce-eng.pdf> (accessed 21.05.2023).
13. George, J. Canada Submits Its Arctic Ocean Claim to the United Nations. 24.05.2019. Available at: <https://nunatsiaq.com/stories/article/canada-submits-its-arctic-ocean-claim-to-the-united-nations/> (accessed 18.05.2023).
14. Koring, P. Any Bid for Seabed Control Years Away, Official Says. *The Globe and Mail*, 23.12.1995.
15. Mahoney, J. Undersea Mapping Supports Territorial Claim. *The Globe and Mail*, 28.08.2009.
16. Partial Submission of Canada to the Commission on the Limits of the Continental Shelf Regarding Its Continental Shelf in the Arctic Ocean. Executive Summary. Government of Canada. 2019. Available at:

https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/can1_84_2019/CDA_ARC_ES_EN_secured.pdf (accessed 19.05.2023).

17. Philips, B. Vast New Resources Areas Won by Canada. *The Calgary Herald*, 25.04.1958.

18. Policy of the United States with Respect to Natural Resources of the Subsoil and Seabed of the Continental Shelf. 28.09.1945. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/library/proclamations/2667/policy-united-states-respect-natural-resources-subsoil-and-sea-bed> (12.05.2023).

19. Recommendations of the Commission on the Limits of the Continental Shelf in Regard to the Partial Revised Submission Made by the Russian Federation in Respect of the Arctic Ocean on 3 August 2015 with Addenda Submitted on 31 March 2021. Approved by the Commission, with Amendments, on 6 February 2023. Available at: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01_rev15/2023RusRev1RecSum.pdf (accessed 20.05.2023).

20. Stackhouse, J. Putin Seeks Joint Council with Canada to Resolve Arctic Sovereignty Debate. *The Globe and Mail*, 2.03.2012.

21. Submissions, through the Secretary-General of the United Nations, to the Commission on the Limits of the Continental Shelf, pursuant to article 76, paragraph 8, of the United Nations Convention on the Law of the Sea of 10 December 1982. Available at: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/commission_submissions.htm (accessed 18.05.2023).

22. Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Ottawa: Department of External Affairs, 1973, 26 p.

23. Tranter, E. 'You Cannot Claim Any More': Russia Seeks Bigger Piece of Arctic. *CBC*. 11.04.2021. Available at: <https://www.cbc.ca/news/canada/north/russia-arctic-ocean-canada-united-nations-continental-shelf-1.5983289> (accessed 18.05.2021)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Казмин Ю.Б. 2010. К вопросу о внешней границе континентального шельфа России в Арктике. *Международная жизнь*, № 3, С. 12-35.

Максимова Д.Д. 2017. Арктические интересы Канады. *Канада: современные тенденции развития. К 150-летию государства*. Отв. Ред. В.И. Соколов. – М.: Весь мир, С. 280-302.

REFERENCES

Beesley, A. 1972. The Law of the Sea Conference: Factors Behind Canada Stance. *International Perspectives*, July-August, P. 28-35.

Buzan, B., Middlemiss, D. 1977. Canadian Foreign Policy and the Exploitation of the Seabed. *Canadian Foreign Policy and the Law of the Sea*. Ed. by B. Johnson, M. Zacher. – Vancouver: UBC Press, P. 1-51.

Byers, M. 2013. *International Law and the Arctic*. – Cambridge: Cambridge University Press, 314 p.

Graham, B. 2016. *The Call of the World: A Political Memoir*. Vancouver: UBC Press, 470 p.

Kazmin, Yu.B. 2010. On the issue of the outer boundary of the Russian continental shelf in the Arctic (In Russ.). *International Life*, No. 3, P. 12-35.

Maximova, D.D. 2017. Canada's Interests in the Arctic (In Russ.). *Canada at 150: The Main Trends*. Ed. by V.I. Sokolov. – Moscow: VES MIR, P. 280-302.

Riddell-Dixon, E. 2014. The Seven-Decade Quest to Maximize Canada's Continental Shelf. *International Journal*, No. 3, P. 422-443.

Riddell-Dixon, E. 2017. *Breaking the Ice: Canada, Sovereignty, and the Arctic Extended Continental Shelf*. – Toronto: Dundurn Press, 2017, 343 p.

Riddell-Dixon, E. 2020. Canada's Arctic Submission to the Commission on the Limits of the Continental Shelf. *Canada and the Maritime Arctic: Boundaries, Shelves, and Waters*. Ed. By W. Lackenbauer, S. Lalonde, E. Riddell-Dixon. NAADS. Available at: <https://www.naadsn.ca/wp-content/uploads/2020/03/CanadaMaritimeArctic-PWL-SL-ERD-2020.pdf> (accessed 18.05.2023)

Verhoef, J., Mosher, D., Forbes, S. 2011. Defining Canada's Extended Continental Shelves. *Geoscience Canada*, No. 2. P. 85-96.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВОЛОДИН Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом Канады Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

VOLODIN Dmitry Anatolievich, Candidate of Sciences (History), Leading Research Fellow, Head of the Department of Canadian Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 25.05.2023 / Received 25.05.2023.

Поступила после рецензирования 10.06.2023 / Revised 10.06.2023.

Статья принята к публикации 12.06.2023 / Accepted 12.06.2023.

УДК 329

DOI: 10.31857/S2686673023090055

EDN: KFZLFB

Значение промежуточных выборов в Конгресс США 2022 года для афроамериканского сообщества

Д.Н. Воробьев

*Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер. 2/3.

РИНЦ ID: 1040040 ORCID: 0000-0002-3585-620X e-mail: vorobjowdmitrij@gmail.com

Резюме: Статья посвящена исследованию фактора чернокожих избирателей и политиков на промежуточных выборах в Конгресс США 2022 г. и его значению для афроамериканского сообщества в целом. В работе рассматриваются основные причины, способствовавшие падению рейтинга Дж. Байдена среди чернокожего населения в первые два года его президентства, а также меры, предпринимаемые администрацией Белого дома для преодоления этой негативной тенденции. Затрагивается также тема усиления внимания Республиканской и Демократической партий к афроамериканскому электорату в ходе избирательной кампании 2022 г. Наконец, рассматриваются результаты прошедших выборов в Конгресс для афроамериканского сообщества, связанные с оценкой явки чернокожих избирателей, их электоральных предпочтений, а также итогами выступления кандидатов-афроамериканцев.

Ключевые слова: афроамериканцы, Дж. Байден, промежуточные выборы в Конгресс США 2022 года, Республиканская партия

Для цитирования: Воробьев Д.Н. Значение промежуточных выборов в Конгресс США 2022 года для афроамериканского сообщества. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (9): 61-73. DOI: 10.31857/S2686673023090055 EDN: KFZLFB

Significance of the 2022 United States Midterm Elections for the African American Community

Dmitry N. Vorobyev

*Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canada Studies
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3, Khleby per., Moscow, 121069 Russian Federation.

РИНЦ ID: 1040040 ORCID: 0000-0002-3585-620X e-mail: vorobjowdmitrij@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the study of the factor of black voters and politicians in the 2022 US midterm elections and their significance for the African American community as a whole. The paper examines the main reasons that contributed to the fall of Joe Biden's rating among the black population in the first two years of his presidency, as well as the measures taken by the White House administration to overcome this negative trend. The author of the article also touches on the topic of further strengthening the attention of the Republican and Democratic parties to the African American electorate during the 2022 election campaign. Finally, the study

examines the results of the past congressional elections for the African American community, related to the assessment of the turnout of black voters, their electoral preferences, as well as the results of the performance of African American candidates.

Keywords: African Americans, Joe Biden, 2022 US midterm elections, Republican Party

For citation: Vorobyev, D.N. Significance of the 2022 United States Midterm Elections for the African American Community. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2023; 53(9):61-73. DOI: 10.31857/S2686673023090055 EDN: KFZLFB

ВВЕДЕНИЕ

Афроамериканцы традиционно являются наиболее верным электоратом Демократической партии из всех расово-этнических групп США. Два срока первого чернокожего президента США Барака Обамы с 2008 по 2017 гг., казалось, окончательно зацементировал союз между демократами и афроамериканским сообществом. На президентских выборах 2008 и 2012 гг. Обама получил сумасшедшие 93-95% голосов афроамериканцев, при том, что их явка была практически равной показателю белых избирателей в 2008 г., а спустя 4 года и вовсе оказалась выше впервые в истории. Однако на промежуточных выборах в Конгресс США 2010 и 2014 гг. фактор чернокожего президента не позволял Демократической партии аккумулировать те же цифры. Явка афроамериканцев падала в сравнении с белыми избирателями на примерно 5%, а уровень их поддержки демократов составлял около 90% [1].

Несмотря на то, что на первый взгляд потеря нескольких процентов голосов чернокожих избирателей не должна всерьёз волновать руководство Демократической партии, на деле эта проблема оказалась большой головной болью для них. На президентских выборах 2016 г. кандидат демократов Хиллари Клинтон смогла получить только 88% голосов афроамериканцев, при общем падении явки чернокожих избирателей на примерно 7% в сравнении с предыдущими выборами 2012 г., в которых принимал участие Обама. Республиканец Дональд Трамп набрал лишь 8% голосов афроамериканцев, в то время как остальные 6% чернокожих избирателей предпочли не поддерживать ни одного из кандидатов от двух главных партий страны. Падение явки «чёрного» электората демократов имело серьёзное воздействие на результаты выборов в ряде колеблющихся штатов, как, например, в Мичигане, где Трамп обошёл Клинтон на десятые доли процента [3].

В то время как демократы столкнулись с трудностями в поддержании состояния очень высокой мобилизации своего афроамериканского электората, республиканцы прибегли к усилиям по изменению своего имиджа «партии белых американцев» в пользу более активной работы с «цветным» населением США. Как результат, если на промежуточных выборах в Конгресс США 2018 г. республиканцы взяли лишь 9% голосов афроамериканцев [16], то на президентских выборах 2020 г. за Трампа отдали свои голоса уже 12% чернокожих избирателей [17].

Промежуточные выборы 2022 г. должны были продемонстрировать сумеет ли Демократическая партия, ведомая президентом Дж. Байденом, преодолеть наметившийся негативный тренд в своих отношениях с афроамериканским сообще-

ством. В свою очередь, республиканцам предстояло доказать, что позитивная тенденция роста поддержки «Великой старой партии» чернокожими избирателями не является случайностью.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА С АФРОАМЕРИКАНСКИМ СООБЩЕСТВОМ В 2021–2022 гг.

Традиционно степень одобрения американцами деятельности администрации Белого дома серьёзно влияет на результаты выборов в Конгресс партии, к которой относится действующий президент. Дж. Байден, ещё будучи вице-президентом в администрации Обамы, имел высокие рейтинги среди афроамериканцев, получив на президентских выборах 2020 г. порядка 87% голосов чернокожих граждан [17]. Особые отношения демократов с афроамериканским сообществом были ярко подчёркнуты в ходе формирования новой администрации. В то время как чернокожее население США составляет около 13%, афроамериканцы получили 6 из 25 постов в кабинете Дж. Байдена, то есть почти четверть общего числа мест [1]. В результате афроамериканцы заняли ряд высоких должностей впервые в истории: генерал Ллойд Остин был назначен министром обороны, Сесилия Роуз – главой Совета экономических консультантов, Майкл Риган – главой Агентства по охране окружающей среды. Афроамериканцы также заняли пост министра жилищного строительства и городского развития, главы Административно-бюджетного управления и постоянного представителя США при ООН. Кроме того, в следствие победы Байдена на президентских выборах, пост вице-президента США заняла Камала Харрис, имеющая индийские и ямайские корни.

Администрация Дж. Байдена изначально получила кредит доверия от американского общества. Общий рейтинг одобрения нового президента составлял 57% в конце января 2021 г., по опросам Института Гэллапа, при этом изначальный уровень поддержки Байдена среди афроамериканцев и вовсе доходил до 80% [29]. Однако на фоне продолжающейся пандемии ковид-19, а также усиливающихся экономических проблем, рейтинг одобрения Байдена стал неуклонно падать, в том числе и среди чернокожего населения.

Первое заметное падение уровня поддержки президента среди афроамериканцев произошло после объявления Байденем 9 сентября 2021 г. плана о введении новых строгих мер в отношении вакцинации федеральных служащих, медицинских работников и сотрудников крупных компаний в попытке сдержать всплеск распространения штамма «Дельта» ковид-19. Согласно указанию президента все предприятия со 100 и более сотрудниками должны были следить за тем, чтобы их работники были вакцинированы, либо проходили тестирование минимум один раз в неделю [12]. Несмотря на то что американцы в большинстве своём поддержали инициативы администрации Байдена в борьбе с коронавирусом, сентябрьские опросы населения, проведённые аналитической компанией «Морнинг консалт» (*Morning Consult*), продемонстрировали, что по сравнению с августом 2021 г. поддержка Байдена среди чернокожих респондентов сократилась с 76% до 71%, а уровень неодобрения вырос с 17% до 24%. Опрос показал, что паде-

ние рейтинга президента среди афроамериканцев на 5% произошло за счёт непривитой части чернокожего населения. Среди представителей данной группы уровень неодобрения Байдена вырос за месяц на 11%, достигнув 38%. Общий уровень поддержки афроамериканцами действий администрации по борьбе с пандемией в результате упал на 6%, составив в сентябре 2021 г. 56% [33].

Помимо пандемии ковид-19, которая стала постепенно затихать в 2022 г., важнейшей проблемой для американской общественности оказалась непростая экономическая ситуация в стране, вызванная резким ростом инфляции в США. Анализ, проведённый Федеральным резервным банком Нью-Йорка на протяжении 2021–2022 гг., показал, что расово-этнические группы, проживающие в США, по-разному ощущают на себе рост стоимости жизни. Изучив потребительские расходы населения, исследование пришло к выводу, что латиноамериканцы и афроамериканцы испытывают более серьёзное воздействие от инфляции, так как представители данных расово-этнических групп статистически больше расходуют средств на транспорт, бензин, а также подержанные автомобили, цены на которые значительно выросли. Однако важно отметить, что различия в воздействии инфляции не являются существенными: если рост потребительских расходов белого населения в целом соответствовал официально заявленному властями уровню инфляции в стране, то расходы афроамериканцев превышали эти показатели в среднем на 0,2% [6].

Вместе с тем отмена карантинных мер позволила значительно улучшить ситуацию с восстановлением рабочих мест в США. После пикового уровня безработицы среди афроамериканцев выше 16% в начале пандемии весной 2020 г. [7], этот показатель стал неуклонно сокращаться. В апреле 2022 г. уровень безработицы среди чернокожего населения упал до 5,9%, что стало самым низким показателем за весь период пандемии, а также близким к рекордно низкому уровню в 5,4%, отмеченному в октябре 2019 года [27].

Опросы, проведённые новостным каналом Си-Би-эс ньюс (*CBS News*) в феврале 2022 г., свидетельствовали о противоречивой оценке, данной чернокожим населением экономическим достижениям администрации Байдена. Если в целом экономическую политику президента на фоне роста числа рабочих мест поддерживало 55% афроамериканцев, то положительную оценку работе Белого дома по сдерживанию инфляции дали только 43% чернокожих респондентов [13].

Трудности в преодолении последствий пандемии ковид-19 наряду с экономическими проблемами были не единственными причинами падения уровня поддержки администрации Байдена среди афроамериканского сообщества. За два года своего срока президент не сумел выполнить практически ни единого обещания, данного во время предвыборной кампании. Демократы не смогли добиться принятия законов о реструктуризации долгов по студенческим кредитам, о значительном расширении налоговых льгот для детей, а также о широком реформировании избирательных прав, ввиду противодействия Республиканской партии в Конгрессе США.

Половинчатыми оказались решения Белого дома по такому чувствительному для афроамериканского сообщества вопросу, как реформирование правоохрани-

тельных органов. В условиях, когда одним из самых главных лозунгов масштабных летних протестов 2020 года в США было требование радикальных изменений в функционировании полиции, фракция чернокожих конгрессменов из Демократической партии разработала к февралю 2021 г. так называемый закон «О справедливой охране правопорядка имени Джорджа Флойда» (*George Floyd Justice in Policing Act*). Законопроект включал в себя такие требования, как:

- ограничение передачи полицейским департаментам военной техники и оборудования, в том числе дронов, для наблюдения за протестующими;
- проведение тренингов для полицейских о недопустимости расового профайлинга и способах деэскалации конфликтных ситуаций;
- обязательное использование полицейскими нательных видеорекамер во всех штатах;
- создание единой базы полицейских, нарушающих гражданские права американцев;
- снятие с полицейских квалифицированного иммунитета в ряде случаев;
- запрет удушающих приёмов при задержании;
- запрет практики обысков без предупреждения [20].

Закон прошёл голосование в Палате представителей, где у демократов было необходимое большинство, но застопорился в Сенате, так как республиканцы требовали внести поправки в законопроект. Основное противоречие между партиями возникло вокруг предложения демократов лишить полицейских квалифицированного иммунитета, защищавшего сотрудников правопорядка от гражданской ответственности за неправомерные действия. По мнению Республиканской партии и правоохранительных органов, отмена квалифицированного иммунитета может привести к серьёзному повышению рисков для полицейских и, как следствие, большому дефициту кадров в этой профессии.

Опросы Института Гэллапа, проведённые с 24 апреля по 17 мая 2022 г., свидетельствовали о том, что афроамериканцы по-прежнему более критично относятся к правоохранительным органам, чем другие расово-этнические группы населения США. По сравнению с 44% белых и 54% латиноамериканцев 72% афроамериканцев высказались за необходимость радикального реформирования полиции. Кроме того, по сравнению с результатами опросов американцев, в целом чернокожие респонденты заявили о значительно большей поддержке таких инициатив, как лишение полицейских квалифицированного иммунитета (91% афроамериканцев против 81%) и запрет практики обысков без предупреждений (84% против 68%). Чуть более половины чернокожих респондентов сообщили о поддержке таких мер, как изъятие боевого оружия у полиции и ликвидация полицейских профсоюзов, что не пользуется одобрением большинства жителей США. Вместе с тем, на фоне роста преступности в стране лишь половина афроамериканцев по-прежнему выступили за перераспределение бюджетов полицейских управлений в пользу социальных программ, в то время как ещё летом 2020 г. эта инициатива пользовалась абсолютной поддержкой среди чернокожего населения. Важно отметить, что за практически двухлетний промежуток времени намечились определённые положительные сдвиги в отношении афроамериканцев к правоохранительным органам: о личном опыте взаимодействия с полицией

одобрительно высказались 68% чернокожих респондентов по сравнению с 59% в июне 2020 года [25].

В условиях, когда закон «О справедливой охране правопорядка имени Джорджа Флойда» так и не был принят, 25 мая 2022 г. Байден подписал исполнительный указ «О содействии эффективной, подотчётной полиции и усилении общественной безопасности» (*Executive Order to Advance Effective, Accountable Policing and Strengthen Public Safety*). Указ включал инициативы, предложенные ранее чернокожими конгрессменами: обязательное ношение нательных камер сотрудниками федеральных правоохранительных органов, а также создание базы данных о неправомерных действиях полицейских доступной для общественности [32]. Важно отметить, что на фоне продолжающегося роста преступности в США по сравнению с допандемийным временем [24], администрация Байдена отказалась поддерживать одиозные требования левого крыла Демократической партии по радикальному сокращению финансирования полиции. 21 июля 2022 г. глава Белого дома объявил о намерениях потратить 37 млрд долл. из бюджета 2023 г. на задачи уменьшения преступности с применением огнестрельного оружия в рамках разработанного «Плана более безопасной Америки» (*Safer America Plan*). Данная инициатива включала в себя такие задачи, как создание программы грантов на сумму 15 млрд для предоставления ресурсов городам и штатам для предотвращения преступности, инвестирование 5 млрд долл. в программы борьбы с насилием в обществе, а также приём на работу и обучение дополнительных 100 тыс. полицейских [19].

Администрация Байдена надеялась, что повысит рейтинг президента среди афроамериканского сообщества позволит выполнение предвыборного обещания, связанного с назначением первого чернокожего верховного судьи в истории страны. Президент официально предложил афроамериканку Кетанджи Браун Джексон на пост члена Верховного суда США 25 февраля 2022 г., а Сенат одобрил это выдвижение 7 апреля 2022 г. [14]. Браун Джексон официально вступила в должность 30 июня 2022 г. после того, как верховный судья Стивен Брайер, назначенный ещё в 1994 г. У. Клинтон, ушёл на пенсию.

В реальности, предпринимаемые администрацией Белого дома меры не смогли остановить дальнейшее падение поддержки президента среди чернокожего населения: в мае 2022 г. рейтинг Байдена среди афроамериканцев упал до 63%, рухнув в июле уже до 57%, согласно опросам Си-эн-эн [2]. Несмотря на то, что одобрение Байдена афроамериканцами по-прежнему было наибольшим среди всех расово-этнических групп, значительно превышая и общий уровень поддержки президента среди американцев в 38% [10], данная тенденция вызывала огромные опасения в среде руководителей Демократической партии на фоне приближавшихся промежуточных выборов в Конгресс США.

ПРЕДВЫБОРНАЯ БОРЬБА ЗА АФРОАМЕРИКАНСКИЙ ЭЛЕКТОРАТ

Демократическая и Республиканская партии серьёзно отнеслись к увеличению поддержки среди афроамериканского сообщества накануне промежуточных выборов в Конгресс 2022 г. Ярким показателем важности «цветного» электората для де-

мократов стал расово-этнический состав их кандидатов в конгрессмены: менее половины (48%) из них оказались белыми, в то время как афроамериканцы составили внушительные 25%, что фактически вдвое превысило их процент численности населения страны. При этом вследствие широкого представительства чернокожих демократов, латиноамериканцы составили лишь 11% кандидатов партии, несмотря что их численность общего населения США превышает 30% [22].

Более 50 афроамериканских общественных организаций также объединили свои усилия для мобилизации чернокожих избирателей в поддержку демократов в кампании «Единство 22». Наиболее заметными из них стали Национальная коалиция за гражданские права чернокожих, Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, Национальная городская лига и Движение чернокожих избирателей. Помимо проведения агитационных общественных мероприятий «Единство 22» также уделило внимание задаче помощи в регистрации чернокожих избирателей, чтобы постараться превзойти уровень явки афроамериканцев на предыдущих промежуточных выборах в Конгресс 2018 г., составивший 51,4% [23].

В то время как в работе с афроамериканским электоратом кандидаты от Демократической партии традиционно обещали бороться с любыми проявлениями расовых притеснений, расширить социально-экономическую поддержку со стороны властей, добиться облегчения выплат студенческих кредитов, одной из центральных тем кампании 2022 г. стала и борьба за возвращение всеобщего доступа женщин к аборту, что, по мнению демократов, обещало получить дополнительные голоса, в первую очередь чернокожих граждан. Опросы, проведённые Исследовательским центром Пью в мае 2021 г., показали, что афроамериканцы демонстрировали наибольшую поддержку права на аборт среди всех расово-этнических групп в 67%, значительно превышая этот показатель среди белых (57%) и латиноамериканцев (58%) [31]. По сравнению с другими расово-этническими группами афроамериканцы выражают наибольшие опасения, что появление детей может привести к экономическим трудностям семьи из-за отсутствия необходимых финансовых ресурсов для ухода за ребёнком.

Одной из главных задач Демократической партии к промежуточным выборам в Конгресс 2022 г. должно было стать формирование нового избирательного округа в штате Алабама с чернокожим большинством. Рассмотрение данного вопроса дошло до Верховного суда США, так как республиканские власти Алабамы отказывались править карту избирательных округов, не менявшуюся с 1992 г., когда по решению суда руководство штата пошло на формирование седьмого избирательного округа, где большинство населения составляли афроамериканцы. Демократы заявляли о том, что власти Алабамы стремились преуменьшить политическое влияние чернокожего населения, составляющего 27% населения региона, объединяя 55% афроамериканцев штата в один избирательный округ, в то время как остальные были фрагментированы. В свою очередь, власти штата отмечали, что афроамериканцы слишком рассредоточены по территории Алабамы, поэтому для создания второго избирательного округа с большинством чернокожих избирателей придётся прибегнуть к «картографической акробатике», что нарушит один из основных принципов перераспределения округов, связанный с компактностью [8]. В начале октября 2022 г. Верховный суд США решением шести

голосов против трёх встал на сторону штата Алабама, позволив республиканцам отстоять прежние границы избирательных округов в штате [9].

В то же время избирательная кампания 2022 г. продемонстрировала усиление внимания Республиканской партии к «цветным» избирателям, в особенности к афроамериканцам. Лидер меньшинства Палаты представителей Кевин Маккарти лично курировал задачу по расширению представительства женщин и расово-этнических меньшинств в рядах республиканцев в ходе новой избирательной кампании. Данная тактика стала важным элементом работы с афроамериканским сообществом, так как, согласно опросам общественного мнения, чернокожее население традиционно щепетильно относится к увеличению своего представительства в органах власти [5]. Как результат, на праймериз Республиканской партии приняли участие 81 афроамериканец, то есть 7% общего числа кандидатов, что стало рекордным показателем их представительства. Важно отметить, что в XXI веке в Конгрессе США было лишь 10 чернокожих членов в Палате представителей и 2 чёрных сенатора от республиканцев, при этом больше половины из них вступили в должность после 2010 г., что демонстрирует современный тренд в среде «Великой старой партии» к более широкому представительству афроамериканцев в её рядах [21].

Наибольшие шансы на избрание в Конгресс США традиционно имели афроамериканцы, которые ассоциировали себя с крупным движением внутри своей партии, в первую очередь с движением «Вернём Америке былое величие» Дональда Трампа. Подобные решения позволяют чернокожим республиканцам, таким как сенатор Тим Скотт из Южной Каролины, заручиться большей поддержкой среди белого населения. Так как наиболее сильные чернокожие кандидаты выставлялись Республиканской партией от избирательных округов с преимущественно белым населением, они практически не акцентировали внимание на проблемах межрасовых отношений, что не пользуется популярностью у белого электората «Великой старой партии», сосредоточив внимание на критике экономической политики администрации Байдена [30].

Опросы избирателей, проведённые практически за месяц до промежуточных выборов в Конгресс, демонстрировали дальнейшее падение поддержки Демократической партии среди афроамериканцев. Если опросы газеты «Вашингтон пост» совместно с компанией Эй-би-си-ньюз перед промежуточными выборами 2018 г. предрекали демократам 85% голосов чернокожих избирателей и лишь 9% республиканцам, то согласно исследованию, проведённому с 18 по 21 сентября 2022 г., демократы безусловно могли рассчитывать лишь на 74% голосов афроамериканцев, в то время как 12% чернокожих респондентов заявляли о поддержке республиканцев, а ещё 14% – о том, что не определились с выбором [15]. Мобилизация неопределившихся с выбором афроамериканцев была в первую очередь важной для Демократической партии, так как нежелание представителей данной категории избирателей прийти на выборы также играло на руку республиканцам.

ИТОГИ ГОЛОСОВАНИЯ ДЛЯ ЧЕРНОКОЖИХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ И ПОЛИТИКОВ

Промежуточные выборы 2022 г. показали, что явка чернокожих избирателей продолжает падать. В некоторых штатах она стала самой низкой со времён выборов 2006 г., которые предшествовали избранию Обамы в 2008 г. Например, в Джорджии, Луизиане и Северной Каролине явка афроамериканцев оказалась на 26% ниже по сравнению с белыми избирателями, хотя ещё на выборах 2020 г. эта разница составляла 15%, а в 2018 г. – 13%. В таких городах, как Филадельфия, Детройт и Милуоки, где на афроамериканцев приходится самая высокая доля населения из всех расово-этнических групп, явка жителей на выборах 2022 г. упала на 10–12% по сравнению с предыдущими промежуточными выборами 2018 года [11].

Падение явки чернокожих избирателей безусловно сказалось на результатах Демократической партии. Согласно данным экзит-поллов телеканала Си-эн-эн, на промежуточных выборах 2018 г. демократы получили 90% голосов афроамериканцев [16], а в 2022 г. уровень поддержки кандидатов Демократической партии чёрными избирателями сократился до 86%. В 2018 г. 92% чернокожих женщин и 88% чернокожих мужчин отдали свои голоса демократам, а спустя четыре года этот показатель упал до 88% чернокожих женщин и 82% чернокожих мужчин [18].

Республиканская партия, наоборот, сумела улучшить свои результаты. В то время как на выборах 2018 г. республиканцы получили только 9% голосов афроамериканцев (12% мужчин и только 8% женщин), по данным экзит-поллов Си-эн-эн [17], то на прошедших выборах 2022 г. кандидаты Республиканской партии сумели заручиться поддержкой 13% чёрных избирателей (17% мужчин и 10% женщин) [18]. Согласно данным информационного агентства «Ассошиэйтед пресс», успех республиканцев был более примечательным: в 2018 г. они получили только 7% голосов афроамериканцев, а спустя четыре года кандидатов «Великой старой партии» поддержали 14% чернокожих избирателей [4].

По результатам выборов 2022 г. 118-й Конгресс США получил самое широкое представительство расово-этнических меньшинств в истории страны в виде 133 федеральных законодателей (28% членов Палаты представителей и 13% сенаторов). Чернокожие законодатели традиционно составили вторую по численности расово-этническую группу в Конгрессе после белых: по сравнению с предыдущим 117-м Конгрессом США они увеличили свою численность на одного законодателя, до 63 человек. В этот состав вошли 60 членов Палаты представителей, то есть около 13% её общей численности, что примерно соответствует доле чернокожего населения США. В то же время в Сенате оказалось лишь три афроамериканцев, причём все мужчины. На чернокожих демократов приходится два сенатора и 56 членов Палаты представителей, включая 27 женщин [26]. Лидером меньшинства в Палате представителей был впервые в истории назначен афроамериканец – им стал демократ из штата Нью-Йорк Хаким Джеффрис.

Результаты выборов 2022 г. стали в какой-то степени историческими для Республиканской партии. Несмотря на то что в итоге в Конгресс избралась только пять чернокожих республиканцев (все мужчины: четыре члена Палаты предста-

вителей и один сенатор), подобного результата «Великая старая партия» не видела со времён 1870-х годов. Как следствие, афроамериканцы сенатор Тим Скотт из Южной Каролины, члены Палаты представителей Берджесс Оуэнс из Юты, Байрон Дональдс из Флориды, а также впервые избранные Джон Джеймс из Мичигана и Уэсли Хант из Техаса составили наибольшую группу одновременно заседающих чернокожих республиканцев со времён периода Реконструкции Юга, когда афроамериканцы играли заметную роль в «Партии Линкольна» [28].

Таким образом, если демократы продолжают испытывать планомерное падение поддержки среди афроамериканцев после окончания президентства Обамы, то Республиканская партия медленно, но верно, процент за процентом, отвоёвывает у своих оппонентов позиции среди чернокожего населения в последние электоральные циклы. Это обстоятельство является серьёзной проблемой для Демократической партии в преддверии президентских выборов 2024 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Избранный в 2020 г. президент США Дж. Байден и его команда изначально получили большой кредит доверия со стороны американского сообщества. Однако за два года президентства рейтинг главы Белого дома подвергся серьёзному падению, в том числе и среди чернокожего населения. Причины заключались в новых антиковидных мерах, неспособности команды Байдена реализовать предвыборные обещания, например, провести масштабную реформу правоохранительных органов, но и в первую очередь в трудностях администрации Белого дома в борьбе с высокой инфляцией. Продолжавшееся падение рейтинга президента сказалось и на уровне поддержки Демократической партии в условиях приближавшихся промежуточных выборов 2022 года.

В ходе работы с чернокожим населением избирательная кампания демократов делала особый акцент на задаче отмены ограничений абортов, так как эти меры оказались в особенности непопулярными среди афроамериканцев. При этом надежды демократов на создание перед выборами 2022 г. нового избирательного округа в Алабаме, где численно доминировало бы чернокожее население, окончились неудачей. В свою очередь, республиканцы продолжили делать ставку на усилении позиций представителей расово-этнических меньшинств в своих рядах. Как следствие, в праймериз республиканцев 2022 г. приняло участие рекордное количество афроамериканцев в истории «Великой старой партии».

Результаты выборов в Конгресс США 2022 г. ознаменовались дальнейшим снижением явки чернокожих избирателей, начавшимся с президентских выборов 2016 г., в которых уже не принимал участие Барак Обама. Снижение явки на фоне невысоких рейтингов президента Байдена способствовало ухудшению результатов демократов среди афроамериканского электората по сравнению с предыдущими промежуточными выборами 2018 г. Несмотря на то что республиканцы по-прежнему не могут на равных конкурировать с демократами за голоса афроамериканцев, «Великая старая партия» заметно увеличила свою поддержку среди чернокожих избирателей по сравнению с выборами 2018 г., получив 13–14% их голосов.

118-й Конгресс, избранный в итоге выборов 2022 г., также ознаменовался рядом исторических достижений для афроамериканского сообщества, включая избрание наибольшего числа чернокожих конгрессменов в истории и чернокожих республиканцев со времён Реконструкции Юга 1865–1877 гг., а также назначение первого чернокожего американца лидером меньшинства в Палате представителей.

ИСТОЧНИКИ

1. 100-Day Report on Black Appointments in Biden Administration. *Joint Center for Political and Economic Studies*. April 28, 2021. Available at: <https://jointcenter.org/100-day-report-on-black-appointments-in-biden-administration/> (accessed 10.09.2022).
2. Agiesta, J. CNN Poll: Most Americans are discontented with Biden, the economy and the state of the country. *CNN*. July 18, 2022. Available at: <https://edition.cnn.com/2022/07/18/politics/cnn-poll-joe-biden-economy-us/index.html> (accessed 17.10.2022).
3. Agiesta, J., Luhby, T. Exit polls: Clinton fails to energize African-Americans, Latinos and the young. *CNN*. November 9, 2016. Available at: <https://edition.cnn.com/2016/11/08/politics/first-exit-polls-2016/index.html> (accessed 05.03.2022).
4. Alexander, A., Fields, G. Black Support for GOP Ticked up in this Year's Midterms. *Associated Press News*. 31 December, 2022. Available at: <https://apnews.com/article/2022-midterm-elections-brian-p-kemp-stacey-abrams-politics-us-democratic-party-53d31c9c8a87231d00784b6effa8d59e> (accessed 04.02.2023).
5. Anderson, M., Horowitz, J.M., Parker K. Amid Protests, Majorities Across Racial and Ethnic Groups Express Support for the Black Lives Matter Movement. *Pew Research Center*. June 12, 2020. Available at: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/06/12/amid-protests-majorities-across-racial-and-ethnic-groups-express-support-for-the-black-lives-matter-movement/#public-sees-working-with-black-people-in-their-local-communities-as-more-effective-than-protests-and-other-tactics-for-achieving-equality> (accessed 05.04.2022).
6. Avtar, R., Chakrabarti, R., Pinkovskiy M. Was the 2021-22 Rise in Inflation Equitable? *Liberty Street Economics*. June 30, 2022. Available at: <https://libertystreeteconomics.newyorkfed.org/2022/06/was-the-2021-22-rise-in-inflation-equitable/> (accessed 17.01.2023).
7. Budiman, A., Lopez, M.H., Rainie, L. Financial and health impacts of COVID-19 vary widely by race and ethnicity. *Pew Research Center*. May 5, 2020. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/05/05/financial-and-health-impacts-of-covid-19-vary-widely-by-race-and-ethnicity/> (accessed 20.09.2021).
8. Chandler, K., Fields, G., Sherman, M. Black Representation in Alabama Tested Before Supreme Court. *Associated Press News*. October 3, 2022. Available at: <https://apnews.com/article/voting-rights-2022-midterm-elections-us-supreme-court-health-951245afb2827282e9c340417ca02375> (accessed 31.10.2022).
9. Chung, A., Raymond, N. U.S. Supreme Court Leans Toward Alabama in Voting Rights Fight. *Reuters*. October 7, 2022. Available at: <https://www.reuters.com/legal/us-supreme-court-poised-hear-alabama-voting-rights-fight-2022-10-04/> (accessed 31.10.2022).
10. CNN Poll: Biden approval rating. July 18, 2022. Available at: <https://www.documentcloud.org/documents/22088874-cnn-poll-biden-approval-rating> (accessed 12.10.2022).

11. Cohn, N. Black Turnout in Midterms Was One of the Low Points for Democrats. *The New York Times*. November 30, 2022. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/11/30/upshot/midterms-election-black-turnout.html> (accessed 21.02.2023).
12. Collins, K., Liptak, K. Biden Announces New Vaccine Mandates That Could Cover 100 million Americans. *CNN*. September 9, 2021. Available at: <https://edition.cnn.com/2021/09/09/politics/joe-biden-covid-speech/index.html> (accessed 03.08.2022).
13. De Pinto, J., Salvanto, A. Black Americans Approve of Biden, but not on Inflation — CBS News poll. *CBS News*. February 20, 2022. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/biden-inflation-black-americans-opinion-poll-02-20-2022/> (accessed 16.09.2022).
14. DeBonis, M., Kim, S.M. Senate Confirms Jackson as first Black Woman on Supreme Court. *The Washington Post*. April 7, 2022. Available at: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/04/07/jackson-confirmation-vote-senate/> (accessed 28.09.2022).
15. Enten, H. Democrats are Lagging among Black Voters, and that Could Cost Them in November. *CNN*. October 2, 2022. Available at: <https://edition.cnn.com/2022/10/02/politics/democrats-black-voters-midterm-elections/index.html> (accessed 21.12.2022).
16. Exit Polls 2018. *CNN*. Available at: <https://edition.cnn.com/election/2018/exit-polls> (accessed 13.12.2021)
17. Exit Polls 2020. *NBC News*. Available at: <https://www.nbcnews.com/politics/2020-elections/exit-polls> (accessed 14.12.2021).
18. Exit Polls 2022. *CNN*. Available at: <https://edition.cnn.com/election/2022/exit-polls/national-results/house/0> (accessed 14.02.2023).
19. Fossum, S. Biden to Unveil Administration's Plan to Spend \$37 billion to Reduce Gun Crime. *CNN*. July 21, 2022. Available at: <https://edition.cnn.com/2022/07/21/politics/biden-safer-america-plan-reduce-gun-crime/index.html> (accessed 23.09.2022).
20. Greve, J.E. What is the George Floyd Justice in Policing Act and is it Likely to Pass? *The Guardian*. February 6, 2023. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/feb/06/george-floyd-justice-in-policing-act-explainer-tyre-nichols> (accessed 02.03.2022).
21. Johnson, T.R. Will 2022 Be the Year of the Black Republican? *The Bulwark*. 14 April, 2022. Available at: <https://www.thebulwark.com/will-2022-be-the-year-of-the-black-republican/> (accessed 23.09.2022).
22. Kamarck, E. Lessons from the 2022 Primaries – What do They Tell us about America's Political Parties and the Midterm Elections? Part I – Who Runs? *Brookings*. September 7, 2022. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/fixgov/2022/09/07/lessons-from-the-2022-primaries-what-do-they-tell-us-about-americas-political-parties-and-the-midterm-elections-part-i-who-runs/> (accessed 29.01.2023).
23. Killion, N. Coalition Kicks off Campaign to Engage Black Voters Ahead of Midterms. *CBS News*. July 25, 2022. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/2022-midterm-elections-black-voters-coalition-campaign/> (accessed 15.11.2022).
24. Levin, S. 'It Never Stops': Killings by US Police Reach Record High in 2022. *The Guardian*. January 6, 2023. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/jan/06/us-police-killings-record-number-2022> (accessed 07.02.2022).

25. McCarthy, J. Americans Remain Steadfast on Policing Reform Needs in 2022. *Gallup*. May 27, 2022. Available at: <https://news.gallup.com/poll/393119/americans-remain-steadfast-policing-reform-needs-2022.aspx> (accessed 07.02.2023).

26. Membership of the 118th Congress: A Profile. *Congressional Research Review*. March 13, 2023. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47470> (accessed 22.03.2023).

27. Miao, H. Black unemployment rate falls to pandemic-era low in April. *CNBC*. May 6, 2022. Available at: <https://www.cnn.com/2022/05/06/black-unemployment-rate-falls-to-pandemic-era-low-in-april.html> (accessed 10.09.2022).

28. Pickett, K. Historic Gains for GOP Following Election of Black Candidates. *The Washington Times*. November 9, 2022. Available at: <https://www.washington-times.com/news/2022/nov/9/black-republicans-elected-historic-numbers/> (accessed 03.02.2023).

29. Presidential Approval Ratings – Joe Biden. *Gallup*. Available at: <https://news.gallup.com/poll/329384/presidential-approval-ratings-joe-biden.aspx> (accessed 01.30.2023).

30. Samuels, A. A Record Number of Black Republicans Could Be Headed to Congress. *FiveThirtyEight*. July 28, 2022. Available at: <https://fivethirtyeight.com/features/will-black-republicans-make-a-comeback-in-congress/> (accessed 24.12.2022).

31. Views on abortion by race and ethnicity. *Pew Research Center*. May 6, 2021. Available at: <https://www.pewresearch.org/religion/chart/views-on-abortion-by-race-and-ethnicity/> (accessed 03.11.2022).

32. Visser, M. Biden Orders Police Reforms Two Years After Floyd killing. *The Washington Post*. May 25, 2022. Available at: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/05/25/biden-police-reforms-floyd/> (accessed 16.09.2022).

33. Yokley, E. Biden Is Less Popular with Black Voters After Vaccine Mandate Rollout. *Morning Consult*. September 22, 2021. Available at: <https://morningconsult.com/2021/09/22/biden-black-voters-vaccine-mandate-polling/> (accessed 11.09.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВОРОБЬЁВ Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела внутриполитических исследований Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Dmitry N. VOROBYEV, Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow, Department of Internal Political Studies, Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canada Studies Russian Academy of Sciences.
2/3, Khlebny per., Moscow, 121069 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 6.06.2023 / Received 6.07.2023.

Поступила после рецензирования 16.06.2023 / Revised 10.06.2023.

Статья принята к публикации 12.07.2023 / Accepted 12.06.2023.

УДК 329

DOI: 10.31857/S2686673023090067

EDN: KGBJBA

Тенденции испаноязычных избирателей: сдвиг в сторону Республиканской партии?

М.А. Черных

*Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер.2/3.,

ResearcherID Web of Science: IUQ-0941-2023

РИНЦ ID: 1108006

ORCID: 0000-0002-5702-6178

e-mail: marinachernykh59@gmail.com

Резюме. В статье проведён сравнительный анализ показателей уровня поддержки демократов и республиканцев испаноязычными избирателями в ходе выборов 2016, 2018, 2020 и 2022 г. Выявлены современные тенденции их электората, которые выражаются в отдалении от первых и сдвиге в сторону вторых, что бросает вызов традиционной расстановке сил в политической системе. Установлено, что данный феномен не является новым явлением в США. Идентифицированы причины, изучен характер изменений и представлены прогнозы относительно долгосрочной перспективы. Кроме того, дана оценка феномену «красная волна», который предсказывали многие эксперты в отношении латиноамериканских избирателей накануне выборов 2022 года.

Ключевые слова: испаноязычные избиратели, президентские выборы 2016 и 2020 гг., промежуточные выборы 2018 и 2022 г., Демократическая партия, Республиканская партия, Дж. Байден, Д. Трамп, консерваторы

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Черных М.А. Тенденции испаноязычных избирателей: сдвиг в сторону Республикой партии? // *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53(9): 74-86. DOI: 10.31857/S2686673023090067 EDN: KGBJBA

Trends of Hispanic Voters: a Shift towards the Republican Party?

Marina A. Chernykh

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

ResearcherID Web of Science: IUQ-0941-2023

РИНЦ ID: 1108006

ORCID: 0000-0002-5702-6178

e-mail: marinachernykh59@gmail.com

Abstract: The article provides a comparative analysis of the Hispanic support of the Democrats and Republicans during the 2016, 2018, 2020, and 2022 elections. The article reveals modern trends in the Hispanic electorate which consist in distancing from the first party and shifting

toward the second one, which challenges the traditional balance of power in the political system. It has been established that this phenomenon is not new to the United States. The article identifies the reasons, examines the nature of the changes, and provides forecasts for the long term. Furthermore, the article evaluates the "red wave" phenomenon that many experts had predicted in relation to Hispanic voters on the eve of the 2022 elections.

Keywords: Hispanic voters, 2016 and 2020 presidential elections, 2018 and 2022 midterm elections, Democratic Party, Republican Party, J. Biden, D. Trump, conservatives

Acknowledgment: The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

For citation: Chernykh M.A. Trends of Hispanic Voters: a Shift toward the Republican Party? *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2023; 53(9):74-86. DOI: 10.31857/S2686673023090067 EDN: KGBJBA

ВВЕДЕНИЕ

В первой четверти XXI века испаноязычный электорат стал мощной политической силой, которая значительно влияет на исходы электоральных циклов. Ранее они считались надёжной электоральной базой Демократической партии США, однако их политические предпочтения начали подвергаться трансформациям, которые ярко проявляются в последние электоральные циклы. Это вносит дисбаланс в традиционную расстановку политических сил США и бросает вызов демократам, которым необходима широкая поддержка испаноязычных избирателей для победы. В ноябре 2022 г. в США состоялись промежуточные выборы. В данной статье автору предстоит ответить на следующие вопросы. Во-первых, подтвердилась ли тенденция отдаления испаноязычных избирателей от Демократической партии и рост их поддержки Республиканской партии? Во-вторых, является этот тренд новым или же представляет собой возврат к тенденциям начала XXI века? В-третьих, каковы же внутренние и внешние причины данных изменений? Наконец, в-четвёртых, имеют они долговременный характер и несут качественные перемены в политической жизни США или же это кратковременный период?

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫБОРЫ 2022 г.

В 2016 г. Хиллари Клинтон, кандидат от Демократической партии, получила 66% голосов латиноамериканцев, а Дональд Трамп, кандидат от Республиканской, – 28%, то есть преимущество первой партии составило 38%. В 2018 г. демократы получили 69%, укрепив свои позиции на 3%, а республиканцы – 29%, на 1%. Данные за 2020 г. разнятся. Некоторые источники указывают, что за Джозефа Байдена проголосовали 59% латиноамериканцев, а за Д. Трампа – 38% [2]. В таком случае преимущество составило 21%. Другие пишут, что последний набрал 35%

их голосов, тогда показатель насчитывает 24% [Ronald Brownstein, 2022]. Результаты выборов 2022 г. также отличаются в зависимости от ресурса. Одни сообщают, что демократы получили 56% или 60%, а республиканцы – 40% или 39%, то есть перевес первых варьируется от максимально низких 16% до 21% [3]. Некоторые не уточняют цифры, но сообщают, что с 2018 по 2022 г. уровень поддержки республиканцев латиноамериканскими избирателями вырос на 10% [4]. То есть от 29% в 2018 г. до 39% в 2022 г. Это подтверждают данные других ресурсов. Ещё одни указывают на 64% и 33% соответственно [5]. В этом случае преимущество первых составило 31%.

Таблица 1

Уровень поддержки кандидатов от Демократической и Республиканской партий испаноязычными избирателями в ходе электоральных циклов (%)

Год	Кандидаты от Демократической партии	Средний показатель	Кандидаты от Республиканской партии	Средний показатель	Преимущество демократов
2016	66	66	28	28	38
2018	69	69	29	29	40
2020	59 / 66	62,5	32 / 35 / 38	35	27,5
2022	56 / 60 / 64	60	33 / 39 / 40	37,3	22,7

[Черных М.А. 2021]; [1].

Были выведены средние показатели уровня поддержки демократов и республиканцев в 2020 и 2022 г. В первый год он равнялся 62,5% и 35%, а во второй – 60% и 37,3%. То есть с 2016 по 2022 г. популярность Демократической партии среди электората сократилась на 6%, а у Республиканской – выросла на 9,3%. По гендерному критерию разница более существенная. Только с 2018 по 2022 г. поддержка кандидатов от первой партии испаноязычными мужчинами сократилась на 21% [6]. Также был выявлен средний перевес первых. В 2020 г. он насчитывал 27,5%, а в 2022 г. – 22,7%. То есть в этот период показатель сократился на 15,3%, а с 2018 по 2022 г. – на 17,3%.

Подавляющее большинство по-прежнему голосуют за демократов, однако разрыв сужается. С 2016 по 2022 г. среди латиноамериканского электората был зафиксирован рост популярности Республиканской партии; для её кандидата увеличение поддержки испаноязычных даже на несколько процентных пунктов повышает его шансы на победу. В зависимости от показателей уровня поддержки, которые представлены в таблице 1 и разнятся за 2020 и 2022 г., в период с 2016 по 2022 г. первая партия потеряла от 2% до 10% их голосов, а вторая набрала от 5% до 12%. Очевидно, что за шесть лет демократы лишились опоры части испаноязычного электората (убрала слово «поддержка», так как в этом параграфе оно фигурирует два раза), особенно среди мужчин, а республиканцы укрепили свои позиции.

Является данный феномен новым явлением в политической жизни США или представляет собой возврат к тенденциям прошлых лет? Если проводить компаративный анализ электоральных циклов 2016–2022 гг., то ослабление позиции демократов и усиление республиканцев среди избирателей, безусловно, являются большими изменениями. Однако подобный уровень поддержки был зафиксирован и ранее. В 2000 г. Джордж Буш-младший получил 35% голосов испаноязычных американцев, а спустя 4 года – 40% [Черных, М.А., 2021]. Более того, по некоторым данным показатель достиг 44% [David L. Leal, Matt A. Barreto, Jongho Lee and Rodolfo O. de la Garza, 2005]. В 2010 г. республиканцы получили 38%, а в 2014 г. – 36% [7]. То есть уровень поддержки латиноамериканцами в 2020 и 2022 г. не превышает показателей прошлых лет, а значит не является новым явлением в жизни США.

Стоит, однако, отменить явку на выборы испаноязычных избирателей. В ходе промежуточных выборов вплоть до 2014 г. она была на очень низком уровне. Так, в 2006 г. проголосовали 32,1%, в 2010 г. – 31,2%, а в 2014 г. – 27%, во всех случаях меньше трети, в 2018 г. она достигла 40,4%, а в 2022 г. немного снизилась до 37,9%, что является относительно высоким показателем для латиноамериканского электората в ходе промежуточных циклов первой четверти XXI в. [William Frey, 2023]. На президентских выборах, как правило, голосуют больше избирателей. В 2000 и 2004 г. приняли участие 45% и 47% латиноамериканцев [8]. В 2008 г. – половина, в 2012 и 2016 г. – по 48%, а в 2020 г. явка впервые в истории США превысила больше половины – 54% [9]. Другими словами, если рассматривать итоги промежуточных выборов, то с 2018 г. явка латиноамериканцев значительно возросла. Что касается президентских циклов, то она изначально была выше, однако рекордный показатель был зафиксирован в 2020 г. Важно отметить, что повышение политической активности электората сопровождается усилением поддержки Республиканской партии. Такая закономерность бросает вызов прогнозам экспертов, которые были отражены в книге «Зарождающееся демократическое большинство», опубликованной в 2002 г. В ней авторы писали о том, что в XXI веке демократы станут партией большинства, отчасти за счёт увеличения доли расово-этнических меньшинств, в частности испаноязычной группы.

Перед промежуточными выборами 2022 г. многие эксперты писали о возможной «красной волне» (*red wave*), при которой кандидаты от Республиканской партии одержали бы решающую победу, в том числе благодаря росту доли латиноамериканцев, поддерживающих их партию, однако этого не случилось [William H. Frey, 2023]. Хотя им удалось занять большинство в Палате представителей, выиграв с небольшим перевесом, Сенат остался под контролем демократов. О так называемой «красной волне» также говорили, ссылаясь на испаноязычных американцев, проживающих в Техасе, в частности в граничащем с Мексикой Южном Техасе. В 2020 г. в 18 округах штата, где испаноязычное население составляет 80%, Д. Трамп получил на 10% голосов больше, чем в 2016 г. [10]. Ярким примером стал округ Старр, Южный Техас, 96% населения которого представляет латиноамериканская группа. В 2020 г. в этом округе Д. Трамп получил на 55% голосов больше, чем в

2016 г., что стало самым большим смещением латиноамериканцев в сторону Республиканской партии по всей стране [10]. Однако в 2022 г. «красной волны» там не случилось. Таких радикальных изменений произойти и не могло. Если этот сдвиг носит долговременный характер, то на его развитие и усиление, что могло бы привести к эффекту «красной волны», могут уйти годы. Если рассматривать выборы последних лет, то дрейф в сторону республиканцев однозначно имеет место быть, однако он характеризуется невысокими темпами.

ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ СДВИГА

Изменения политических предпочтений латиноамериканских избирателей в первой половине XXI века вызваны комплексом факторов. Во-первых, высоким уровнем ассимиляции в американском обществе и желанием быть непосредственной частью доминирующей культуры. Опираясь на данный фактор, смещение является скорее проявлением или следствием этих процессов. Расширение их диаспоры происходит по большей части за счёт естественного прироста, а не иммиграции. С 2000 по 2019 г. доля испаноязычных американцев, родившихся в США, увеличилась с 59,9% до 67,3%, в то время как доля тех, кто родился вне США и в дальнейшем переехал в страну, достигла пика в 40% в 2000 г. и с тех пор сокращается [11]. Те, кто родились и выросли в США, формируют свои политические взгляды, ценностные ориентиры, которые могут отличаться от видения латиноамериканских иммигрантов, переехавших в страну, будучи подростками и взрослыми.

Кроме того, в их общине происходит религиозный сдвиг в сторону протестантизма. Большинство исповедуют католицизм (40%), преобладающую религию в Латинской Америке, многие считают себя нерелигиозными (32%) и относительно небольшая часть придерживается протестантизма (14%) [12]. Католики более склонны поддерживать Демократическую партию, а протестанты – Республиканскую. В США растёт число вторых, в том числе евангелистов, и ожидается, что к 2030 г. их доля увеличится в 2 раза [Story Hinckley, 2022]. Отчасти это объясняется ростом доли тех, кто родился и вырос в США, а не переехал в страну. Многие разделяют ценности протестантизма, в частности индивидуальные отношения с Богом, веру в собственные силы, трудолюбие и концепцию того, что человек – творец своего счастья. Этот религиозный сдвиг может привести к тому, что больше латиноамериканцев будут поддерживать республиканцев. Примечателен тот факт, что в Долине Рио-Гранде, расположенной в Южном Техасе, проживает самая большая доля испаноязычных протестантов в стране, именно там в 2020 г. произошло крупнейшее смещение их группы в сторону Республиканской партии [Story Hinckley, 2022].

В-третьих, ценностными ориентирами испаноязычных американцев. Их партийные предпочтения трансформируются в зависимости от того, считают ли они себя либералами, умеренными или консерваторами. Согласно данным, представленным в таблице 2 в их общине больше консерваторов, которые склонны под-

держивать республиканцев, чем либералов, которые, как правило, голосуют за демократов. Самую большую группу составляют умеренные, что говорит о том, что многие занимают нейтральную позицию и потенциально могут склоняться к либеральной или консервативной группе в будущем.

Таблица 2

Вы придерживаетесь либеральных, умеренных или консервативных взглядов в политическом плане? (%)

Твёрдо придерживаюсь либеральных взглядов	10	25
В некоторой степени либеральных	15	
Умеренных	38	38
В некоторой степени консервативных	16	29
Твёрдо придерживаюсь консервативных взглядов	13	

[13].

В период 2012–2022 гг. доля либеральных избирателей, которые желают, чтобы демократы имели большинство в Конгрессе, усилилась, а среди умеренных – снизилась [14]. Среди консерваторов произошли самые большие изменения. В 2012 г. 49% заявили, что будут голосовать за кандидатов от Демократической партии и 40% – от Республиканской, то есть, у первых было преимущество в 9%, то в 2022 г. 73% выразили надежду на то, что Конгресс будет под контролем республиканцев и лишь 17% – демократов [14]. Если ещё 10 лет назад они поддерживали первую партию, то сегодня они представляют электоральную базу второй. Такое смещение свидетельствует о том, что они верят, что республиканцы лучше отражают их ценности.

Бывший президент США Р. Рейган сказал так: «Они – республиканцы, которые просто ещё этого не знают» [15]. Он верил, что они от природы консерваторы. Они не рождаются со своей партийной принадлежностью, а формируют её. На этот процесс оказывают влияние многие факторы - от страны их рождения или страны происхождения их предков, географического расположения в США, уровня образования и доходов до использования испанского языка дома, религии и степени религиозности. Многие латиноамериканцы всё же поддерживают семейные ценности. К тому же они являются самыми религиозными по сравнению с другими крупными расово-этническими группами. Можно предположить, что доля испаноязычных консерваторов будет расти в будущем, что может способствовать сдвигу их общины в сторону республиканцев.

ВНЕШНИЕ ПРИЧИНЫ СДВИГА

Переходя к внешним причинам, стоит отметить следующее. Во-первых, отдаление Демократической партии от среднего рабочего класса, что непосредственно затрагивает латиноамериканцев. Большинство из них не имеют диплома

бакалавра. Лишь 19% получили высшее образование, в то время как среди афроамериканцев показатель насчитывал 29%, белых – 49% и американцев азиатских корней – свыше 50% [Супян В.Б., 2018]. Дистанцирование партии связано с политикой её членов. Они сосредотачиваются на таких сферах, которые являются весьма далекими от простых трудящихся, в частности изменение климата, защита демократических ценностей, продвижение прав ЛГБТ и трансгендеров. В качестве примеров можно привести Андре Диккенса, мэра Атланты, Джорджия и Тишауру Джонс, мэра Сент-Луиса, Миссури. Первый работает над тем, чтобы сделать Атланту столицей ЛГБТ+ и приоритизировать их потребности, а вторая объявила о планах превратить Сент-Луис в убежище для представителей этого сообщества. Также эксперты считают, что демократы должны перестать уделять столь важное значение расовым и гендерным аспектам [16]. Вышеперечисленное отталкивает рабочую Америку, одну из ключевых групп которой составляют испаноязычные. Данная тенденция прослеживается во многих расово-этнических группах. Среди белых американцев, не имеющих высшее образование, преимущество республиканцев увеличилось на 10% в период с 2018 по 2022 г., а среди небелых избирателей без высшего образования отрыв демократов сократился на 17% за тот же период [17].

Во-вторых, позицию партии по ключевым проблемам, которые выделяют латиноамериканские избиратели. Они обеспокоены насущными проблемами, прежде всего экономической ситуацией. Члены партии, в свою очередь, не уделяют первоочередное значение этому вопросу, который на протяжении многих лет является важнейшим для них, и напрямую влияет на то, за кого они голосуют. Республиканская партия, наоборот, приоритизирует эту отрасль. В период президентства Д. Трампа их положение значительно улучшилось. В 2016 г. средний уровень дохода испаноязычных домохозяйств составлял почти 54 000 долл. в год, в 2017-2018 гг. – более 55 500 долл., а в 2019 г. – почти 59 500 долл. [18]. Рост экономического благосостояния отчасти объясняет, почему за четыре года его администрации уровень поддержки среди их электората вырос. Однако стоит отметить, что в момент прихода Д. Трампа экономическое положение в стране было благоприятным как результат работы предыдущей администрации Барака Обамы, в отличие от времени, когда президентом стал Дж. Байден. В период коронавирусной пандемии испаноязычные оказались одной из самых уязвимых расово-этнических групп. Далее последовал глубокий экономический кризис, рост инфляции и стоимости жизни. В какой-то момент уровень безработицы среди латиноамериканской группы был почти в 3 раза выше, чем средний по стране [5].

Опросы перед промежуточными выборами 2022 г. показали, что первостепенной проблемой для большинства латиноамериканцев (80%) была экономическая ситуация [Черных М.А., 2022]. Примерно 70% опрошенных заявили, что ключевыми являются проблемы доступности и качества услуг здравоохранения и образования, преступления с применением огнестрельного оружия, 57% – право на аборт, 54% – иммиграционную политику и на последнем месте оказалась пандемия коронавирусной инфекции (ковид-19) – лишь 39% респондентов отметили её

как приоритетную. Тем не менее, накануне выборов 2022 г. демократы сосредоточились не на решении экономических вопросов, а на проблемах права на аборт и применения оружия, которые являются важнейшими, но не первоочередными для большинства испаноязычных избирателей.

По данным опроса, проблема иммиграционной политики расположилась на 9 месте. Тем не менее, некоторые конгрессмены от Демократической партии полагают, что, делая акцент на этом направлении, они смогут серьёзно укрепить позиции среди латиноамериканских избирателей. Действительно, эта тема традиционно была одной из ключевых для их электората, однако она постепенно теряет первостепенность. Отчасти это происходит потому, что растёт доля тех, кто родился и вырос в США, и снижаются темпы иммиграции из Латинской Америки. Стоит отметить, что иммиграционная политика остаётся приоритетной для тех испаноязычных американцев, которые проживают в приграничных с Мексикой районах, в частности в Южном Техасе. Многие поддерживают более жёсткий пограничный контроль, чтобы ограничить поток нелегальных иммигрантов, так как латиноамериканцы, находящиеся на этой территории, могут воспринимать людей, которые незаконно пересекают границу США, как угрозу своей собственной безопасности. Наконец, опрос показал, что по вопросам иммиграции 38% испаноязычных опрошенных доверяют Демократической партии, а 30% – Республиканской, соответственно преимущество первой невысокое [19], их серьёзный акцент на эту сферу вряд ли сможет привлечь большое число избирателей, многие латиноамериканцы не чувствуют, что политика демократов отражает их главные приоритеты.

В-третьих, фигура лидера партии во многом повлияла на тенденцию сдвига. Уровень одобрения Дж. Байдена среди испаноязычных американцев низкий. В момент вступления в должность его одобряли около 66% [20]. За два года президентства показатель существенно снизился. В июле 2021 г. он составлял 55%, в январе 2022 г. – 46%, то есть за первый год президентства произошло сокращение на 20%, и с апреля 2022 г. по апрель 2023 г. рейтинг держится на уровне 43% [21]. Следует учитывать, что цифры варьируются в зависимости от ресурса. К примеру, американский журнал «Нэшнл ревю» (*National Review*) сообщает, что в июле 2022 г. Дж. Байдена поддерживали только 19% [Caroline Downey, 2022]. Более того, лишь 37% латиноамериканцев желают, чтобы действующий президент избирался на второй срок, в то время как, например, среди афроамериканцев показатель насчитывает 46%, а среди демократов в целом – 54% [21]. Иначе говоря, он наименее популярен среди латиноамериканской общины по сравнению с другими расово-этническими группами, что бросает серьёзный вызов партии, для которой поддержка их электората является одним из важнейших факторов для победы. Его низкий рейтинг повлиял на снижение популярности кандидатов от Демократической партии среди испаноязычного электората в ходе промежуточных выборов 2022 г. То же самое может произойти в 2024 г. Для переизбрания на второй срок Дж. Байдену необходимо заручиться их широкой поддержкой.

Что касается рейтинга Д. Трампа, он также не был впечатляющим, однако в период своего президентского срока 45-й глава Белого дома укрепил свои позиции среди их

электората. Если в 2016 г. за него проголосовали 28% испаноязычных, то в 2020 г., по разным данным, от 32% до 38%, то есть в среднем 35%, что на семь процентных пунктов больше, чем четырьмя годами ранее (см. табл. 1). Это, в свою очередь, является внушительным результатом для кандидата от Республиканской партии. Именно при этой администрации выросла явка испаноязычных на выборы и произошёл большой сдвиг в сторону республиканцев, особенно среди среднего класса, а также мужчин и тех, кто придерживается консервативных ценностей. То есть, 45-й президент США выступил своеобразным катализатором их политической активности. В то же время многие помнят его жёсткую иммиграционную политику и критику латиноамериканских иммигрантов, что в случае его участия в президентских выборах 2024 г. может оттолкнуть часть испаноязычных избирателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имеет ли эта тенденция долговременный характер и представляет собой коренные изменения для политической жизни США или же это временный возврат к тенденциям прошлых лет? Изменится она, когда экономическая ситуация в стране наладится и на первый план выйдут другие важные темы, в том числе проблема преступлений с применением огнестрельного оружия, доступность и качество услуг здравоохранения и образования, а также право на аборт и экологическая ситуация, то есть, все те отрасли, с которыми, по мнению латиноамериканцев, лучше справляются демократы? Или же когда Демократическую партию возглавит новый лидер, который будет пользоваться из широкой поддержкой? Или когда Д. Трамп уйдет из политической жизни США? Ведь именно во время его президентства начался рост их активности. Или же трансформации, происходящие в самой испаноязычной группе, настолько сильны, что этот сдвиг будет набирать обороты в будущем вне зависимости от внешних факторов? Чтобы получить ответы на эти вопросы, потребуется не один год. Однако уже сейчас можно сделать предварительные выводы.

Во-первых, сдвиг имеет место быть. Во-вторых, это не новое явление в американской политической жизни. Выборы последних лет продемонстрировали, что республиканцы усилили свои позиции среди испаноязычного электората, однако показатели не превышают исторических значений, что позволяет предположить, что этот дрейф может оказаться временным возвратом к предыдущим тенденциям, а не зарождающимся трендом, который будет прогрессировать в обозримом будущем. Об этом можно будет говорить, если в следующие электоральные циклы уровень их поддержки республиканцев превысит исторические значения при растущей явке на выборы. В-третьих, «красная волна» вряд ли могла произойти, так как данная тенденция, если она окажется долговременной, будет развиваться и укрепляться относительно долгое время. В-четвёртых, изменения в политических предпочтениях обусловлены многими причинами, в том числе высоким уровнем ассимиляции и стремлением быть частью доминирующей культуры, трансформациями самой испаноязычной общины США, их религиозных и ценностных предпочтений, а также политикой демократов, уровнем одобрения лидеров двух главных партий и экономическим положением в стране. Если

экономическая ситуация может измениться и рейтинг демократов вновь возрастёт среди их группы, то ценностные и религиозные трансформации, а также отдаление от среднего рабочего класса несут более глубокие последствия. Большинство латиноамериканцев по-прежнему голосуют за кандидатов от Демократической партии, однако изменения в их политических предпочтениях несомненно имеют место быть, что бросает вызов её традиционной электоральной базе.

ИСТОЧНИКИ

1. Vilcarino, J., Harrison, Ch. Chart: How U.S. Latinos Voted in the 2022 Midterm Election. *The Americas Society and Council of the Americas*, November 17, 2022. Available at: <https://www.as-coa.org/articles/chart-how-us-latinos-voted-2022-midterm-election> (accessed 26.12.2022).

2. Igielnik, R., Keeter, S., and Hartig, H. Behind Biden's 2020 Victory. *Pew Research Center*, June 30, 2021 Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/06/30/behind-bidens-2020-victory/> (accessed 15.08.2022).

3. Paz, Ch. Beware the post-midterm hot takes about Latino voters. *Vox*, November 10, 2022. Available at: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2022/11/10/23451639/midterm-latino-vote-takes-2022> (accessed: 16.11.2022).

4. Pérez-Verdía, E., Madrid, M., Curbelo, C., Gonzalez, V. Here's How Latinos Voted in the 2022 Midterms. *NPR*, November 16, 2022 Available at: <https://www.npr.org/2022/11/16/1137193041/heres-how-latinos-voted-in-the-2022-midterms> (accessed 17.11.2022).

5. Sanchez, G. Latinos support Democrats over Republicans 2-1 in House and Senate elections. *Brookings*. November 11, 2022. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/fixgov/2022/11/11/latinos-support-democrats-over-republicans-2-1-in-house-and-senate-elections/> (accessed 15.11.2022).

6. Marissa Martinez. Voters of color did move to the right — just not at the rates predicted. *Politico*, November 13, 2022 Available at: <https://www.politico.com/news/2022/11/13/latino-voters-midterm-elections-republicans-00066618> (accessed 16.11.2022).

7. Krogstad, J., Lopez, M. Hispanic Voters in the 2014 Election. *Pew Research Center*, November 7, 2014. Available at: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2014/11/07/hispanic-voters-in-the-2014-election/> (accessed 16.11.2022).

8. II. Hispanic Voter Participation Trends. *Pew Research Center*, July 24, 2008 Available at: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2008/07/24/ii-hispanic-voter-participation-trends/> (accessed 15.04.2023).

9. Fabina, J. Despite Pandemic Challenges, 2020 Election Had Largest Increase in Voting Between Presidential Elections on Record. *United States Census Bureau*, April 29, 2021. Available at: <https://www.census.gov/library/stories/2021/04/record-high-turnout-in-2020-general-election.html> (accessed 08.10.2022).

10. Gest, J. Why Latinos are turning to the Republican Party Opinion. *CNN*. Updated February 14, 2022 Available at: <https://edition.cnn.com/2022/02/14/opinions/republican-latino-voters-gest/index.html> (accessed 26.10.2022).

11. Funk, C., Lopez, M. A brief statistical portrait of U.S. Hispanics. *Pew Research Center*, June 14, 2022 Available at: <https://www.pewresearch.org/science/2022/06/14/a-brief-statistical-portrait-of-u-s-hispanics/> (accessed 08.11.2022).

12. September 2022 Times/Siena Poll: Cross-Tabs for Hispanic and Latino Respondents. *The New York Times*, September 18, 2022 URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2022/09/18/upshot/times-siena-poll-hispanic-crosstabs.html> (accessed 01.11.2022).

13. September 2022 Times/Siena Poll: Cross-Tabs for Hispanic and Latino Respondents. *The New York Times*, September 18, 2022 URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2022/09/18/upshot/times-siena-poll-hispanic-crosstabs.html> (accessed 01.11.2022).

14. Murray, M., Marquez, A. This one demographic has driven much of the GOP's gains with Latino voters. *NBC News* October 5, 2022. Available at: <https://www.nbcnews.com/meet-the-press/meetthepressblog/one-demographic-driven-much-gops-gains-latino-voters-rcna50844> (accessed 31.10.2022).

15. Escobar, N. What Pundits Get Wrong About the Latino Vote. *NPR*, October 30, 2020 Available at: <https://www.npr.org/sections/codeswitch/2020/10/30/929575586/what-pundits-get-wrong-about-the-latino-vote> (accessed 10.03.2021).

16. Simon, S. Hispanic and minority voters are increasingly shifting to the Republican party. *NPR*, July 23, 2022 Available at: <https://www.npr.org/2022/07/23/1113166779/hispanic-and-minority-voters-are-increasingly-shifting-to-the-republican-party> (accessed 25.10.2022).

17. Zachary, B. Wolf, C. Anatomy of a close election: How Americans voted in 2022 vs. 2018. *CNN*, November 9, 2022. Available at: <https://edition.cnn.com/interactive/2022/politics/exit-polls-2022-midterm-2018-shift/> (accessed 18.11.2022).

18. Median income of Hispanic private households in the United States from 1990 to 2021. *Statista*, September 2022. Available at: <https://www.statista.com/statistics/203301/median-income-of-hispanic-households-in-the-us/#:~:text=In%20the%20United%20States%2C%20the,U.S.%20dollars%20for%20Hispanic%20households> (accessed 25.11.2022).

19. Balz, D. The Latino vote shifted toward Republicans in 2020. Will it again? *The Washington Post*, October 25, 2022 Available at: <https://www.washingtonpost.com/politics/interactive/2022/election-2022-latino-voters/> (accessed 28.10.2022).

20. Byler, D. Opinion. As Latino voters shift right, here's where Democrats will be hit hardest. *The Washington Post*, July 11, 2022 Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/07/11/latino-voters-are-shifting-right-heres-where-democrats-will-be-hit-hardest/> (accessed 09.11.2022).

21. Thomson-DeVeaux, A. Are Black and Hispanic Americans Abandoning Biden? *FiveThirtyEight*, May 31, 2023 Available at: <https://fivethirtyeight.com/features/biden-approval-black-hispanic-voters/> (accessed 04.06.2023)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Супян В.Б. Экономика США: состояние и потенциал развития на исходе второго десятилетия XXI века. *Россия и Америка в XXI веке*. 2018, № 2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760000030-0-1/>. DOI: 10.18254/S0000030-0-1 (accessed 14.03.2022)

Черных М.А. Роль испаноязычных американцев в политических процессах США: президентские выборы 2020 г. *Россия и Америка в XXI веке*. 2021. № 2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760015929-8-1/> DOI: 10.18254/S207054760015929-8 (accessed 26.12.2022).

Черных М. А. Испаноязычные американцы на промежуточных выборах 2022 г. *Россия и Америка в XXI веке*. 2022. Спецвыпуск. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760023948-9-1/>. DOI: 10.18254/S207054760023948-9 (accessed 15.11.2022).

REFERENCES

Brownstein, R. Are Latinos Really Realigning Toward Republicans? *The Atlantic*. July 21, 2022. Available at: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2022/07/working-class-latino-voters-political-alignment/670593/> (accessed 27.10.2022).

Leal, D., Barreto, M., Lee, J., de la Garza, R. *PS: Political Science & Politics*, No. 1, January 2005, pp. 41-49 DOI: <https://doi.org/10.1017/S1049096505055770> (accessed 15.01.2023).

Frey, W. New voter turnout data from 2022 shows some surprises, including lower turnout for youth, women, and Black Americans in some states. *Brookings*, May 18, 2023. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/new-voter-turnout-data-from-2022-shows-some-surprises-including-lower-turnout-for-youth-women-and-black-americans-in-some-states/> (accessed 04.06.2023).

Frey, W. Midterm exit polls show that young voters drove Democratic resistance to the 'red wave'. *Brookings*, November 18, 2022. Available at: <https://www.brookings.edu/research/midterm-exit-polls-show-that-young-voters-drove-democratic-resistance-to-the-red-wave/> (accessed 28.11.2022).

Hinckley, S. The new swing vote: Why more Latino voters are joining the GOP. *The Christian Science Monitor*, October 21, 2022 Available at: <https://www.csmonitor.com/USA/Politics/2022/1021/The-new-swing-vote-Why-more-Latino-voters-are-joining-the-GOP> (accessed 26.10.2022).

Downey, C. Poll Shows Biden at 19 Percent Approval among Hispanics. *National Review*, July 20, 2022 Available at: <https://www.nationalreview.com/news/poll-shows-biden-at-19-percent-approval-among-hispanics/> (accessed 22.11.2022).

Supyan, V. "U.S. Economy: State and Economic Potential in the End of the 2nd Decade of the 21st Century". *Russia and America in the 21st Century*. 2 (2018). DOI: 10.18254/S0000030-0-1

Chernykh, M. "The role of Hispanics in the political processes of the United States: the presidential election of 2020. *Russia and America in the 21st Century*. 2021, No.2. DOI: 10.18254/S207054760015929-8

Chernykh, M. "Hispanic Americans in the 2022 midterm elections. *Russia and America in the 21st Century*, 2022, No. 5. DOI: 10.18254/S207054760023948-9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЧЕРНЫХ Марина Андреевна, Marina A. CHERNYKH, research assistant, third year postgraduate student, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies Russian Academy of Sciences (ISKRAN). Аспирант 3-го курса ИСКРАН.

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер.2/3.,

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 22.07.2023 / Received 22.07.2023.

Поступила после рецензирования 25.07.2023 / Revised 25.07.2023.

Статья принята к публикации 26.07.2023 / Accepted 26.07.2023.

УДК 94(714)

DOI: 10.31857/S2686673023090079

EDN: KGCFVB

«Коалиция будущее Квебека» у власти: автономизм, национализм и прагматизм

Ю.Г. Акимов

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

Researcher ID: K-3377-201 Scopus AuthorID: 57188987396 РИНЦ ID: 256205

ORCID 0000-0002-2989-8868 e-mail: y.akimov@spbu.ru

Резюме: В статье рассматриваются основные направления политики правительств, сформированных партией «Коалиция будущее Квебека» под руководством Франсуа Лего (с 2018 г. до настоящего времени). Отмечается, что «Коалиция» представляет собой новую политическую силу в провинциальной политике, предлагающую франко-квебекскому обществу средний / промежуточный путь развития между установками либералов (федералистов) и пекистов (сторонников суверенитета). Отличительными особенностями этого пути является стремление к максимальной автономии Квебека в рамках Канадской Федерации, опора на франко-квебекский национализм, последовательное и жесткое отстаивание господствующего положения французского языка, защита и продвижение квебекских ценностей. Вместе с тем, для политики Лего характерен прагматизм и в целом сбалансированный подход к решению социально-экономических и экологических проблем. В статье рассматриваются закон о светскости (№ 21) и закон о статусе французского языка (№ 96), принятые по инициативе правительства «Коалиции». Отмечается эффективность действий правительства Лего в период пандемии ковид-19. Сравняются итоги провинциальных выборов 2018 и 2022 гг.

Ключевые слова: Квебек, «Коалиция будущее Квебека», Франсуа Лего, франко-квебекский национализм, автономизм, французский язык, идентичность

Для цитирования: Акимов Ю.Г. «Коалиция будущее Квебека» у власти: национализм, автономизм и прагматизм. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023; 53(9):87–99. DOI: 10.31857/S2686673023090079 EDN: KGCFVB

Coalition Avenir Québec's Politics: Autonomism, Nationalism and Pragmatism

Yury G. Akimov

Saint-Petersburg State University,

7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Researcher ID: K-3377-2015 Scopus AuthorID: 57188987396 РИНЦ ID: 256205

ORCID: 0000-0002-2989-8868 e-mail: y.akimov@spbu.ru

Abstract: The article deals with the mainstreams of Quebec politics under *Coalition Avenir Québec* (CAQ) government headed by François Legault (from 2018 to the present). It is noted that the CAQ represents a new political force in provincial politics, offering the *québécois* society a middle/intermediate path of development between the Liberals (federalists) and the Pequist (supporters of sovereignty). The distinctive features of this path are the desire to strengthen au-

tonomy of Quebec in Canadian Federation, reliance on *québécois* nationalism, consistent and tough defense of the dominant position of the French language in the province, as well as protection and promotion of Quebec values. At the same time, Legault policy is characterized by pragmatism and a generally balanced approach to socio-economic and environmental issues. The article discusses the Act respecting the laicity of the State (Bill 21) and the Act Respecting French, the Official and Common Language of Quebec (Bill 96), adopted under the CAQ Government. It also highlights the effectiveness of the Legault government's actions during the COVID-19 pandemic and compares the results of the 2018 and 2022 provincial elections.

Keywords: Québec, Coalition Avenir Québec, François Legault, Québec Nationalism, autonomism, French Language, Identity

For citation: Akimov, Yu.G. Coalition Avenir Québec's Politics: Autonomism, Nationalism and Pragmatism. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53(9):87-99. DOI: 10.31857/S2686673023090079 EDN: KGCFVB

ВВЕДЕНИЕ

В последней трети XX – начале XXI века многие процессы, происходящие в политике, экономике, общественной жизни Квебека, имеют не только провинциальное, но и общеканадское значение (а порой привлекают внимание других стран). Безусловно, в первую очередь это связано с этнолингвистической спецификой Прекрасной провинции – единственного франкоязычного субъекта Канадской федерации и региона, где сосредоточено подавляющее большинство франкофонов Северной Америки. В конце 2010-х – начале 2020-х годов Квебек вошёл в новую фазу своего внутривластного развития, связанного с приходом к власти «Коалиции будущее Квебека» под руководством Франсуа Легó, которая предложила новые подходы ко многим ключевым вопросам провинциальной политики, федерально-провинциальных отношений и развития квебекского общества в целом. В настоящей статье мы рассмотрим основные направления политики правительств Лего с 2018 г., постараемся определить специфику их идейных установок и выявить причины популярности Лего и его партии в квебекском обществе.

СОЗДАНИЕ «КОАЛИЦИИ БУДУЩЕГО КВЕБЕКА», ЕЁ ИДЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ И ПРИХОД К ВЛАСТИ

С 1970 по 2018 г. у власти в Прекрасной провинции попеременно находились две партии – Либеральная партия Квебека (*Parti liberal du Québec, PLQ*) и Квебекская партия (*Parti québécois, PQ*, отсюда «пекисты» – *péquistes*). Первая стояла на федералистских позициях, вторая выступала за политический суверенитет Квебека (при сохранении экономической «ассоциации» с «Остальной Канадой»). Наиболее острым их противостояние было в 1970–1990-е годы; к началу XXI века накал борьбы стал заметно спадать, что не в последнюю очередь было связано с заметным падением популярности суверенистского проекта пекистов среди избирателей. После поражения на провинциальных выборах 2003 г. они всего один раз – в 2012 г. – смогли добиться успеха и прийти к власти, причём не столько благодаря притягательности своих лозунгов, сколько благодаря подъёму

протестных настроений квебекцев в период «Кленовой весны» [Акимов Ю.Г., 2021]. При этом правительство Полин Маруа продержалось у власти чуть более полутора лет (2012–2014), после чего снова наступил черёд провинциальных либералов (правительство Филиппа Куйяра, 2014–2018).

Провинциальные выборы 2018 г. ознаменовали завершение «либерально-пекистской» эпохи в квебекской политике. К власти в Прекрасной провинции пришла новая политическая партия – «Коалиция будущее Квебека» (*Coalition Avenir Québec, CAQ*, отсюда «какисты» – *caquistes*). Первоначально партия называлась «Коалиция ради будущего Квебека» (*Coalition pour l'avenir du Québec*); можно также перевести как «Коалиция ради квебекского будущего». Она была основана в 2011 г. успешным бизнесменом и бывшим пекистским министром Франсуа Лего совместно с ещё одним ярким представителем провинциальных деловых кругов Шарлем Сируа. В 2012 г. в её состав вошла партия Демократическое действие Квебека (*Action démocratique du Québec, ADQ*), с середины 1990-х годов игравшая роль «третьей силы» в квебекской политике. В период подготовки и проведения второго референдума о суверенитете (1995) Демократическое действие выступало в поддержку суверенитета [Коленко В.А., 2006: 200, 202], однако потом перешло на автономистские позиции, предлагая квебекцам «третий путь» между федерализмом либералов и суверенизмом пекистов. «Коалиция» взяла на вооружение эти идеи, умело увязав их с защитой провинциальных прав в таких чувствительных для подавляющего большинства квебекцев сферах, как налогообложение, образование, культура, иммиграционная политика и др.

Франсуа Лего, ставший лидером новой партии, позиционировал себя, с одной стороны, в качестве «прагматика», который хочет, чтобы социально-экономические показатели Квебека сравнивались с аналогичными показателями соседней провинции Онтарио, а с другой – в качестве критика «двух крайностей». Под одной подразумевалось сохранение существующих федеративных отношений, не отвечающих интересам провинции, под другой – борьба за суверенитет, чреватая непредсказуемыми последствиями. При этом он с самого начала открыто апеллировал к национализму франкоквебекцев, подкрепляемому ассимиляционными страхами. В 2015 г. Лего так сформулировал свою позицию: «Для меня слово “федералист” ассоциируется со *status quo*. Вот почему я отказываюсь от этой этикетки. Посмотрим, можно ли использовать слово “националист” или “автономист”, но я убежден, что большинство квебекцев желают сильного Квебека в Канаде» [Lecavalier Ch., 2015]. В дальнейшем Лего и его соратники сделали ставку именно на «собираТЕЛЬный» / «объединяющий» национализм и автономизм (при этом, говоря о национализме, они всегда подчёркивали, что не имеют ничего общего с право-популистскими партиями и движениями вроде французского Национального фронта). В программных документах «Коалиции будущее Квебека» подчёркивалось, что она позиционирует себя как «современную националистическую партию, главная цель которой состоит в том, чтобы обеспечить развитие и процветание квебекской нации внутри Канады, защищая при этом с честью её автономию, её язык, её ценности и её культуру» [Bovet S., 2016].

Очевидно, что признание автономии Прекрасной провинции означает радикальные изменения в канадском федеративном устройстве. Как минимум, это закрепление

за Квебеком особого статуса; как максимум – преобразование всей федерации на дуалистических началах. В прошлом подобные идеи уже высказывались квебекскими политиками, представлявшими различные политические силы. Одним из первых провинциальных премьеров, поднявших вопрос об автономии, был Оноре Мерсье (1887–1891). В середине XX века автономистские идеи выдвигала партия Национальный союз (*Union national, UN*). Их умеренный «консервативно-охранительный» вариант отстаивал Морис Дюплесси (1936–1940 и 1944–1959); более радикальный был сформулирован в манифесте «Равенство или независимость» (1965), Даниэля Джонсона-старшего (1966–1968) [Montigny E. & Margineanu-Plante A., 2022].

В новейшее время в схожем ключе в последние годы своего пребывания у власти высказывался «отец-основатель» Квебекской партии Рене Левек. После поражения пекистов на референдуме 1980 г. и последующего отказа Квебека присоединиться к осуществлённой в 1982 г. конституционной реформе (что породило затяжной конституционный кризис) он призвал квебекцев пойти на «благородный риск» (*beau risque*) и поддержать на федеральных выборах прогрессивных консерваторов (ПКП) во главе с М.Б. Малруни, обещавших признать Квебек «особым обществом» (*distinct society*). В результате в 1984 и 1988 гг. большинство квебекцев отдало свои голоса ПКП, которая была правящей в 1984–1993 гг. В самой Прекрасной провинции с 1985 г. власть находилась в руках местных либералов – второе правительство Робера Бурасса (1985–1994) и правительство Даниэля Джонсона-младшего (1994). Именно при них автономистский проект был как никогда близок к практическому воплощению (сначала в Мичлейкском, а затем в Шарлоттаунском соглашениях). Впрочем, тогда этого всё же не произошло, и вопрос о юридическом закреплении особого статуса Прекрасной провинции (и преодолении конституционного кризиса) остался висеть в воздухе.

В то же время в текущем политическом процессе и политическом дискурсе последних десятилетий *de facto* специфическое, отличное от положения других провинций, положение Квебека в составе федерации, признавалось и учитывалось. Свидетельством этого могут служить парламентские резолюции 1995 и 2006 г. (о признании Квебека «особым обществом» и о признании того, что квебекцы образуют «нацию в составе единой Канады» соответственно), а также решения Верховного суда Канады по «трилогии» дел о лингвистических правах («Госслен против Квебека», «Сольски против Квебека», «Оквуби против Квебека»), рассматривавшихся в 2005 г. Эти три дела были инициированы франкоязычными квебекцами, которые хотели, чтобы их дети посещали провинциальные англоязычные школы, но получили отказ, поскольку не соответствовали критериям, установленным Хартией французского языка (законом № 101). Они утверждали, что таким образом нарушаются их права, гарантированные Квебекской хартией прав и свобод, однако Верховный суд Канады отклонил их иски.

В 2017 г. – в год празднования 150-летия Канадской государственности (1867–2017) – либеральное правительство Ф. Куяра попыталось вернуться к вопросу о конституционно-правовом урегулировании федерально-провинциальных отношений. Им был подготовлен пространственный документ «Квебекцы: наш способ быть канадцами. Политика утверждения Квебека и [меж]канадские отношения» [6]. По словам самого премьера, главная цель этого документа состояла в том, что «снять

табу с дискуссий о будущем наших отношений внутри Канады» и пригласить к обсуждению «всех, кто озабочен будущим страны» [Point de vue, 2017]. В самом документе делался акцент на необходимости конституционного признания «Канадой XXI века» не только индивидуальных, но также и «коллективных идентичностей», и в первую очередь современной квебекской идентичности, а также «коллективного разнообразия» и «множественной принадлежности» [6]; [Солянова М.В., 2019].

«Политика утверждения» встретила достаточно сдержанный приём квебекской общественности (многие называли её «манифестом неофедерализма»); её также весьма прохладно приняли в федеральном центре и других провинциях. Наибольший интерес к ней проявили академические круги и экспертное сообщество. В марте 2018 г. при поддержке провинциального правительства в Университете Квебека в Монреале (UQAM) был открыт Центр политического анализа по вопросам конституции и федерализма. Его возглавил Ален Ганьон – один из ведущих канадских политологов, близкий к федеральным и квебекским либералам, в 2021 г. он был избран председателем совета директоров Королевского общества Канады (канадской академии наук) на 2022–2025 гг. Центр был призван продвигать «панканадский» диалог и изучать мировой опыт признания существования различных национальных групп в рамках федеративных государств [Boissonneault A., 2018].

Очевидно, что у квебекских либералов было не так много времени для реализации идей, сформулированных в «Политике утверждения». Как было отмечено выше, на 42-х выборах в Национальную Ассамблею (НА), состоявшихся 1 октября 2018 г., победу впервые одержала «Коалиция будущее Квебека». Её представители получили в провинциальном парламенте 74 места (из 125), что позволило Франсуа Лего сформировать правительство большинства. При этом следует отметить, что за какистов тогда проголосовало немногим более трети избирателей, пришедших на участки (37,42%) [3].

В ходе своей избирательной кампании Лего подчёркивал необходимость более эффективной защиты «квебекских ценностей», в том числе путём ужесточения контроля за иммиграционной политикой. Он предложил сократить на 20% число иммигрантов, ежегодно принимаемых Прекрасной провинцией, чтобы таким образом отсечь наименее квалифицированных и не владеющих французским языком, а также ввести дополнительные меры для более эффективной интеграции новоприбывших в квебекское общество. Какисты заявляли, что «Квебек открыт для иммиграции, но [её] пороговый уровень должен соответствовать [его] способности к приёму и интеграции» [2: 61].

Говоря о вопросах социально-экономического развития Прекрасной провинции, Лего обещал избирателям «деловой» и «прагматичный» подход. Основными задачами своей «команды перемен» в этой области он провозгласил преодоление экономического отставания Квебека от наиболее развитых провинций «Остальной Канады», создание достойно оплачиваемых рабочих мест и «пополнение кошельков квебекцев». Какисты также говорили о необходимости понижения провинциальных налогов, проведения сбалансированной бюджетной политики и сокращения числа провинциальных чиновников.

В известном смысле Лего «перехватил» наиболее важные вопросы повестки одновременно у либералов и у пекистов, склонив на свою сторону и «красный», и

«синий» электорат. В 2015 г. он говорил: «В течение слишком долгого времени Квебекская партия претендовала на то, чтобы обладать монополией на гордость, а либеральная партия [Квебека] – монополией на процветание. Эта иллюзия разлетелась вдребезги, когда и та, и другая доказали свою неспособность соответственно вывести Квебек из конституционного тупика и заставить его преодолеть своё экономическое отставание» [Montigny E. & Margineanu-Plante A., 2022: 71].

Что касается других политических партий, участвовавших в выборах 2018 г., то квебекским либералам достался 31 мандат (они стали официальной оппозицией); пекистам удалось провести своих кандидатов в 10 округах; аналогичного результата добился Солидарный Квебек (*Québec solidaire, QS*). Однако, если для последнего это означало увеличение представительства в законодательном органе (на момент роспуска Национальной Ассамблеи у Солидарного Квебека там было 7 депутатов) и могло быть расценено как успех, то для Квебекской партии это был очевидный провал, поскольку она получила в 2 раза меньше мест чем четыре года до этого [3].

ПЕРВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЕГО: ДОСТИЖЕНИЯ И ВЫЗОВЫ

Уже в первый год своего пребывания у власти какисты предприняли несколько резонансных шагов. Одной из них стал закон № 21 о светскости, принятый в июне 2019 г. Он официально провозгласил Квебек «светским государством» (*L'État du Québec est laïque*) и запретил ношение религиозных символов и атрибутики определённым категориям государственных служащих (прежде всего тем, кто непосредственно общается с гражданами), а также учителям государственных школ [4]. Закон вызвал неоднозначную реакцию в Канаде; многие политики и общественные деятели усмотрели в нём покушение на права и свободы граждан, а некоторые открыто назвали его «расистским» (заметим в скобках, что его положения затрагивают не более 1% работающего населения провинции). В то же время этот закон ещё раз подчеркнул специфику Квебека и его отличие от «Остальной Канады» и в этом смысле явно принёс Лего и его партии определённые дивиденды.

В конце 2019 г. Национальная Ассамблея приняла закон об обязательном тестировании (с 1 января 2020 г.) иммигрантов, въезжающих в провинцию по программе привлечения квалифицированных работников на предмет знания ими квебекских ценностей. Тест включает вопросы, касающиеся базовых демократических принципов и норм, гендерного равенства, светскости, а также статуса французского языка [Gigon L., 2022].

Также следует упомянуть амбициозные планы совершенствования системы образования, которую Лего называл «национальным приоритетом», укрепление провинциального контроля над иммиграцией, а также несколько ярких экологических инициатив.

Очень важным моментом было то, что в конце 2018 г. и в течение всего 2019-го квебекская экономика находилась на подъёме, что положительно сказалось на уровне занятости и доходах населения. В конце сентября 2019 г. опросы общественного мнения показали, что 64% жителей Прекрасной провинции удовлетворены работой своего правительства (среди квебекских франкофонов этот показатель составлял 74%). В декабре 2019 г. эксперты и журналисты с удивлением отмечали, что в отношениях квебекцев и правительства Лего всё ещё продолжается «медовый месяц» [Bourgault-Côté G., 2019]. Значительной части жите-

лей импонировал образ ответственного и знающего старшего родственника («дядюшки»), который культивировал Лего. Другим важным моментом было чувство гордости принадлежностью к Квебеку, которое премьер старался внушить своим согражданам. Свою роль играла бескомпромиссная позиция по вопросам защиты французского языка и квебекских ценностей и готовность жёстко отстаивать провинциальные интересы в Оттаве.

Сам Лего так характеризовал свой подход: «У нас большие амбиции в отношении Квебека и, чтобы их реализовать, мы должны сначала стать семьёй, которая работает вместе. Чтобы мы были семьёй, нам нужно иметь что-то, что нас объединяет. Мы должны быть связаны общим фундаментом: нашим языком, нашими ценностями, тем, что у нас есть. Желать защитить этот общий фундамент вовсе не означает быть расистом» [Castonguay A., 2019].

В начале 2020 г. Квебек, как и весь мир, столкнулся с вызовом пандемии ковид-19. По ряду показателей (уровень заболеваемости, смертности и др.) Прекрасная провинция оказалась в более сложной ситуации, чем «Остальная Канада». Однако правительство Лего действовало достаточно энергично и решительно. 13 марта 2020 г. Квебек первой из канадских провинций объявил о чрезвычайной ситуации в области здравоохранения. Были закрыты школы, университеты и все остальные учебные заведения, введён ряд других ограничений.

С экономической точки зрения наиболее сложным периодом для Квебека были три весенних месяца 2020 г., когда не работало до 40% предприятий и происходили массовые увольнения, в результате чего уровень безработицы в мае составил более 17%. Больше всего пострадали работники сферы услуг и розничной торговли. В критическом положении оказались учреждения, организации и фирмы самого разного профиля: «сахарные хижинки» (*cabanes à sucre*), мини-пивоварни, гостиницы, туристические агентства, транспортные компании и даже знаменитый Цирк дю Солей. В то же время уже во второй половине июня 2020 г. ситуация стала стабилизироваться, наметилось некоторое увеличение занятости. Прежде всего, это касалось «Большого Монреаля», который оказался на втором месте в списке крупнейших городов Северной Америки, наименее пострадавших от пандемии [Corriveau J., 2020].

Вакцинация населения в Квебеке началась с декабря 2020 г. и в целом завершилась к лету 2021 г. (с ноября 2021 г. стала проводиться ревакцинация). После этого правительство ввело «вакцинные паспорта» (*passport vaccinal*), предъявление которых с 1 сентября 2021 г. стало обязательным условием для посещения ресторанов, баров, спортивных залов, зрелищных мероприятий и т.п.

Несмотря на значительные трудности, популярность провинциального правительства и лично премьер-министра в период пандемии оставалась стабильно высокой (чего нельзя сказать о федеральных властях). Лего в известной мере удалось укрепить образ энергичного руководителя и заботливого «дядюшки». В первые месяцы пандемии он совместно с провинциальным министром здравоохранения Даниэль Мак-Канн и директором национальной службы общественного здравоохранения Орасио Аррудой каждый день (включая выходные) в 13.00 проводил брифинги, на которых рассказывал об эпидемиологической обстановке и принимаемых мерах, причём всегда говорил подчёркнуто спокойно и уверенно.

Эти брифинги транслировались в прямом эфире и стабильно собирали большую аудиторию (до двух миллионов зрителей в апреле-мае 2020 г.). Квебекцам явно импонировала выбранная Лего тональность и манера держаться, выгодно контрастировавшая с алармистскими заявлениями, которыми были переполнены СМИ. Действия премьера, предпринятые в начале пандемии, одобрили рекордные 94% жителей Квебека. Да и в дальнейшем уровень поддержки провинциального правительства оставался стабильно высоким [Vallières D., 2022].

Несмотря на объективные трудности, связанные с антиковидными мерами и ограничениями, Лего неуклонно продолжал следовать намеченным курсом и постоянно возвращался к проблемам укрепления и расширения автономии Квебека, защиты французского языка, квебекских ценностей и т.п. В мае 2021 г. в Национальную ассамблею был внесён проект «Закона о французском языке – официальном и общем языке Квебека» (*Loi sur la langue officielle et commune du Québec, le français*). Этот закон, чаще называемый законом № 96, предусматривает внесение изменений и дополнений в действующую с 1977 г. Хартию французского языка (закон № 101), существенно ужесточающих ряд её положений. В частности, в нем говорится об установлении приоритета французского языка в сфере законотворчества и судопроизводства (преимущество французского текста над английским в случае разночтений в тексте законов, отмена требований знания любых языков, кроме французского, к кандидатам на должности провинциальных судей и т.п.). В сфере среднего образования предусматривается установление «потолка» в 17,5% для численности обучающихся в англоязычных колледжах Квебека, а также существенное ужесточение требований к уровню владения французским языком к их выпускникам. В экономике вводится требование получения сертификата о «франсизации» для предприятий, где занято от 25 до 49 человек (ранее это требовалось только там, где было более 49 работников). Также предполагается создание министерства французского языка и назначение комиссара французского языка для «наблюдения за эволюцией лингвистической ситуации в Квебеке». Первым комиссаром французского языка в Квебеке в марте 2023 г. был назначен Бенуа Дюбрёй, до этого работавший в различных правительственных структурах, а также известный своими работами по социальной философии [5].

Кроме всего вышечисленного, в законопроекте содержатся положения о внесении изменений в Конституционный акт 1867 г., который предлагается дополнить двумя статьями: о том, что квебекцы образуют нацию (статья 90 Q.1) и о том, что французский язык является единственным официальным языком Квебека, а также общим языком квебекской нации (статья 90 Q.2). Эти статьи предполагается внести в раздел V «Провинциальные конституции». Юридическим основанием для этого, по мнению разработчиков законопроекта, является статья 45 Конституционного акта 1982 г., предоставляющая законодательным органам провинций «исключительную компетенцию изменять конституцию своей провинции» [1: 377]. Законопроект подвергся критике со стороны квебекских либералов и их федеральных коллег, утверждавших, что он ущемляет права англоязычного населения Прекрасной провинции. Кроме того, указывалось на его несоответствие Канадской конституции. В этой связи, прежде всего, упоминалась статья 133 Конституционного акта 1867 г., гарантирующая, помимо прочего, равные

возможности использования английского и французского языков в законодательных органах и судах Квебека, и статья 23 Канадской хартии прав и свобод 1982 г., которая говорит о праве получения образования на языках меньшинств. Некоторые эксперты также упоминали статью 35 Конституционного акта 1982 г. о договорных правах аборигенного населения («первых наций»), к которым можно отнести и право получения образования на родном языке. Ещё большее неприятие вызвали положения, касающиеся конституционных поправок, которые вводятся Квебеком в одностороннем порядке [Hackett A., 2022]; [Melançon J., 2022].

Несмотря на это, в мае 2022 г. закон был принят Национальной Ассамблеей Квебека и вступил в силу 1 июня 2022 г. В соответствии с ним было создано провинциальное Министерство французского языка, которое возглавил Симон Жолен-Баррет – один из наиболее ярких молодых членов «команды Лего», занимавший в правительстве ряд ответственных постов (в том числе пост министра юстиции) и непосредственно отвечавший за подготовку закона № 96. С октября 2022 г. пост министра занимает Жан-Франсуа Роберж (в прошлом занимавший посты министра просвещения и министра высшего образования).

В середине 2021 г. правительство Лего пошло на ещё один довольно рискованный шаг – на сей раз в сфере экономики. Оно отказалось от реализации двух связанных друг с другом крупных энергетических и инфраструктурных проектов: «Энержи Сагене» (*Energie Saguenay*) и «Газодюк» (*Gazoduc* – непереводимая игра слов: газопровод по-французски *gazoduc*; в данном случае буква «с» заменена на «q», что не меняет звучания слова, но создаёт ассоциацию с Квебеком). Первый предусматривал строительство промышленного комплекса по сжижению природного газа в бухте Гранд-Анс в зоне порта Сагены, а второй – сооружение подземного газопровода, протяжённостью 780 км., для доставки туда сырья из Онтарио и западных провинций. Предполагалось, что проект позволит существенно нарастить поставки СПГ из Канады в Европу и Азию (до 11 млн тонн в год на протяжении как минимум 25 лет). Однако по соображениям экологической безопасности было принято решение его закрыть. Как заявил в июле 2021 г. министр окружающей среды Бенуа Шаретт: «Это такой проект, у которого больше минусов, чем плюсов» [Montpetit J., 2021].

В середине 2022 г. была предпринята попытка реанимировать проект (очевидно, это было связано с той сложной ситуацией, в которой оказались многие европейские страны, стремясь отказаться от импорта российских энергоносителей). Однако Лего ещё раз публично заявил, что проект «Энержи Сагене» «социально неприемлем», и сослался на решение провинциального Бюро общественных слушаний по окружающей среде (BAPE), отклонившего его в своём окончательном отчёте, представленном ещё в марте 2021 года. Он также подчеркнул, что данный проект затрагивает не только регион Сагены – озеро Сен-Жан, но и другие регионы Квебека [Labbé J., 2022]. В то же время, утверждая, что «газовый вопрос закрыт», Лего подтвердил, что Квебек открыт для экспорта экологически чистого водорода «если цена будет хорошей», а также в зависимости от имеющихся мощностей (об этом, в частности, говорилось во время визита в Канаду канцлера ФРГ Олафа Шольца в конце августа 2022 г.) [Porter I., Shields A., Bélair-Cirino M., Vastel M., Carabin F., 2022]. Впрочем, некоторые СМИ утверждали, что несмотря на все

эти заявления, вопрос о поставках СПГ через порт Сагены продолжает обсуждаться за закрытыми дверями в г. Квебеке и Оттаве [Blouin L., 2022].

«ПРОДОЛЖАЕМ!»: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ 2022 г. (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

3 октября 2022 г. в Квебеке состоялись очередные выборы в Национальную Ассамблею. Подчёркивая преемственность своего курса, Лего и его партия выступили под лозунгом «Продолжаем!» (*Continuons*). Они ожидаемо сделали упор на том, что можно было преподнести как достижения: успешную борьбу с пандемией ковид-19, эффективную защиту квебекских ценностей и французского языка, сбалансированную иммиграционную политику, определенные позитивные сдвиги в экономике, образовании, здравоохранении, социальной сфере. Этот подход оказался вполне оправданным. Несмотря на критику оппозиционных партий и в целом довольно «невнятную» и «скомканную» избирательную кампанию, какистам удалось не просто повторить свой успех четырехлетней давности, но и существенно улучшить свои показатели. Получив около 41% голосов избирателей, они смогли обеспечить себе 90 мест в Национальной Ассамблее. Либералам, занявшим второе место, достался 21 мандат (то есть на десять меньше, чем в 2018 г.). Квебекская партия показала наихудший результат за всю историю своего существования, проведя в провинциальный парламент лишь трёх кандидатов. Солидарный Квебек продемонстрировал стабильность, получив 11 мест. Консерваторы не смогли выиграть ни одного округа, при том, что им отдали свои голоса почти 13% квебекцев [3].

Результаты выборов свидетельствуют о достаточно высоком уровне поддержки «Коалиции будущее Квебека» жителями Прекрасной провинции на фоне дальнейшего падения популярности «традиционных» политических партий (либералов и пекистов) и расширения политического спектра в целом.

30 ноября 2022 г. Лего выступил в Национальной Ассамблее с программной речью, в которой обозначил приоритеты своего второго правительства. Он начал с упоминания об «Отце Новой Франции» Самюэле де Шамплене, назвав его основателем квебекской нации, которому «потребовалось много воли, чтобы выстоять и добиться успеха». Лего заявил, что он хочет «продолжать историю этой прекрасной франкоязычной нации в Америке, и продолжать её – это значит держаться вместе, это значит также достигать конкретных результатов для жителей Квебека...». «Наша цель ясна: мы хотим сделать Квебек более процветающим, более зелёным и более гордым; я хочу приложить все силы для того, чтобы добиться успеха, я хочу, чтобы Квебек побеждал». Что касается приоритетов, то ими достаточно ожидаемо были названы образование, экономика, здравоохранение, окружающая среда и идентичность. Лего пообещал развивать и модернизировать учебные заведения всех уровней, поддерживать наиболее перспективные отрасли промышленности, компенсировать гражданам их потери от инфляции. Он также заявил, что собирается начать обсуждение масштабного проекта строительства новых гидроэлектростанций, которые необходимы в том числе для дальнейшей электрификации транспортной системы провинции, находящейся в состоянии «экологического перехода». В языковой сфере премьер-министр сделал акцент на

необходимости активизации борьбы с падением уровня использования французского языка (прежде всего, в Большом Монреале). Лего подчеркнул, что «существует неоспоримая связь между иммиграционной политикой и жизнеспособностью французского языка», поэтому, по его мнению, необходимо разработать такую иммиграционную политику, которая учитывает языковую реальность Квебека и привлекательную силу английского языка. По словам Лего, франкоязычная иммиграция – это «вопрос выживания Квебека» [François C., 2022].

Очевидно, что в ближайшие четыре года (если по какой-то экстраординарной причине Национальная Ассамблея не будет распущена досрочно – что в нынешней ситуации крайне маловероятно – очередные выборы должны состояться осенью 2026 г.) Прекрасная провинция будет продолжать следовать тем путём, который был намечен Франсуа Лего и его партией. Очевидно, что это объективно отвечает интересам большинства квебекцев, по крайней мере, франкоговорящих, поскольку в какистской повестке достаточно гармонично сочетаются «материальная» и «нематериальная» составляющая. Обе они одинаково важны для жителей Прекрасной провинции, обеспокоенных как уровнем своего благосостояния и качеством жизни, так и угрозой утраты своей национальной идентичности, языка и культуры. Играя одновременно на ассимиляционных страхах и материальных запросах, правительство Лего сможет эффективно противостоять своим оппонентам, перехватывая наиболее значимые элементы их повестки. Квебекская политика вступила в новую фазу своего развития и есть основания предполагать, что она продлится достаточно долго.

ИСТОЧНИКИ

1. Конституции государств Америки: в 3-х т. / Под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 1. Северная и Центральная Америка. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – 832 с.

2. CAQ, document Poltext 2018. Plate-forme de la Coalition avenir Québec 2018. Regroupement des engagements de la Coalition avenir Québec. Available at: https://www.poltext.org/sites/poltext.org/files/plateformesV2/Quebec/QC_PL_2018_CAQ_fr.pdf (accessed 02.02.2023).

3. Élections Québec. Available at: <https://www.electionsquebec.qc.ca/francais/provincial/resultats-electoraux/elections-generales.php?e=83#e> (accessed 01.02.2023).

4. Loi sur la laïcité de l'état. Available at: <http://legisquebec.gouv.qc.ca/fr/showdoc/cs/L-0.3> (accessed 03.02.2023).

5. Loi sur la langue officielle et commune du Québec, le français. Available at: https://www.publicationsduquebec.gouv.qc.ca/fileadmin/Fichiers_client/lois_et_reglements/LoisAnnuelles/fr/2022/2022C14F.PDF (accessed 06.02.2023).

6. Québécois, notre façon d'être canadiens. Politique d'affirmation du Québec et de relations canadiennes. Québec : Gouvernement du Québec, 2017. Available at: <https://www.ssrc.gouv.qc.ca/documents/relations-canadiennes/politique-affirmation.pdf> (accessed 03.02.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимов Ю.Г., 2021. От «Кленовой весны» к третьему пути»: внутриполитическое развитие Квебека в 2010-е годы. *США & Канада: экономика, политика, культура*, № 10, с. 80-92. DOI: 10.31857/S268667300016899-8

Коленеко В.А., 2006. Французская Канада в прошлом и настоящем: очерки истории Квебека XVII-XX вв. М.: «Наука», 314 с.

Солянова М.В., 2019, Квебек в федеративной модели Канады: современный этап. *США & Канада: экономика, политика, культура*, № 10 (49), с. 98-117.

REFERENCES

Akimov, Y.G., 2021, Ot «Klenovoi vesny» k tret'emu puti»: vnutripoliticheskoe razvitie Kvebeka v 2010-e gody [From Maple Spring to the Third Way: Quebec Politics in 2010s] (In Russ.). *USA & Canada: economics, politics, culture*. No. 10, p. 80-92. DOI: 10.31857/S268667300016899-8

Blouin, L., 2022, Le ministre Pierre Fitzgibbon est toujours ouvert au projet de GNL Québec, *Radio-Canada*, Le 31 août. Available at: <https://ici.radio-canada.ca/nouvelle/1909325/gnl-quebec-energie-saguenay-pierre-fitzgibbon>

Bourgault-Côté, G., 2019, D'après un sondage, le Québec aime Legault, *Le Devoir*, Le 23 décembre. Available at: <https://www.ledevoir.com/politique/quebec/569656/le-quebec-aime-legault>

Bovet, S., 2016, La CAQ aura aussi son «article 1», *Radio-Canada*, Le 6 novembre. Available at: <https://ici.radio-canada.ca/nouvelle/812928/article-un-coalition-avenir-quebec-nationa-liste-identitaire> (accessed 02.02.2023).

Boissonneault, A., 2018, Affirmation nationale: Québec appuie la création d'un pôle d'étude sur le fédéralisme, *Radio-Canada*, Le 12 mars. Available at: <https://ici.radio-canada.ca/nouvelle/1088599/pole-etude-federalisme-uqam-centre-analyse-politique-constitution> (accessed 02.02.2023).

Castonguay, A., 2019, François Legault: Fierté retrouvée, *L'Actualité*, Le 4 décembre. Available at: <https://lactualite.com/politique/francois-legault-fierteretrouvee/> (accessed 02.02.2023).

Corriveau, J., 2020, Montréal presse les employés de revenir au centre-ville, *Le Devoir*, Le 2 septembre. Available at: <https://www.ledevoir.com/politique/montreal/585163/montreal-presse-les-travailleurs-de-revenir-au-centre-ville> (accessed 03.02.2023).

François, C., 2022, Au Québec, le Premier ministre François Legault présente les priorités de son deuxième mandat, *TV5 Monde*, Le 1er déc. Available at: <https://information.tv5monde.com/info/au-quebec-le-premier-ministre-francois-legault-presente-les-priorites-de-son-deuxieme-mandat> (accessed 06.02.2023).

Gigon, L., 2022, Test d'apprentissage des valeurs Québécoises. Available at: <https://www.immigrer.com/test-des-valeurs-quebecoises/> (accessed 02.02.2023.)

Hackett, A., 2022, Un anglo devant le projet de loi 96, *Le Devoir*, Le 22 mai. Available at: <https://www.ledevoir.com/opinion/libre-opinion/713832/libre-opinion-un-anglo-devant-le-projet-de-loi-96> (accessed 06.02.2023).

Koleneko, V.A., 2006, Francuzskaia Kanada v proshlom i nastoiashchem: ocherki istorii Kvebeka XVII-XX vv. [Past and Present of French Canada: Essays in Quebec history in the 17th - 20th centuries] (In Russ.), Moscow: «Nauka», 314 p.

Labbé, J., 2022, «C'est fermé» : Legault assure qu'il ne veut pas relancer le projet de GNL Québec, *Le Devoir*, le 31 août. Available at: <https://ici.radio-canada.ca/nouvelle/1909442/exportations-gaz-energie-quebec-canada-allemande-caq-elections-slsj> (accessed 04.02.2023).

Lecavalier, Ch., 2015, Legault réclame plus de pouvoirs à Ottawa, *Le Journal de Québec*, Le 2 septembre. Available at: <https://www.journaldequebec.com/2015/09/02/legault-clarifie-sa-position-constitutionnelle-un-quebec-fort-dans-un-canada> (accessed 02.02.2023).

Melançon, J., 2022, Les contradictions de la loi 96, *FrancoPresse*, Le 18 août. Available at: <https://francopresse.ca/2022/05/28/les-contradictions-de-la-loi-96/> (accessed 04.02.2023.)

Montigny, E., Margineanu-Plante, A., 2022, D'indépendantiste à autonomiste : une évolution du nationalisme québécois, *Recherches sociographiques*, Vol. LXIII, No 1-2, pp. 57-84.

Montpetit, J., 2021, Quebec nixes LNG plant that would have carried Western Canadian natural gas to markets overseas (July 21). Available at: <https://www.cbc.ca/news/canada/montreal/lng-quebec-saguenay-1.6111248> (accessed 04.02.2023).

Point de vue, 2017, Québécois, notre façon d'être Canadiens. *Le Soleil*. Le 3 juin. Available at: <https://www.lesoleil.com/2017/06/02/quebecois-notre-facon-detre-canadiens-1bf0f0c3063ea73a6bd2ebd39c401da9> (accessed 02.02.2023).

Porter, I., Shields, A., Bélair-Cirino, M., Vastel, M., Carabin, F., 2022. Legault nie vouloir relancer GNL Québec. *Le Devoir*. Le 1er septembre. Available at: <https://www.ledevoir.com/politique/751227/legault-nie-vouloir-relancer-gnl-quebec> (accessed 06.02.2023).

Solianova, M.V., 2019, Kvebek v federativnoi modeli Kanady: sovremenniy etap [Québec in Canada Federal Model: the Modern Stage] (In Russ). *USA & Canada: economics, politics, culture*. No. 10 (49), p. 98-117.

Vallières, D., 2022, La bonne étoile de François Legault, *L'Actualité*, Le 2 juin. Available at: <https://lactualite.com/politique/la-bonne-etoile-de-francois-legault/> (accessed 02.02.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АКИМОВ Юрий Германович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры американских исследований, директор центра канадских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9.

Yury G. AKIMOV, Doctor of Science (History), Full Professor at the Department of American Studies, and Director of Canadian Studies Center, Saint-Petersburg State University.

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023 / Received 11.05.2023.

Поступила после рецензирования 25.05.2023 / Revised 25.05.2023.

Статья принята к публикации 26.05.2023 / Accepted 26.05.2023.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023090080

EDN: KGLUHV

Влияние аналитических центров на северокорейскую политику США

М.С. Захарова

*Институт Китая и современной Азии Российской академии наук,
Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32.
ORCID: 0009-0006-2699-7023 Marria.dipacademy@gmail.com*

Резюме. Период руководства Д. Трампа был отмечен созданием более благоприятных условий для заключения соглашения между КНДР и США. Однако переговорный процесс так и не получил дальнейшего развития и не приблизил лидеров к решению ракетно-ядерного кризиса КНДР. Работа поднимает вопрос о роли аналитических центров в формировании политики администрации президента на северокорейском направлении. Делается вывод, что отсутствие существенного прогресса в решении северокорейского кризиса, в том числе связано с деятельностью одних из наиболее влиятельных институтов США, предоставляющих экспертизу – аналитических центров, или мозговых центров.

Ключевые слова: Мозговые центры, аналитические центры, внутренняя политика США, внешняя политика США, ракетно-ядерная программа КНДР, американско-северокорейские отношения

Для цитирования: Захарова М.С. Влияние аналитических центров на северокорейскую политику США // *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2023; (53)9: 100-112. DOI: 10.31857/S2686673023090080 EDN: KGLUHV

The Influence of Think Tanks on the U.S. Policy toward North Korea

Maria S. Zakharova

*Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences,
32 Nakhimovsky prospekt, Moscow
ORCID: 0009-0006-2699-7023 Marria.dipacademy@gmail.com*

Abstract: The time of Donald Trump's presidency was a period of improving relations between the U.S. and the DPRK. Despite Trump's desire to succeed in solving the North Korean nuclear missile crisis, the negotiation process has not been further developed and has not brought the sides closer to solving the crisis. The work raises the question of the role of think tanks in shaping the U.S. policy towards North Korea. It is concluded that the lack of significant progress in solving the North Korean crisis is also due to the position of one of the most influential U.S. institutions - think tanks.

Keywords: think tanks, U.S. domestic policy, U.S. foreign policy, North Korea's nuclear missile program, U.S.-North Korean relations

For citation: Zakharova M.S. The Influence of Think Tanks on the U.S. Policy toward North Korea // *USA & Canada: Economics - Politics – Culture*. 2023; (53)9: 100-112.
DOI: 10.31857/S2686673023090080 EDN: KGLUHV

ВВЕДЕНИЕ

Северокорейский ракетно-ядерный кризис оказывает влияние не только на стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), но и на глобальную систему безопасности в целом. Важным фактором, способным повлиять на развитие событий на Корейском полуострове, остаются отношения КНДР и США. В Северо-Восточной Азии сосредоточен значительный военный и экономический потенциал США, что является одной из главных причин заинтересованности Вашингтона в поддержании стабильности и безопасности региона. Помимо этого, сохранение США доминирующих позиций в мировой системе диктуется необходимостью поддерживать роль ведущего игрока в АТР. После появления у Северной Кореи межконтинентальных баллистических ракет в 2017 г. возможности применения КНДР своего ядерного арсенала существенно увеличились. В стратегии национальной безопасности США 2017 г. подчеркивается, что развитие северокорейского ядерного потенциала и средств доставки ядерного оружия является прямой угрозой национальной безопасности США [8]. В связи с этим проблема ракетно-ядерного потенциала КНДР уже много лет остается одной из главных тем американской внешнеполитической повестки на глобальном и на региональном уровне.

Проблемы взаимоотношений двух стран на фоне развития северокорейской ракетно-ядерной программы неоднократно становились предметом исследования многих отечественных учёных. В частности, в монографии «У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века» рассматриваются не только исторические этапы развития ракетно-ядерного потенциала КНДР, но и обращается внимание на роль США в урегулировании кризиса на Корейском полуострове [Толорая Г.Д., 2019]. Проблеме развития ядерного потенциала КНДР и её отношениям с международным сообществом посвящён также фундаментальный труд «Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008-2020 гг.)» [Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В., 2021]. Авторы выходят за рамки изучения северокорейской проблематики с точки зрения развития ракетно-ядерной программы КНДР и рассматривают изменения внешнеполитического курса КНДР и её отношений с ключевыми странами АТР.

Несмотря на то что российская и зарубежная наука богаты комплексными и качественными исследованиями, посвящёнными американо-северокорейским отношениям и политике обеих стран, в значительной мере эти работы рассматривают либо внутривнутриполитические реалии в США и КНДР и их внешнеполитические курсы, либо исторические аспекты развития отношений двух стран, не делая при этом акцент на непосредственном влиянии внутривнутриполитических факторов на переговорный процесс между странами. В своём исследовании мы стремимся расширить поле для научной дискуссии о проблемах взаимоотношений США и КНДР, добавляя новый уровень анализа – внутривнутриполитический. В частности, утверждается, что отсутствие важных сдвигов на американо-северокорейском

треке объясняется, в том числе и непримиримой позицией экспертного сообщества США в вопросе северокорейской ракетно-ядерной программы. По мнению автора, именно аналитические центры США, которые традиционно являются активными участниками разработки внешнеполитического курса страны, существенно усложняют процесс формирования позитивной и результативной политики в отношении Северной Кореи. Статья состоит из обзора типов аналитических центров и механизмов их влияния на формирование внешнеполитического курса США, а также анализа роли экспертов аналитических центров во время руководства Джорджа Буша-младшего (2001-2009 гг.), Барака Обамы (2009-2017 гг.), Дональда Трампа (2017-2021 гг.) и Джозефа Байдена (2021 - по наст. вр.), с точки зрения интенсивности их сотрудничества с каждой из администраций и его последствий для американо-северокорейских отношений.

ТИПЫ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

Формирование американского внешнеполитического курса традиционно предполагает сотрудничество президентов с влиятельными мозговыми центрами (*think tanks*), способными не только предоставить комплексный анализ и рекомендации по конкретному вопросу, но и повлиять на политическую повестку. Аналитические центры США, специализирующиеся на вопросах международных отношений, безопасности и внешней политики делятся на следующие типы: контрактные, академические и политически ориентированные [Кочетков Г. Б., Сулян В.Б., 2010: 36].

Контрактные мозговые центры спонсируются правительством, повестка их исследований определяется и ограничивается интересами политиков. Такие центры отвечают за предоставление прикладного политического анализа для выработки политики государства. Среди них наиболее заметную роль играют Институт городского развития (*Urban Institute*) и корпорация РЭНД. Оба центра сотрудничают с американскими военными структурами, предоставляя им аналитические и экспертные исследования. При этом большая часть финансирования поступает за счёт государственных средств, поэтому контрактные центры не могут считаться независимыми [Кочетков Г. Б., Сулян В.Б., 2010: 38].

Деятельность академических мозговых центров, напротив, сосредоточена на публикации независимых исследований по различным вопросам политической повестки. К наиболее известным и авторитетным из них можно отнести Брукингский институт, Центр стратегических и международных исследований, Центр науки и международных отношений Роберта и Рене Белферов (*Belfer Center for Science and International Affairs*) и Совет по международным отношениям [Weidenbaum M., 2009: 90].

Ориентированные на политику центры чаще всего занимаются подготовкой коротких аналитических справок, предназначенных для конкретной аудитории, и не стараются добиться объективности в своих исследованиях. Такой формат публикаций позволяет сосредоточиться на продвижении конкретных идей и оказывать влияние на политические процессы [Mahmood A., Bakhsh B. Q., 2007:104]. Одними из самых влиятельных представителей политически ориентированных

аналитических центров являются Фонд «Наследие», Гудзоновский институт, Гуверовский институт войны, революции и мира, Центр новой американской безопасности (*Center for New American security*) и Центр американского прогресса (*Center for American Progress*). Они сохраняют свою независимость благодаря диверсификации финансирования, однако первые три продвигают в своих исследованиях правую консервативную повестку, а Центр новой американской безопасности и Центр американского прогресса аффилированы с Демократической партией [Weidenbaum M., 2009: 89].

Для американских законодателей аналитические центры традиционно являются основными поставщиками информации, прогнозов и исследований. Разделяя политические взгляды центра, законодатель получает бесплатный доступ к подтверждённой авторитетными исследованиями информации, которая способна придать вес его аргументам в Конгрессе. Для самих мозговых центров важно использовать положение «идеологического союзника» в лице конгрессмена для реализации собственных политических интересов. Кроме того, такое сотрудничество расширяет финансовые возможности мозговых центров, побуждая спонсоров увеличивать финансирование, чтобы повлиять на результаты законодательной политики [Мирзаян Г.В., 2011]. Таким образом, между мозговыми центрами и законодателями возникает симбиоз, благодаря которому законодатель получает достоверные исследования, повышая доверие к продвигаемой им политике, а мозговые центры получают возможность продвигать свою повестку в Конгрессе, который, в свою очередь, может довести её до законодательных органов.

Большинство американских президентов во время проведения президентской кампании нанимают в штаб сотрудников этих центров и активно прибегают к их рекомендации для формирования своего политического курса. В случае победы кандидата, сотрудники мозговых центров, которые внесли свой вклад во время кампании, занимают ключевые должности в Белом доме. Таким образом, эксперты аналитических центров получают доступ к власти и возможность продвигать необходимую политику [Мирзаян Г.В., 2011].

МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ И АДМИНИСТРАЦИЯ ДЖ. БУША-МЛАДШЕГО

Джордж Буш-младший с самого начала своего руководства привлёк авторитетные аналитические центры к выработке внешнеполитического курса своей администрации. В частности, он тесно сотрудничал с проектом «Новый американский век» (*Project for the New American Century*), Американским институтом предпринимательства (*American Enterprise Institute for Public Policy Research*), фондом «Наследие» и Гуверовским институтом войны, революции и мира. Выбор именно этих консервативных аналитических центров в качестве поставщиков информации и аналитики для правительственных кругов объясняется тем, что при руководстве Дж. Буша многие сотрудники администрации являлись неоконсерваторами, которые зачастую имели связи с мозговыми центрами консервативного толка.

Ключевыми лицами, повлиявшими на неоконсервативный поворот администрации Буша, были министр обороны Дональд Рамсфельд и вице-президент Дик Чейни. При их руководстве подавляющее большинство сотрудников

администрации президента, Министерства обороны и Совета по оборонной политике были представителями неоконсерваторов, среди которых – Ричард Перл, Дуглас Фейт и Пол Вулфовиц. Сам Д. Рамсфельд долгое время сотрудничал с корпорацией РЭНД, занимал должность члена правления Гуверовского университета, а также долгие годы оставался партнёром неоконсервативного аналитического проекта «Новый американский век» [7].

Одним из примеров деятельности проекта «Новый американский век» и его влияния на процесс формирования внешнеполитической повестки является Доктрина Вулфовица. П. Вулфовиц отражает в своей работе основные военно-политические цели, внешнеполитическую стратегию безопасности и роль США в сложившемся миропорядке. Содержание этого руководства сводится к идее о том, что сохранение мирового порядка зависит от возможностей США укрепить своё лидерство, ещё больше нарастить военный потенциал и активизировать военное сотрудничество со своими союзниками. П. Вулфовиц упоминает также и об угрозе развития ядерного потенциала Северной Кореи, утверждая, что вместо предоставления Республике Корея большей свободы действий и ответственности за свою безопасность, необходимо наращивать американо-южнокорейское военное сотрудничество [7].

Важным является назначение в 2004 г. на должность директора по делам Азии в Совете национальной безопасности сотрудника Гуверовского института Виктора Ча, известного своим жёстким подходом к северокорейскому вопросу. В книге «Ядерная Северная Корея. Дискуссия о стратегиях взаимодействия», которую В. Ча выпустил совместно с Дэвидом Кэнгом в 2003 г., он утверждает, что шансы на то, что Северная Корея начнёт превентивную войну против Южной Кореи очень велики. Он также выступал с критикой политики санкционного давления на Северную Корею, считая, что решить северокорейский кризис можно только «ястребиной» политикой максимального давления, которая бы привела к краху северокорейского режима [Cha V., Kang C. D., 2013: 63].

Можно сказать, что огромное влияние сторонников жёсткой политики в отношении КНДР, а также неоконсерваторов из ведущих мозговых центров США и их назначение на ключевые государственные должности повлекли за собой формирование нового внешнеполитического курса Дж. Буша-младшего, который привёл к войнам в Ираке и Афганистане и ужесточению политики по отношению к недружественным государствам, среди которых была и КНДР. Непримиримая позиция США сказалась и на эффективности шестисторонних переговоров по северокорейскому вопросу. США с самого начала заявили, что не намерены идти на уступки и будут продолжать настаивать на полной, верифицируемой и необратимой денуклеаризации КНДР, и таким образом завели переговоры в тупик [Денисов В.И., Жебин А.З., 2008: 239].

РАСЦВЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Б. ОБАМЫ

Президент Б. Обама, представитель Демократической партии, также был сторонником сотрудничества с аналитическими центрами. В частности, он неоднократно заявлял, что Центр американского прогресса оказывает помощь не только

в обеспечении правительства аналитическими исследованиями и политическими рекомендациями, но и в предоставлении сотрудников для администрации президента. Центр американского прогресса был основан Джоном Подеста как либеральный аналитический центр, который бы являлся генератором идей и механизмом продвижения политических повесток для Демократической партии. В результате он стал интеллектуальной и исследовательской опорой администрации президента-демократа, а идеи его сотрудников во многом сформировали политический курс Б. Обамы [Dreyfuss B., 2004].

Сам Дж. Подеста, будучи основателем и генеральным директором этого либерального исследовательского центра, не только руководил командой по передаче президентской власти Б. Обаме в 2008 г., но и с 2014 по 2015 г. занимал должность его советника. Среди других сотрудников центра, пополнивших ряды администрации президента Обамы, были глава Центра американского прогресса Нира Танден, которая заняла при Обаме должность старшего советника Министерства здравоохранения США, и вице-президент Центра Дженнифер Палмиери, ставшая советником президента по коммуникациям [Трой Т., 2017].

На протяжении всего президентского срока Обамы Дж. Подеста был сторонником более жёсткого подхода к КНДР. В своей статье, опубликованной на сайте Центра американского прогресса, он называет северокорейский запуск спутника «Кванменсон-3», приуроченный к столетнему юбилею первого руководителя КНДР Ким Ир Сена в 2012 г., пренебрежением к региональной безопасности и международному праву. Он утверждал, что подобные действия ограничивают перспективы проведения переговоров США и КНДР, а также подчеркнул солидарность американского руководства со своими азиатскими партнёрами – Республикой Корея и Японией – в северокорейском вопросе [9].

Учитывая непримиримую позицию Дж. Подесты в северокорейском вопросе, большой интерес вызвала его поездка в КНДР с бывшим президентом США Биллом Клинтонем (1993 – 2001 г.) в 2009 г. Официальной целью их поездки в Пхеньян было освобождение из-под стражи американских журналистов. При этом тот факт, что Дж. Подеста, не будучи специалистом по северокорейскому вопросу, отправился в КНДР, вызвал предположения о том, что в действительности его присутствие могло объясняться подготовкой к очередному этапу переговоров США и КНДР. Несмотря на то, что эта информация была неоднократно опровергнута администрацией Б. Обамы, существует несколько аргументов в пользу этой версии. Во-первых, решение отправить У. Клинтоня для освобождения журналистов носило символический характер, так как именно во время его президентского срока было подписано историческое Рамочное соглашение США и КНДР 1994 г., которое было воспринято КНДР как большой дипломатический успех. Вторым аргументом стала секретная информация, опубликованная организацией Викиликс. В рассекреченном документе, который был получен Дж. Подеста после его поездки в Пхеньян, содержится подробное описание содержания переговоров У. Клинтоня с Ким Чен Ир (1994–2011 гг.). В частности, в ходе беседы с северокорейским лидером бывший президент США выразил надежду на активизацию американо-северокорейского диалога и возврат к шестистороннему формату. Он также подчеркнул, что администрация Б. Обамы открыта к переговорам с КНДР на основе взаимного

уважения. Кроме того, он обсудил с Ким Чен Ирсом возможность посещения Пхеньяна Стивеном Босуортом, уполномоченным представителем США в КНДР в 2009-2011 гг. [2]. Визит Босуорта состоялся через четыре месяца после визита Клинтона [16].

Огромную роль в формировании политического курса Обамы в отношении стран Азии играл и соучредитель Центра новой американской безопасности Курт Кэмпбэлл. В 2007 г. он был назначен на должность помощника госсекретаря по вопросам Восточной Азии и Тихоокеанского региона. Координируя азиатскую политику Обамы, К. Кэмпбэлл был одним из главных инициаторов американского «разворота/перебалансировки в Азиатско-Тихоокеанский регион». Выступая в 2011 г. на слушании в Конгрессе, он говорил о важности развития альянсов со странами АТР, которые обеспечивают мир и безопасность в регионе. Он особенно подчеркивал возросшую роль США в формировании архитектуры безопасности в Восточной Азии и настаивал на том, что северокорейское руководство является её главной угрозой. К. Кэмпбэлл в довольно жёсткой форме критиковал действия КНДР и убеждал конгрессменов в необходимости применять рычаги максимального давления на Северную Корею совместно с азиатскими партнёрами [5]. Кроме того, он был сторонником активного участия США в решении северокорейского ракетно-ядерного кризиса, в том числе в шестистороннем формате [14]. Однако позиция К. Кэмпбэлла частично противоречила политике «стратегического терпения» Обамы, поэтому можно сказать, что его деятельность по формированию внешнеполитического курса США ограничилась усилением американских позиций в регионе и укреплением альянсов с азиатскими странами.

КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД ПРИ Д. ТРАМПЕ

Дональд Трамп, в отличие от своих предшественников, не проявлял интереса к сотрудничеству с аналитическими центрами. Его недоверие и скептицизм в отношении экспертного сообщества стали очевидны ещё во время предвыборной кампании. Подобное отношение к сотрудничеству с одними из важнейших политических игроков США вызывало удивление, учитывая, что у него самого отсутствовал опыт в государственном управлении. Аналитические центры, в свою очередь, также испытывали трудности в подготовке материалов и рекомендаций для президента, чьи политические цели и приоритеты были слишком непредсказуемыми. Эксперты неоднократно заявляли, что Д. Трамп скорее обсудит политический вопрос с пользователями Твиттера, чем обратится за квалифицированным мнением к аналитическим центрам [13]. Он также не стремился пополнить свою администрацию сотрудниками мозговых центров, стараясь окружить себя экспертами из привычной ему предпринимательской среды. Например, в январе – августе 2017 г. должность старшего советника президента США занимал бизнесмен Стивен Бэннон, а после его отставки на эту должность был назначен бизнесмен Джаред Кушнер (2017-2021 гг.). Однако ключевой фигурой был предприниматель Рекс Тиллерсон, ставший государственным секретарем Д. Трампа [3].

Тем не менее, несмотря на скептическое отношение к экспертному сообществу, Д. Трамп всё же сделал исключение для консервативного фонда «Наследие».

Во время проведения предвыборной кампании он неоднократно прибегал к помощи этого мозгового центра и задействовал порядка 70 сотрудников фонда во время переходного периода своей администрации. При этом администрация Трампа реализовала многие инициативы фонда, среди которых – выход из Парижского соглашения о климате и ЮНЕСКО, а также увеличение военного бюджета и наращивание добычи американских природных ресурсов [15].

Однако инициативы Д. Трампа о нормализации американо-северокорейских отношений не находили отклика среди экспертов фонда «Наследие». Более того, его политика в отношении КНДР неоднократно становилась предметом критики сотрудников фонда. Это можно заметить, изучив публикации фонда, и, в частности, работы одного из ведущих специалистов по северокорейскому вопросу – старшего сотрудника по вопросам Северо-Восточной Азии Брюса Клингера. Он выступал против любых попыток Д. Трампа пойти на уступки северокорейскому лидеру, особенно за счёт ослабления санкционного режима. Б. Клингер утверждал, что переговорная позиция Д. Трампа дискредитирует американский внешнеполитический курс и формирует представление о санкциях как о необязательных к соблюдению мерах. Он также подвергал критике попытки Д. Трампа ослабить союзнические обязательства с Южной Кореей и Японией за счёт сокращения количества совместных военных мероприятий [6].

Таким образом, оптимизм Д. Трампа и его стремление заключить историческую сделку с Ким Чен Ыном так и не нашли отклика в экспертном сообществе. Д. Трамп был убежден, что, полагаясь на своё «политическое чутьё» и навыки ведения переговоров, он сможет достичь успеха в переговорах с Ким Чен Ыном, поэтому организация Сингапурского саммита 2018 г. и Ханойского саммита 2019 г. не сопровождалась длительной подготовкой с участием экспертного сообщества и высокопоставленных чиновников. Американский дипломат и президент Совета по международным отношениям Ричард Хаас убежден, что главные причины провала Ханойского саммита – это отсутствие подготовки к его проведению и чрезмерная уверенность обоих лидеров в том, что личной симпатии достаточно для результативных переговоров. Он заявляет, что Д. Трамп сделал ставку на собственную харизму и проигнорировал самую важную часть переговорного процесса – тщательную подготовку к саммитам с участием экспертов и чиновников [4].

ВОЗВРАТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ С АДМИНИСТРАЦИЕЙ ДЖ. БАЙДЕНА

Приход к власти представителя Демократической партии Джозефа Байдена породил надежду на возрождение сотрудничества государственных органов с американским экспертным сообществом. Ещё во время избирательной кампании Дж. Байден привлек множество экспертов из аналитических центров, которые продолжили работу в переходной команде президента. Среди них одной из самых важных фигур была директор программы по международной безопасности Центра стратегических и международных исследований Кэтлин Хикс, назначенная на должность заместителя министра обороны США [Biden's DOD Transition Team... 2020].

Советником по национальной безопасности Байдена стал Джейк Салливан, который работал в Фонде Карнеги за международный мир (*Carnegie Endowment for International Peace*), а директором ЦРУ стал Уильям Бёрнс, который с 2015 по 2021 г. был президентом Фонда Карнеги [Братерский А.В., 2021]. Команду Байдена в качестве заместителя помощника госсекретаря пополнила также Александра Белл, которая занимала должность главного директора по политике Центра по контролю над вооружениями и нераспространению, а ещё раньше была сотрудником Центра американского прогресса, и бывший сотрудник Совета по международным отношениям и соучредитель Центра новой американской безопасности Курт Кэмпбелл, который занял должность координатора и заместителя помощника президента по Индо-Тихоокеанскому региону [1].

Однако связь Байдена с мозговыми центрами не ограничивается только этим. После ухода с поста вице-президента США в 2017 г. он открыл аналитический Центр дипломатии и глобального взаимодействия Байдена Пенсильванского университета (*Penn Biden Center Diplomacy and Global Engagement*), который функционировал в качестве мозгового центра для ближайшего окружения Байдена. Энтони Блинкен, нынешний государственный секретарь Байдена, с 2017 по 2019 г. занимал в этом центре должность управляющего директора, а Стивен Рикетти и Колин Кал, которые также были членами центра, сейчас являются советником и заместителем министра обороны по внешней политике соответственно [The Penn Biden...2021]. В целом в администрацию Байдена вошло, по меньшей мере, десять высокопоставленных чиновников, которые до этого занимали должности в его аналитическом центре [11].

Если проанализировать аналитические работы бывших сотрудников Центра Байдена, становится понятно, что они выступают сторонниками ужесточения политики в отношении КНДР и ярыми критиками политики Дональда Трампа. Например, в статье для «Форин полиси» Колин Кал критикует Сингапурский саммит Трампа и Ким Чен Ына 2018 г., заявляя, что он привёл к укреплению международной позиции северокорейского лидера за счёт ослабления позиций самих США. Он заявляет, что любая сделка с Северной Кореей ослабит позиции США в АТР и негативно скажется на отношениях с региональными союзниками. Колин Кал открытым текстом говорит, что не питает иллюзий по решению северокорейского ракетно-ядерного кризиса, поэтому выступает против трамповской политики «стратегического нетерпения» и преждевременных переговоров с КНДР [Kahl C., 2018].

Таким образом, администрация Байдена, состоящая из сторонников более жёсткого подхода к северокорейскому вопросу, придерживается политики усиления давления на КНДР и укрепления своих азиатских альянсов, которые во время президентства Д. Трампа переживали кризис. При этом сам Дж. Байден характеризует свою политику в отношении Северной Кореи как «дипломатия и жёсткое сдерживание» (*diplomacy and stern deterrence*) [10].

На фоне незаинтересованности администрации Дж. Байдена в улучшении отношений с КНДР, наблюдается этап стремительного развития альянсов США с их главными азиатскими союзниками – Южной Кореей и Японией. 1 декабря 2022 г. Джейк Салливан заявил о том, что сейчас США, Япония и Республика

Корея активно работают над тем, чтобы усилить расширенное сдерживание ядерной угрозы КНДР. В частности, это проявляется в возобновлении работы двухсторонней группы по расширенным средствам сдерживания США и Южной Кореи, которая была создана двумя странами ещё в 2016 г., но в последние несколько лет ее деятельность была приостановлена. Со стороны США в работе группы принимали участие заместитель госсекретаря по контролю над вооружениями и международной безопасности Бонни Дженкинс и Колин Кал [12].

Следующим шагом, отражающим приверженность действующей администрации развитию союзнических отношений и сдерживанию северокорейской угрозы, стала Вашингтонская декларация президентов Дж. Байдена и Юн Согёля от 23 апреля 2023 г. Документ был обнародован в ходе государственного визита южнокорейского президента в США, приуроченного к 70-летию альянса двух стран. В декларации заявляется о намерении США и Республики Корея развивать более прочные отношения в области взаимной обороны и совершенствовать совместные военные мероприятия. В частности, было объявлено о создании новой консультативной группы для обсуждения вопросов ядерного и стратегического планирования, расширения ядерного сдерживания и противодействия угрозе, исходящей от ядерной программы КНДР. Дж. Байден также подчеркнул, что в случае нападения КНДР на РК с использованием ядерного оружия, ответ США будет быстрым, сокрушительным и решительным [17].

После того, как команда президента Байдена была окончательно сформирована, стало очевидным, что переговорный процесс между США и КНДР, который был поставлен на паузу ещё в конце президентского срока Трампа, теперь имеет мало шансов на возобновление.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Американское экспертное общество традиционно и почти единогласно выступает за жёсткий курс в решении северокорейской ракетно-ядерной проблемы, что подразумевает ужесточение санкционного давления и формирование международной коалиции для изоляции страны. Аналитические центры и их представители в Белом доме поддерживали и способствовали продвижению как ястребиной политики Дж. Буша-младшего, так и политики «стратегического терпения Обамы». Таким образом, можно заметить, что отношение экспертного сообщества к северокорейскому вопросу оставалось неизменным независимо от партийной принадлежности действующей администрации президента. Однако приход к власти Дональда Трампа спровоцировал настоящий кризис в отношениях Белого дома и аналитических центров. Харизма и деловые навыки Трампа помогли ему создать резонанс вокруг северокорейской тематики и активизировать переговоры с северокорейским лидером. Тем не менее, отсутствие заинтересованности американского экспертного сообщества в улучшении отношений с КНДР, снижали шансы на успех политики Д. Трампа.

После прихода к власти в 2021 г. администрации Дж. Байдена, который известен своими тесными связями с аналитическими центрами, в особенности с Пенсильванским центром Байдена, отношения Белого дома с мозговыми центрами

вернулись к «дотрамповскому» состоянию. Учитывая, что нынешняя команда президента состоит либо из политиков, не заинтересованных в северокорейском вопросе в принципе, либо из тех, кто является сторонниками оказания большего давления на КНДР и укрепления отношений с азиатскими союзниками, сложно рассчитывать на новый этап потепления в отношениях двух стран.

ИСТОЧНИКИ

1. Biden administration International Affairs Personnel Tracker. *ICAS*, 2.12.2021. Available at: <https://chinaus-icas.org/biden-administration-international-affairs-personnel-tracker/biden-personnel-tracker-defense-and-security/kurt-campbell-deputy-assistant-to-the-president-coordinator-for-indo-pacific-affairs/> (accessed 07.01.2023).
2. Bill Clinton Suggested N. Korea Pursue Direct Talks with US in Tandem with SixParty Talks. *The Korea Times*, 31.10.2016. Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2016/10/485_217134.html (accessed 03.01.2023).
3. Death of Think Tanks Fast Approaching? *Think Tank Watch*, 16.01.2017. Available at: <http://www.thinktankwatch.com/2017/01/death-of-think-tanks-fast-approaching.html> (accessed 05.01.2023).
4. Haass R. Picking Up the Pieces After Hanoi. Project Syndicate, 15.03.2019. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/dealing-with-north-koreaafter-hanoi-summit-failure-by-richard-n-haass-2019-03?barrier=accesspaylog> (accessed 16.01.2023).
5. Hearing Before the Committee on Foreign Relations. US Senate. U.S. Government Publishing Office, 01.03.2011. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-112shrg68240/html/CHRG112shrg68240.htm> (accessed 05.01.2023).
6. Klinger, B. Time for “Shock and Awe Sanctions” on North Korea. The Heritage Foundation, 10.10.2017. Available at: <https://www.heritage.org/defense/report/timeshock-and-awe-sanctions-north-korea> (accessed 05.01.2023).
7. Kubilay, Y.A. The Impact of Neoconservative Think Tanks on American Foreign Policy. *E-International Relations*, 26.05.2014. Available at: <https://www.eir.info/2014/05/26/the-impact-of-neoconservative-think-tanks-on-american-foreignpolicy/> (accessed 06.01.2023).
8. National Security Strategy of the United States of America. Trump White House Archives, December 2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 15.01.2023).
9. No Steps Forward, Two Steps Back: North Korean Launch Ends with Catastrophic System Failure. *CAP*, 13.04.2012. Available at: <https://www.americanprogress.org/article/no-steps-forward-two-steps-back-northkorean-launch-ends-with-catastrophic-system-failure/> (accessed 03.01.2023).
10. Remarks as Prepared for Delivery by President Biden – Address to a Joint Session of Congress. The White House, April 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/28/remarks-as-prepared-for-delivery-by-president-biden-address-to-a-joint-session-of-congress/> (accessed 19.06.2023).
11. Several top White House officials worked for Biden at his think tank where classified docs discovered. *Fox News*, 11.01.2023. Available at:

<https://www.foxnews.com/politics/several-top-white-house-officials-worked-biden-think-tank-classified-docs-discovered> (accessed 03.01.2023)

12. Strengthening U.S. extended deterrence. CSIS, December 2022. Available at: <https://www.csis.org/analysis/strengthening-us-extended-deterrence> (accessed 19.06.2023).

13. Thinking about Trump: American think tanks and their new political reality. On Think Tanks, August 2017. Available at: <https://onthinktanks.org/publications/thinking-about-trump-american-think-tanks-and-their-new-political-reality/> (accessed 08.01.2023).

14. Top U.S. diplomat in China to discuss North Korea. CNN, 03.01.2012. Available at: <https://edition.cnn.com/2012/01/03/world/asia/us-diplomat-asia-visit/index.html> (accessed 08.01.2023).

15. Trump Administration Embraces Heritage Foundation Policy Recommendations. The Heritage Foundation, 23.06.2018. Available at: <https://www.heritage.org/impact/trumpadministration-embraces-heritage-foundation-policy-recommendations>. (accessed 18.01.2023).

16. US Envoy Makes Rare visit to North Korea. *The New York Times*, 08.12.2004. Available at: <https://www.nytimes.com/2009/12/09/world/asia/09korea.html> (accessed 07.01.2023)

17. Washington Declaration. The White House, April 2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/04/26/washington-declaration-2/> (accessed 15.07.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Братерский А.В. «Мозговые центры»: борьба идей при президентстве Джо Байдена. ИМЭМО РАН, 15.02.2021 г. Available at: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/mozgovye-tsentry-boryba-idey-pri-prezidentstve-dzhobaydena> (accessed: 12.01.2023).

Денисов В.И., Жебин А.З. Корейское урегулирование и интересы России. М.: Русская Панорама, 2008. 344 с.

Кочетков Г. Б., Суюян В.Б. «Мозговые центры» в США: Наука как инструмент реальной политики. *Проблемы прогнозирования*, 2010. №5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mozgovye-tsentry-v-ssha-nauka-kak-instrument-realnoy-politiki> (accessed: 07.04.2023).

Мирзаян Г.В. Мозговые центры и процесс принятия решений в США // *Россия и Америка в 21 веке*. 2011. №3. Available at: <http://rusus.ru/?act=read&id=301> (accessed: 12.01.2023).

Толорая Г.Д. У восточного порога России. Эскизы корейской политика начала XXI века. М: «Дашков и К», 2019. 530 с.

Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008-2020 гг.). М.: Просвещение, 2021. 448 с.

REFERENCES

Biden's DOD Transition Team Taps Think Tanks, Cross-Agency Experience. *Air Force Magazine*, 10.11.2020. Available at: <https://www.airforcemag.com/bidens-dod-transitionteam-taps-think-tanks-cross-agency-experience/> (accessed 07.01.2023)

Cha, V., Kang, C.D. Nuclear North Korea. A Debate on Engagement Strategies. – C.:Columbia University Press, 2013. – 280 p.

Denisov, V.I., Zhebin, A.Z. Koreiskoe uregulirovanie i interesy Rossii [Korean settlement and interests of Russia] (In Russ.). Moscow, Russkaya Panorama, 2008. – 344 p.

Dreyfuss, B. An Idea Factory for the Democrats. *The Nation*, 12.02.2004. Available at: <https://www.thenation.com/article/archive/idea-factory-democrats/> (accessed 05.01.2023).

Kahl, C. Trump Has Nobody to Blame for North Korea but Himself. *Foreign Policy*. 11.07.2018. Available at: <https://foreignpolicy.com/2018/07/11/trump-has-nobody-to-blame-but-himself-for-north-korea-nuclear-pyongyang-pompeo/> (accessed 23.01.2023)

Kochetkov, G.B., Supyan V.B. «Mozgovye centry» v SSHA: Nauka kak instrument real'noi politiki ["Think tanks" in the USA: Science as a tool of real policy] (In Russ.). Problemy prognozirovaniya, №5, 2010. – 16 p.

Mahmood, A., Bakhsh, B.Q. Behind the Scene: The Contributions of Think Tanks in U.S. Policy-Making. The Dialogue. Volume 2. Number 2, 2007. – 22 p.

Mirzayan, G. Brain-Centers in U.S. decision-making process. *Russia and America in the 21st Century*, 2011. No.3. Available at: <http://rusus.ru/?act=read&id=301> (accessed: 12.01.2023).

The Penn Biden Center's Revolving Door. *The American Prospect*, 11.01.2021. Available at: <https://prospect.org/politics/penn-biden-centers-revolving-door/> (accessed 08.01.2023).

Toloraya, G.D. U vostochnogo poroga Rossii. Eskizy koreiskoi politiki nachala XXI veka [At the eastern threshold of Russia. Sketches of Korean politics at the beginning of the XXI century] (In Russ.). Moscow, Dashkov and Co., 2019. – 530 p.

Torkunov, A.V., Toloraya, G.D., D'yachkov, I.V. Sovremennaiia Koreia: metamorfozy turbulentnykh let (2008-2020 gg.) [Modern Korea: metamorphoses of turbulent years (2008-2020)] (In Russ.). Moscow, Prosveshchenie, 2021. – 448 p.

Troy, T. The Dilemma of the D.C. Think Tank. *The Atlantic*. 20.12.2017. Available at: <https://www.e-ir.info/2009/09/09/international-law-and-the-bush-doctrine/> (accessed 08.01.2023).

Weidenbaum, M. A Challenge to Washington Think Tanks. *Challenge*. Volume 52, 2009. 11 p. DOI:[10.2753/0577-5132520106](https://doi.org/10.2753/0577-5132520106)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗАХАРОВА Мария Сергеевна,
специалист научного отдела Института
Китая и современной Азии РАН.
Москва, ул. Нахимовский проспект, 32.

Maria S. ZAKHAROVA, Specialist of
the Scientific Department of the Insti-
tute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences.
32 Nakhimovsky prospect, Moscow

Статья поступила в редакцию 11.05.2023 / Received 11.05.2023.

Поступила после рецензирования 25.05.2023 / Revised 25.05.2023.

Статья принята к публикации 26.05.2023 / Accepted 26.05.2023.

УДК: 327

JEL: F00

DOI: 10.31857/S2686673023090092

EDN: KGMLYA

«Русская» группа в аппарате СНБ администрации Джозефа Байдена (2021–2022 гг.)

М.В. Минаев

Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова

Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

РИИЦ ID: 1185189

ORCID: 0000-0001-8497-1995

e-mail: tannhausersieg18@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается процесс формирования группы специалистов по России в аппарате Совета национальной безопасности (СНБ) администрации Джозефа Байдена («русской» группы). В центре исследования находятся персоналии, составившие пул кураторов американско-российских отношений в СНБ, с акцентом на старшем директоре по России. Анализируется функционал «русской» группы СНБ и его роль во внешнеполитическом аппарате правительства Дж. Байдена.

Ключевые слова: Совет национальной безопасности (СНБ) США, старший директор СНБ по России, внешнеполитический аппарат США.

Для цитирования: Минаев М.В. «Русская» группа в аппарате Совета национальной безопасности администрации Джозефа Байдена (2021–2022 гг.). *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53(9): 113-126. DOI: 10.31857/S2686673023090092
EDN: KGMLYA

Russia Group of the Biden Administration's National Security Council Staff (2021-2022)

Maxim V. Minaev

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3, Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

РИИЦ ID: 1185189

ORCID: 0000-0001-8497-1995

e-mail: tannhausersieg18@gmail.com

Abstract. Russia is among the Joseph Biden Administration foreign policy priorities. The article presents the Russia Group (Russia specialist's panel) of the Joe Biden Administration National Security Council (NSC) Staff process of formation. The point at issue is officer's group in charge of US-Russian relations. The article chronological framework – from January 2021 to January 2022. The focus of the research paper on the personalities composed the American-Russian relations responsible officer's body in NSC. Inclusive of Senior Director for Russia and Central Asia. Andrea Kendall-Taylor and Eric Green held it position the period under review. The article consciously thinks the NSC Russia Ring main functionality and its role in the Joe

Biden Administration foreign policy machine. The special attention has been given to the NSC Russian Directorate process of changes under Joe Biden Administration. Inclusive of Senior Director Job title and regions wise terms of influence. The article is also reviewing the United States Intelligence Community officers' political role in US-Russian relations during the Joe Biden Administration.

Keywords: United States National Security Council (NSC), NSC Senior Director for Russia, US foreign policy machine.

For citation: Minaev, M.V. Russia Group of the Biden Administration's National Security Council Staff (2021-2022). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53(9): 113-126. DOI: 10.31857/S2686673023090092 EDN: KGMLYA

ВВЕДЕНИЕ

Каждая новая администрация Соединённых Штатов формирует во внешнеполитическом аппарате команду специалистов по России и постсоветским республикам. В неё входят политические назначенцы из партийного истеблишмента, карьерные дипломаты и кадровые разведчики. Этот пул представлен во всех основных ведомствах правительства, связанных с формированием и реализацией внешней политики и политики в области национальной безопасности. Такое сообщество специалистов по России можно условно обозначить как «русскую» группу, или «русское» крыло (*Russia Ring*).

Не стала исключением и демократическая администрация президента Джозефа Байдена, приступившая к работе в январе 2021 г. В её рядах также сложилась команда специалистов, занимающихся РФ и постсоветским регионом.

Цель данной статьи – проанализировать состояние той части «русской» группы, которая сосредоточена в одном из ключевых органов внешнеполитического механизма США – аппарате Совета национальной безопасности (СНБ), структурно относящемся к Исполнительному управлению президента США. В администрации демократов работой Совбеза руководит один из основных консультантов действующего главы государства по вопросам внешней политики Джейкоб Салливан, занимающий пост помощника президента по национальной безопасности.

Статья охватывает период с января 2021 г. по февраль 2022 г. Именно на него пришёлся процесс складывания «русской» группы в структуре СНБ, определение её персонального профиля. Также данный отрезок времени стал первым этапом в развитии американско-российских отношений при администрации Дж. Байдена. Его отличали две прямо противоположные тенденции. С одной стороны, Вашингтон резко усилил санкционное воздействие на Москву. С другой – обеими сторонами была предпринята попытка к нормализации контактов. Она нашла воплощение в проведении встречи на высшем уровне (16 июня 2021 г. в Женеве, Швейцария), а также серии телефонных переговоров между Дж. Байденом и президентом России Владимиром Путиным. Всего состоялось пять телефонных консультаций и одна встреча в формате видеоконференции. Первый разговор между лидерами датируется 26 января 2021 г., пятый – 12 февраля 2022 г.

Изучение «русской» группы в аппарате СНБ в 2021 – начале 2022 г. включает рассмотрение её позиций в администрации в контексте модели управления внешней политикой, выбранной Дж. Байденом, оценку процесса её формирования и определения персонального профиля, анализ организационной структуры российского сектора в системе СНБ и его положения в общей иерархии пула специалистов по РФ.

«РУССКАЯ» ГРУППА В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКОЙ ПРЕЗИДЕНТА ДЖ. БАЙДЕНА

Из существующих к настоящему времени моделей управления внешней политикой Дж. Байден сделал ставку на смешанный вариант внешнеполитического руководства. Он основан на том, что ключевые полномочия пропорционально распределены между всеми основными фигурами внешнеполитического блока – главой государства, помощником по национальной безопасности и государственным секретарём.

Функции по формированию и реализации курса США на мировой арене также в относительно равной пропорции делегированы широкому пулу ведомств, имеющих отношение к внешнеполитической проблематике. Роль главного координационного органа выполняют при этом постоянный состав и аппарат СНБ.

Роль главы государства в такой конфигурации сводится к тому, чтобы модерировать отношения между государственным секретарём, помощником по национальной безопасности, директором ЦРУ и другими руководителями подразделений внешнеполитического механизма. Кроме того, в распоряжении президента – несколько лиц с особыми полномочиями (специальные президентские посланники, специальные представители, советники и пр.), которым он может поручать решение отдельных вопросов, имеющих, в представлении Белого дома, особую важность в тот или иной период времени.

В реалиях администрации Дж. Байдена это означает, что государственный секретарь Энтони Блинкен уравнивается помощником по нацбезопасности Дж. Салливаном. Последний формально выглядит слабее главы Госдепартамента. Он не обладает весом и опытом, сопоставимым с тем, что есть у Э. Блинкена. Однако его задача – не вступать в аппаратную борьбу с госсекретарём, а обеспечивать представленность президента во внешнеполитическом процессе. Кроме того, в распоряжении Дж. Салливана – СНБ, наделенный самостоятельными полномочиями в том, что касается выработки курса США на международной сцене. В этой связи весьма показательно, что штат Совбеза в администрации Дж. Байдена является одним из самых внушительных с начала 2000-х гг.

Кроме того, широким функционалом наделен ряд кураторов отдельных территориальных и проблемных направлений (т.н. «царей»; для этого неформального термина используется английская транскрипция русского слова «царь» - czar или tsar), фактически подотчетных только главе государства. Наиболее видный из них – бывший государственный секретарь, а ныне специальный посланник президента США по климату Джон Форбс Керри. В его ведение входит весь

комплекс вопросов, связанных с глобальным потеплением и ролью Америки в решении данной проблемы. Кроме того, за Дж. Керри закреплён статус неформального представителя президента по поддержанию контактов с отдельными странами, имеющими важность для Белого дома (включая РФ).

В ноябре 2022 г. полномочия, сопоставимые с функционалом Дж. Керри, но уже на латиноамериканском направлении, получил бывший сенатор от штата Коннектикут, ветеран американской политики Крис Додд. Он был назначен на пост специального советника президента по Северной и Южной Америке (*Special Presidential Advisor for the Americas*) [1].

Ещё один «царь» - Курт Кэмпбелл - курирует отношения с государствами Восточной и Южной Азии, а также Океании [2]; [3]. Он занимает пост координатора по Индо-Тихоокеанскому региону в аппарате СНБ. Формально К. Кэмпбелл подчинён Дж. Салливану, но по факту является фигурой с особыми полномочиями, напрямую подотчётной главе государства. Это подчеркивается тем, что вторая должность К. Кэмпбелла в Совбезе - заместитель помощника президента по национальной безопасности.

На этом фоне потенциал «русской» группы в аппарате СНБ выглядит не столь внушительно. Её руководитель занимает традиционные в таких случаях посты специального помощника президента и старшего директора СНБ. Данный нюанс означает, что глава «русской» команды наделён стандартными для кураторов территориальных треков полномочиями и подчиняется помощнику президента. Но, в то же время, в его ближайшее аппаратное окружение, представленное заместителями, не входит.

Показательны и аппаратные возможности «русского» крыла в системе СНБ. В подчинении у старшего директора находятся традиционный в таких случаях директорат (управление), но только два директора и, как следствие, два специальных отдела. Подобная штатная структура представляется довольно небольшой.

Для сравнения, в подчинении К. Кэмпбелла, по состоянию на начало 2023 г., находились три старших директора (по Восточной Азии и Океании; по Южной Азии; по Китаю), специальный помощник, глава Индо-Тихоокеанского директората, а также четыре простых директора (два по Китаю, один по Восточной Азии, один по Юго-Восточной Азии и островам Тихого океана) и столько же возглавляемых ими отделов.

К этому стоит добавить, что самостоятельное «русское» крыло традиционно развёрнуто и в Государственном департаменте. При смешанной модели руководства внешней политикой оно выступает в качестве конкурента «русской» команды СНБ. Структурно российская группа с «Фогги Боттом» (неофициальное название Госдепартамента) представлена в Управлении по делам Европы и Евразии (*Bureau of European and Eurasian Affairs*), подразделением которого является Отдел по делам России (*Office of Russian Affairs*). Причём она имеет своё представительство и на уровне высшего руководства Госдепартамента, в лице Виктории Нунланд. Последняя с мая 2021 г. занимает пост замгоссекретаря по политическим вопросам, курируя в этом качестве все территориальные управления дипломатического ведомства.

В то же время потенциал «русского» пула в аппарате Совбеза не стоит преуменьшать. Во-первых, сказывается значение, которое играет Россия для линии демократической администрации на европейском и евразийском направлениях с января 2021 г. Отношения с ней находятся на прямом контроле как помощника по нацбезопасности, так и самого главы государства. Приоритетная роль РФ напрямую отразилась и на подборе фигуры куратора данного трека в СНБ. Этот процесс оказался затяжным, чего с менее значимыми направлениями, как правило, не происходит.

Во-вторых, позиции «русской» команды в Совбезе не являются принципиально слабее, чем у других территориальных групп. За исключением индо-тихоокеанского трека, а также направления Ближний Восток и Северная Африка, большинство других региональных секторов получили в СНБ представительство, сопоставимое с российским. Например, в распоряжении старшего директора СНБ по Европе (этот пост занимает Аманда Слот) находится лишь один директор (по Балканам и Центральной Европе) и один связанный с ним отдел.

ФОРМИРОВАНИЕ «РУССКОЙ» КОМАНДЫ СОВБЕЗА. ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ КОНФИГУРАЦИИ

После победы Дж. Байдена на выборах главы государства 3 ноября 2020 г. перед его Президентской переходной командой (*Presidential transition team*), в числе прочего, стояла задача определить будущую конфигурацию внешнеполитического аппарата нового демократического кабинета. Включая его персональное измерение.

Профильный блок переходной команды оказался достаточно представительным. В его рядах следует отметить бывшего помощника президента по национальной безопасности Сьюзан Райс, бывшего посла США в Румынии Марка Гиттенштейна и представительницу ближайшего окружения Дж. Байдена, бывшего посла по особым поручениям по глобальным женским вопросам Кэтрин (Кэти) Расселл. Все они имели опыт работы на федеральном уровне в администрации Барака Обамы.

Первым выбором Переходной команды совместно с Дж. Байденом стало определение фигуры помощника главы государства по национальной безопасности. На эту позицию был отобран Дж. Салливан. Принципиальное значение данного игрока для аппарата Дж. Байдена подчеркивает тот факт, что анонсирование его будущего назначения состоялось 22 ноября 2020 г., то есть ещё до официального определения кандидата на пост госсекретаря. Номинация Э. Блинкена, как будущего главы дипломатического ведомства, была озвучена 24 ноября.

Вместе с представителями Переходной команды Дж. Салливан располагал фактически монопольным правом по выдвижению и согласованию кандидатов в состав аппарата СНБ, включая «русское» крыло. Как представляется, одним из его ближайших консультантов в этот период являлся Йоханнес Абрахам. В составе транзитной команды он, в статусе директора, курировал ежедневные оперативные вопросы, включая определение кадрового профиля Совбеза. После завершения президентского транзита Й. Абрахам сам пополнил штат СНБ. 20 января

2021 г. он занял позиции начальника аппарата и исполнительного секретаря СНБ, став непосредственным заместителем Дж. Салливана. В последующем Й. Абрахам перешёл на работу в Национальный экономический совет, а с октября 2022 г. был назначен послом США при Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Основные задачи, стоявшие перед Переходной командой и Дж. Салливаном в плане формирования «русского» крыла в СНБ сводились к следующему. Во-первых, к определению ареала территориальной ответственности «русской» группы в контексте распределения полномочий между региональными подразделениями Совбеза. Во-вторых, к подбору специалистов, соответствующих стоящим перед ними будущим задачам и кадровым предпочтениям Белого дома.

Обе задачи прямо вытекали из логики формирования каждой новой администрации. С одной стороны, вновь избранный глава государства определяет персональный состав своего правительства и аппарата на основе партийной принадлежности и личных пожеланий. Довольно распространенной является практика, когда во внешнеполитический блок назначаются фигуры, уже курировавшие вопросы внешней политики в предвыборном штабе победившего кандидата.

Так, в конце 2008 г. Переходная команда Б. Обамы сделала выбор в пользу М. Макфолла в качестве куратора российского трека в новом составе аппарата СНБ. В период президентской кампании 2007-2008 гг. именно М. Макфолл был главным специалистом по отношениям с РФ в избирательном штабе Б. Обамы.

С другой стороны, организационно-штатная структура аппарата Совбеза задается на базе территориальных предпочтений всякий раз после смены правительства США. Она не является чем-то статичным. Каждая новая администрация видит систему территориальных треков по-разному. Не является исключением и российский трек.

Например, на старте первой администрации Джорджа Буша-мл. (2001-2004 гг.) он рассматривался вместе с украинской и евразийской линиями. Как следствие, куратор единого направления в СНБ имел должность старшего директора по делам России, Украины и Евразии. Такая расстановка приоритетов оказалась наследием демократического кабинета Билла (Уильяма) Клинтона.

Изменения произошли уже в 2001 г., когда Россия была выделена в аппарате СНБ в отдельное производство. Куратор направления стал старшим директором по делам России. Инициатором такого решения выступила профильный специалист-советолог Кондолиза Райс, занимавшая пост помощника президента по национальной безопасности в 2001-2005 гг. И первым старшим директором СНБ по делам России стал карьерный дипломат Марк А. Пекала.

В реалиях 2021 г. российский трек был объединен со среднеазиатским. Их руководитель стал именоваться старшим директором по делам России и Центральной Азии. Также за ним был закреплен традиционный в таких случаях пост специального помощника президента. Европейский регион, объединенный при республиканцах с российским, обрёл самостоятельность, как это было всегда, вплоть до администрации Дональда Трампа [4].

В том, что касается кадрового регистра, первоначальный выбор Дж. Салливана и представителей Переходной команды был сделан в пользу Андреа Кендалл-Тейлор. На тот момент она занимала пост старшего научного сотрудника Центра новой американской безопасности (ЦНАБ; *Center for a New American Security - CNAS*). Её назначение на должность старшего директора по России и Центральной Азии было анонсировано в начале января 2021 г., до инаугурации Дж. Байдена [5].

А. Кендалл-Тейлор – специалист по России, вышедшая из системы разведывательных ведомств США. До 2015 г. она служила в аналитическом подразделении ЦРУ, занимая должность старшего аналитика. На этом посту отвечала за изучение политических процессов в РФ и других постсоветских странах. В 2015-2018 гг. А. Кендалл-Тейлор работала в Национальном совете по разведке (НСР), в Управлении директора национальной разведки (*Office of the Director of National Intelligence - DNI*). В системе НСР она была заместителем офицера национальной разведки по России и Евразии (*Deputy National Intelligence Officer for Russia and Eurasia*). В этом качестве продолжала курировать политические процессы на пространстве бывшего СССР, но уже в интересах всего разведывательного сообщества, а также аппарата СНБ. К штату ЦНАБ присоединилась в августе 2018 г.

Рассмотрение А. Кендалл-Тейлор как возможного руководителя русского крыла Совбеза было продиктовано рядом причин. Во-первых, её принадлежностью к предвыборному штабу Дж. Байдена. На рубеже 2020-2021 гг. А. Кендалл-Тейлор входила в состав Транзитной команды. В ней она курировала профильные для себя вопросы политики США в отношении РФ.

В-вторых, знакомством с функционированием аппарата Совбеза при администрациях Б. Обамы и Д. Трампа. В качестве специалиста НСР, в число обязанностей А. Кендалл-Тейлор входило тесное рабочее взаимодействие с подразделениями СНБ [6].

Однако сколько-нибудь продолжительной работа А. Кендалл-Тейлор во главе российского направления Совбеза не оказалась. Уже в феврале 2021 г. она покинула свой пост в Белом доме и вернулась на прежнюю должность в ЦНАБ. В связи с этим примечательно то, что в штате СНБ А. Кендалл-Тейлор официально оформлена не была, видимо, занимая пост старшего директора в статусе и.о. Для объяснения ситуации с ней Белый дом использовал формулировку «назначение было анонсировано, но официально в должность не вступила».

Причины скорого ухода А. Кендалл-Тейлор обнародования не получили. Наиболее вероятными представляются два потенциальных мотива. Первый – эксперт из разведки не оправдала ожиданий Дж. Салливана. Помощник Дж. Байдена пришёл в Белый дом с планом масштабного развития внешнеполитического аппарата США [7]. В том, что касается профиля «русского» крыла, он ориентировался на поиск персонального состава, соответствующего своим амбициям. И А. Кендалл-Тейлор могла не получить официального назначения именно в силу невысокой оценки её реальной компетенции Дж. Салливаном.

Второй мотив – личное решение А. Кендалл-Тейлор, не связанное с аспектами рабочего взаимодействия с руководством аппарата Совбеза, а продиктованное персональным выбором.

Сразу после отказа от кандидатуры А. Кендалл-Тейлор, команда аппарата СНБ вернулась к поиску главной фигуры «русского» крыла. Но теперь уже опираясь исключительно на собственные силы. Работа Переходной команды завершилась в январе 2021 г.

В начале апреля 2021 г. стало известно, что в качестве возможного кандидата на пост старшего директора СНБ по России и Центральной Азии фигурирует представитель экспертного сообщества Мэтью Рожански. На тот момент он являлся директором Института Кеннана, входящего в состав Международного центра Вудро Вильсона. М. Рожански – профильный специалист по России и классический представитель научно-аналитической среды. До Института Кеннана он занимался исследованиями в некоммерческой организации «Партнёрство за безопасную Америку» (*Partnership for a Secure America*) и Фонде Карнеги за международный мир. Опыт работы на госслужбе не располагал [8].

Однако его назначение на пост куратора российского направления так и не состоялось. Основная причина – недостаточная жесткость и прагматизм М. Рожански при оценке содержания отношений с РФ. Согласно данным американской прессы, в условиях курса на санкционное давление, которого придерживалась администрация Дж. Байдена на старте своей работы, эксперт Института Кеннана выглядел неоправданно «мягким» [9]. В апреле 2021 г. от его кандидатуры на пост старшего директора СНБ отказались.

Подбор оптимального варианта профиля «русской» команды был продолжен и завершился к маю 2021 г. Дж. Салливан и его окружение остановили свой выбор на фигуре Эрика Грина. Он получил официальное назначение на позиции специального помощника президента и старшего директора СНБ по России и Центральной Азии. В должность Э. Грин вступил до конца весны 2021 г.

Главу «русского» крыла можно характеризовать как человека с двойным бэкграундом. Согласно официальным данным, Э. Грин является карьерным дипломатом, пришедшим на дипломатическую службу в 1990 г. Он – профильный специалист по России. Кроме того, в его специализацию входят страны Европы. Э. Грин работал в посольстве США в РФ с 2009 по 2011 гг., занимая должность советника-посланника по политическим делам. В 2015-2017 гг. возглавлял Отдел по делам России в Управлении по делам Европы и Евразии Госдепартамента. Также в его профиле – опыт работы в Отделе политического планирования (ОПП - *Policy Planning Staff*) – внутренней «фабрики мысли» «Фогги Боттом».

Из зарубежной практики Э. Грина можно отметить службу в посольствах США в Исландии (2011-2013 гг.) и Польше (2018-2019 гг.). В обоих случаях он занимал позиции заместителя посла (*Deputy Chief of Mission*). В этом качестве Э. Грин, скорее всего, курировал политические вопросы. Кроме того, до 2006 г. он работал на более низких должностях в посольствах США в РФ, на Украине и на Филиппинах.

Официально дипломатическая карьера Э. Грина прервалась в июне 2020 г. Его последняя должность в системе Госдепартамента – заместитель декана Школы руководящего и управленческого состава (*Leadership and Management School*), входящей в состав Института зарубежной службы (*Foreign Service Institute*). В настоящее

время дипломат по своему рангу относится к представителям Высшей дипломатической службы.

Согласно другой информации, Э. Грин является представителем разведывательного сообщества США. Помимо работы в американском дипломатическом корпусе, он также успевал делать карьеру в спецслужбах. При администрации Б. Обамы занимал пост старшего политического аналитика в Управлении ЦРУ по анализу России и Европы (*Office of Russian and European Analysis*). В конце администрации Б. Обамы и в период работы кабинета Д. Трампа Э. Грин служил в Национальном совете по разведке на должности, аналогичной той, что занимала А. Кендалл-Тейлор, - заместителем офицера нацразведки.

Параллельность двух карьерных линий Э. Грина не должна вводить в заблуждение. Подобный опыт в практике американских спецслужб достаточно распространен. Прибегать к нему ЦРУ и другие специальные ведомства начали с 1980-х гг., прежде всего, на советском и восточноевропейском направлениях. Мотивом для этого стало желание выйти из-под жёсткой опеки контрразведывательных органов СССР и других стран Варшавского договора.

Одной из основных причин назначения Э. Грина старшим директором СНБ стали профессиональные связи. Как видно из опыта его службы в разведывательном сообществе, он пересекался с А. Кендалл-Тейлор. В частности, в НСР, где оба аналитика работали примерно в одно время и занимались одними и теми же вопросами. Более чем вероятно, что, приняв решение покинуть Совбез, А. Кендалл-Тейлор в числе своих возможных преемников рекомендовала кандидатуру Э. Грина.

Также важно учитывать, несомненно, высокий уровень профессиональной квалификации аналитика-разведчика и дипломата. В частности, Э. Грин - специалист по внешнеполитическому планированию. Как отмечалось выше, в Госдепартаменте он имел опыт работы в ОПП. В начале 2000-х гг. по линии этого отдела его делегировали в Белфаст (Северная Ирландия). В тот период на специалистов ОПП возлагалась задача обеспечить завершение процесса урегулирования Североирландского конфликта, начатого после подписания Белфастского соглашения в 1998 г. [10]. Навыки, приобретённые в Северной Ирландии, несомненно, укрепили квалификацию Э. Грина.

Принадлежность к когорте «политических операторов» сближает его с Дж. Салливаном. Действующий помощник президента являлся директором ОПП с 2011 по 2013 гг., будучи представителем ближайшего окружения тогдашнего госсекретаря Хиллари Клинтон. И хотя Э. Грин и Дж. Салливан работали в «думающем танке» «Фогги Боттом» в разное время, сам факт наличия у них схожего опыта вполне мог повлиять на назначении первого в аппарат СНБ.

С точки зрения своего функционала и положения в Совбезе Э. Грин - достаточно видная фигура. Он - главный консультант по вопросам американо-российских отношений как своего прямого начальника Дж. Салливана, так и непосредственно Дж. Байдена.

Значимость старшего директора подчеркивается его участием в ключевых переговорах с российской стороной. Э. Грин относился к кругу ответственных лиц

администрации, участвовавших в подготовке и проведении саммита США - Россия, состоявшегося в Женеве. Он входил в состав американской делегации на прошедших тогда переговорах с президентом РФ В.В. Путиным. Кроме Дж. Байдена она включала ещё пять представителей его кабинета [11]. Это Э. Блинкен, Дж. Салливан, заместитель госсекретаря по политическим вопросам В. Нуланд, Э. Грин и тогдашний посол США в России Джон Салливан.

Свою роль приближенного к «уху главы государства» (фраза из вашингтонского политического жаргона) по вопросам отношений с Россией Э. Грин сохранил и в последующем. Так, 7 декабря 2021 г. состоялись очередные переговоры президентов Дж. Байдена и В. Путина. На сей раз в формате видеоконференции. Участие в консультациях от США, кроме американского лидера, приняли только три игрока - Дж. Салливан, Э. Блинкен и Э. Грин [12].

С назначением Э. Грина формирование руководящего профиля «русской» группы в аппарате СНБ завершилось. Команда Дж. Салливана получила искомую для себя конфигурацию специалистов на российском треке.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА «РУССКОГО» КРЫЛА СНБ

В организационном плане в аппарате Совбеза администрации Дж. Байдена «русское» крыло представлено одним старшим директором и одним директором. В подчинении последнего находится Отдел по России, входящий в состав Директората по России и Центральной Азии. Объединение России с Центральной Азией в рамках одного направления в практике СНБ выглядит не совсем типично. В период холодной войны советское направление, как правило, рассматривалось вместе с восточноевропейским, включавшим страны, входившие в Организацию Варшавского договора (ОВД). Его курировал старший директор СНБ по делам Советского Союза и Восточной Европы. Именно такой пост в 1989-1991 (в администрации Джорджа Буша-старшего) занимала К. Райс [13].

Завершение холодной войны и крушение Советского Союза привело к пересмотру территориальных координат в системе СНБ. При Б. Клинтоне российский трек был объединен с украинским и евразийским. Под последним подразумевались все бывшие республики СССР, за исключением прибалтийских стран. Латвия, Литва и Эстония отошли в ведение старшего директора по делам Европы. Государства, ранее входившие в ОВД, также перешли в европейский сектор.

С началом работы администрации Дж. Буша-младшего в СНБ последовала попытка вывести Россию в самостоятельное направление. Его курировал старший директор по России. Остальные постсоветские государства переходили в ведение других территориальных команд. С момента начала работы кабинета Б. Обамы данное решение было отменено. Российское направление снова стало рассматриваться вместе с евразийским. В последнее входили Украина, Белоруссия, Молдавия и страны Средней Азии.

Администрация Д. Трампа подходила к российскому направлению в контексте отношений с Европой. Как следствие, оба трека рассматривались вместе. При этом в европейском секторе компанию Прибалтике из бывших советских республик составили Украина, Белоруссия и Молдавия.

Текущая расстановка территориальных приоритетов в аппарате СНБ подразумевает, что РФ воспринимается администрацией Дж. Байдена в увязке со странами Центральной Азии. К таковым относятся пять бывших советских республик, плюс, Афганистан. При этом куратору российского направления не «вернули» Белоруссию, Украину и Молдавию. Они остались в ведении старшего директора по Европе.

Сведение российского и центрально-азиатского треков воедино было не в последнюю очередь продиктовано повышенной значимостью Афганистана для кабинета Дж. Байдена в начале его работы. Одним из центральных вопросов демократической администрации на протяжении первой половины 2021 г. являлось завершение вывода войск США из этой страны, при сохранении там проамериканского режима.

В пользу рассмотрения отношений с Россией под афганским углом говорит организационная структура профильного Директората СНБ. Как уже отмечалось, в подчинении Э. Грина находятся два директора. И один из них - по Афганистану. В настоящее время этот пост занимает Эллисон Варриккьо. Директоров по другим странам Центральной Азии в аппарате Э. Грина не выделено.

Другой важный мотив, читающийся за перераспределением территориальных полномочий в аппарате СНБ – желание «отделить» Россию от восточноевропейских республик бывшего СССР. Фактически курс кабинета Дж. Байдена в постсоветском регионе основан на стремлении добиться как можно большего размежевания между РФ, с одной стороны, и западными постсоветскими странами, с другой. В том числе за счёт подчеркивания «европейского профиля» Минска, Киева и Кишинёва, их обособленности от сферы интересов и влияния Москвы.

Непосредственным куратором РФ в территориальном блоке Э. Грина выступает Катрина Элледж. Она занимает пост директора СНБ по России. К. Элледж – профильный для российского трека специалист, выходец из системы Министерства обороны США. В числе прочего, специализируется и на украинской проблематике. Она работала в центральном аппарате Пентагона с 2001 г., занимая должности в аналитическом блоке. Последняя позиция К. Элледж в американском оборонном ведомстве – старший аналитик по России. Учитывая непрозрачность сведений о профессиональной биографии директора СНБ, нельзя исключать, что на протяжении своей карьеры она имела отношение к военной разведке (Разведывательному управлению Министерства обороны - РУМО).

К. Элледж выступает в роли «исполнительной руки» Э. Грина на российском направлении. Будучи главой профильного отдела, она занимается всем спектром вопросов, связанных с американо-российскими отношениями. К. Элледж и подчиненные ей специалисты осуществляют необходимую техническую работу, входящую в компетенцию СНБ по теме диалога с РФ.

РОЛЬ «РУССКОЙ» ГРУППЫ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

С точки зрения своего функционала «русская» группа СНБ представляет собой, прежде всего, инструмент президентской дипломатии, отвечающий за отдельное направление. Её усилия в 2021 – начале 2022 гг. были направлены на обеспечение запросов повестки главы государства. В их числе – подготовка телефонных консультаций Дж. Байдена с В. Путиным, организация и проведение встречи в верхах в Женеве, проработка инициатив президента и его помощника по нацбезопасности в отношении РФ, подготовка и контроль за введением новых санкций и пр.

При этом видную роль в диалоге с РФ играли и другие игроки. Дж. Байден постарался «диверсифицировать» полномочия на российском треке. На нём был задействован целый ряд высокопоставленных представителей администрации, назначенных Белым домом для выполнения определённых задач. Свой объём полномочий получили директор ЦРУ Уильям Бёрнс (видный представитель «русской» и ближневосточной групп, посол США в РФ в 2005-2008 гг.), специальный посланник президента по климату Дж. Керри, топ-лица Госдепартамента во главе с Э. Блинкеном и его подопечными - заместителем госсекретаря Венди Шерман, В. Нуланд и др.

В частности, на Дж. Керри были возложены полномочия по установлению и поддержанию неформальной связи с министром иностранных дел РФ Сергеем Лавровым. В этом качестве он входил в число «застрельщиков» процесса подготовки саммита США - РФ в Женеве [14]. Также Дж. Керри, на основе своих официальных полномочий, курировал диалог с Россией по теме глобального изменения климата.

У. Бёрнс выполняет функции неофициального представителя президента по особым поручениям. Именно на него Белый дом возложил миссию проведения «предостерегающих» переговоров с Москвой в ноябре 2021 г. [15], перед новым витком эскалации вооруженного конфликта на Украине.

На этом фоне «русское» крыло аппарата СНБ выступало в качестве своего рода «штаба» по вопросам отношений с РФ при Дж. Салливане. В том, что касается оформления идей помощника президента, выработки военно-политического и политико-экономического курса на направлении, его межведомственного согласования и контроля за реализацией, пулу экспертов СНБ принадлежала ведущая роль.

С точки зрения исторических параллелей наиболее уместным представляется сравнение положения «русской» команды СНБ в 2021-2022 гг. с периодом, когда во главе Совбеза стояла К. Райс. Тогда группа специалистов по России также выступала в качестве важного инструмента обеспечения претензий и амбиций помощника президента по нацбезопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценка состояния «русской» группы в аппарате СНБ администрации Дж. Байдена в 2021-2022 гг. позволяет сделать следующие выводы.

Подлинно самостоятельной роли в системе Совбеза пул специалистов по России во главе с Э. Грином не имел. Он напрямую подчинялся Дж. Салливану. Последний располагал особыми полномочиями в том, что касалось формирования и контроля за реализацией политики США в отношении РФ.

При этом «русское» крыло СНБ выступало в качестве ведущего центра выработки курса США на российском направлении. Планирование политики, проработка повестки и инициатив в отношении России, их межведомственное обсуждение и согласование – все эти процедуры находились в ведении команды Э. Грина.

Что касается кадрового измерения, в «русской» группе СНБ наметилось фактическое доминирование выходцев из разведывательного сообщества и аппарата Минобороны. Эта тенденция прослеживалась уже в период работы администрации Д. Трампа. И в правительстве Дж. Байдена она получила своё дальнейшее закрепление. Из трёх претендентов на должность старшего директора по делам России и Центральной Азии двое (А. Кендалл-Тейлор и Э. Грин) являлись выходцами из аналитического крыла ЦРУ и лишь один (М. Рожански) – из экспертного сообщества.

В функциональном плане «русское» крыло СНБ кабинета Дж. Байдена - во многом технократическое образование, способное одинаково профессионально проработать любой сценарий развития взаимодействия с РФ. Всё зависит от предпочтений президента и его «ближнего» круга. Это подтверждается характером развития американо-российских отношений в 2021-2022 г. Сначала Белый дом делал ставку на размежевание, воплощавшееся в санкционном давлении. После саммита в Женеве наметилась тенденция к ограниченному партнёрству. А осенью 2021 г. его сменило новое серьёзное охлаждение. И «русская» группа Э. Грина с одинаковым профессионализмом принимала участие в формировании и реализации каждого из указанных форматов диалога с Москвой.

ИСТОЧНИКИ

1. Appointment of Chris Dodd as Special Presidential Advisor for the Americas. US Department of State. Press Statement. 2022. November 18. Available at: <https://www.state.gov/appointment-of-chris-dodd-as-special-presidential-advisor-for-the-americas/> (accessed: 24.01.2023).

2. Sevastopulo, D. Joe Biden poised to name foreign policy expert as Asia tsar. *Financial Times*. 2021. January 13. Available at: <https://www.ft.com/content/ac4c02f4-48a7-49f3-9a06-0c3879750b37> (accessed: 30.01.2023).

3. Khan, F. Understanding Biden's 'Asia Czar' on China. *The U.S.-China Perception Monitor*. 2022. March 30. Available at: <https://uscnpm.org/2022/03/30/understanding-bidens-asia-czar-kurt-campbell/> (accessed: 30.01.2023).

4. DeYoung, K. Biden's NSC to focus on global health, climate, cyber and human rights, as well as China and Russia. *The Washington Post*. 2021. January 8. Available at: https://www.washingtonpost.com/national-security/biden-nsc-covid-climate-cyber-china/2021/01/08/85a31cba-5158-11eb-83e3-322644d82356_story.html (accessed: 24.01.2023).

5. Crowley, M. Announcing National Security Council staff appointees, Biden restores the office for global health threats. *The New York Times*. 2021. January 8. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/01/08/us/politics/announcing-national-security-council-staff-appointees-biden-restores-the-office-for-global-health-threats.html> (accessed: 27.01.2023).

6. Andrea Kendall-Taylor. Center for a New American Security. Staff. Available at: <https://www.cnas.org/people/andrea-kendall-taylor> (accessed: 24.01.2023).

7. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on the Biden-Harris Administration's National Security Strategy. The White House. Speeches and Remarks. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/10/13/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/> (accessed: 30.01.2023).

8. Matthew Rojansky. Wilson Center. Experts. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/person/matthew-rojansky> (accessed: 24.01.2023).

9. Swan, J., Basu, Z. Scoop: Biden eyes Russia adviser criticized as soft on Kremlin. *Axios*. 2021. April 11. Available at: <https://www.axios.com/2021/04/10/biden-national-security-council-russia-director> (accessed: 25.01.2023).

10. Hargy R. The State Department's Northern Ireland Special Envoys and the redemption of the Good Friday Agreement. *Irish Journal of American Studies*. 2022. Issue 11. Available at: <http://ijas.iaas.ie/issue-11-richard-hargy/> (accessed: 30.01.2023).

11. Recap: Biden, Putin conclude summit. *Axios*. 2021. June 16. Available at: <https://www.axios.com/2021/06/16/biden-putin-summit-live-updates> (accessed: 25.01.2023).

12. Vazquez, M. Biden told Putin that 'things we did not do in 2014, we are prepared to do now' if Russia escalates in Ukraine, top adviser says. *CNN Politics*. 2021. December 8. Available at: <https://edition.cnn.com/2021/12/07/politics/biden-putin-call-ukraine/index.html> (accessed: 30.01.2023).

13. Condoleezza Rice. Government. The White House. President George W. Bush. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/government/rice-bio.html> (accessed: 25.01.2023).

14. Sergey Lavrov, John Kerry meet in India, discuss climate-related matters. *Hindustan Times*. 2021. April 06. Available at: <https://www.hindustantimes.com/india-news/sergey-lavrov-john-kerry-meet-in-india-discuss-climate-related-matters-101617697518812.html> (accessed: 30.01.2023).

15. Troianovski, A., Barnes, J.E. U.S.-Russia Engagement Deepens as C.I.A. Head Travels to Moscow. *The New York Times*. 2021. November 2. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/11/02/world/europe/united-states-russia-william-burns.html> (accessed: 03.04.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МИНАЕВ Максим Викторович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Maxim V. MINAEV, Candidate of Sciences (Political), Senior Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3, Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, 2/3.

Статья поступила в редакцию 1.06.2023 / Received 1.06.2023.

Поступила после рецензирования 15.06.2023 / Revised 15.06.2023.

Статья принята к публикации 16.06.2023 / Accepted 16.06.2023.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русск., англ.), аннотация (русск., англ.), ключевые слова (русск., англ.), полная информация об авторе (русск., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.